

Индекс П8643

4
2021

РОССИЯ XXI 2021 4

РОССИЯ XXI

4.2021 июль-август

Геоглобалистика

Левон Сафарян

Иракский Курдистан в новых реалиях
Ирака: от падения Саддама Хусейна
до референдума о независимости _____ 6

Теория и практика политических игр

Сергей Орешин

Взаимоотношения федерального Центра
и Чеченской Республики в 1992–1994 гг. _____ 30

Россия в мире

Ольга Заиченко

«Нас считают гуннами...»: рост антирусских настроений в Германии в 30–40 годы XIX века и ответная реакция правящих кругов России _____ 54

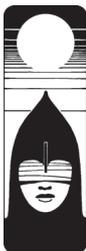
Страницы истории

Артем Фаизов

Состав кабинета министров
в 1734–1741 годах: деятельность
основных персоналий _____ 82

Вартан Эйриян

Журнал Московской Патриархии
как отражение сталинской политики
в первые послевоенные годы _____ 108

Национальная доктрина

Игорь Татаринков

От Таврической губернии к Советской
республике: трансформации статуса
и административно-территориальных
рубежей Тавриды в 1917–1921 гг. __ 130

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

Как сталинская шутка стала
эпицентром идеологической кампании
и что из этого вышло (1928 год) __ 156

Contents in English look at the page 176

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубризатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).
Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типोगрафии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Диктаторы ездят верхом на тиграх, боясь с них слезть. А тигры между тем начинают испытывать голод.

Уинстон Черчилль

Бунты – язык тех,
кого не выслушали.

Мартин Лютер Кинг

Левон Сафарян

ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН В НОВЫХ РЕАЛИЯХ ИРАКА

ОТ ПАДЕНИЯ
САДДАМА ХУСЕЙНА
ДО РЕФЕРЕНДУМА
О НЕЗАВИСИМОСТИ*

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК

94 (5)

В статье рассматриваются ключевые события развития ситуации в Ираке после военной операции США 2003 года. Анализируются основные противоречия между этническими и конфессиональными группами в стране, а также роль курдского населения в становлении нового Ирака. Рассматриваются шаги курдских лидеров и их позиция в условиях оккупации Ирака, взаимодействие Вашингтона с курдами и роль Турции в Иракском Курдистане. Делаются выводы о дальнейшей дестабилизации ситуации в Ираке, а также о перспективах Курдского автономного района.

The article discusses key developments in Iraq since the 2003 U.S. military operation. It analyzes the main contradictions between ethnic and confessional groups in the country, as well as the role of the Kurdish population in the formation of the new Iraq. It examines the steps of Kurdish leaders and their position in the face of the occupation of Iraq, Washington's interaction with the Kurds and Turkey's role in Iraqi Kurdistan. The author concludes the further destabilization of the situation in Iraq, as well as the prospects of the Kurdish Autonomous Region (KAR).

Ключевые слова: Ирак; Саддам Хусейн; Иракский Курдистан; Масуд Барзани; Джаляль Талабани; иракская война; Курдский автономный район (КАР); шииты; сунниты; курды.

Key words: Iraq; Saddam Hussein; Iraqi Kurdistan; Masoud Barzani; Jalal Talabani; Iraq War; Kurdish Autonomous Region (KAR); Shiites; Sunnis; Kurds.

E-mail: s-levon99@mail.ru

*Окончание. Начало см.: Россия XXI, 2021. №№2, 3.

**Иракские курды
перед лицом перемен**

Складывавшаяся конфигурация сил на Ближнем Востоке в целом и в Ираке в частности к началу 2000-х гг. вкуче с ключевой ролью внешних акторов

в лице США не могла не затронуть и ход курдского движения и государственного строительства в Иракском Курдистане. Одним из основополагающих элементов этой конфигурации стало противостояние курдов и режима Саддама Хусейна, после установления диктатуры которого в далеком 1979 г. «особенно отчетливо стала проявляться враждебность правящих кругов Ирака к курдам» [11]. Однако стоит отметить и враждебность радикальных исламистских сил в отношении курдов. Террористическая группировка «Солдаты ислама» («Джунуд аль-Ислам») ставила своей целью фактическое уничтожение курдской автономии и других исламских организаций умеренного толка в КАР [4]. Деятельность этой группировки привела к расколу «Союза мусульман Курдистана», которые заняли нишу исламских идей в автономии. «Солдаты ислама» запретили суфийский орден какаи, который пользовался особым уважением в среде иракских курдов, проживающих у ирано-иракской границы, в иранской провинции Западный Азербайджан и в ряде районов Сирии, Турции и Закавказья [4]. Однако светский характер курдского движения в Ираке не привел к разрастанию межрелигиозных противоречий в КАР. После того, как лидеры иракских курдов справились с межкурдскими разногласиями, установили отношения с сопредельными государствами и не допустили разрастания деятельности радикальных исламистов в Южном Курдистане, «стало очевидным, что в Иракском Курдистане уже к 2002 г. была достигнута относительная стабильность и созданы условия для дальнейшего планомерного социально-экономического развития региона» [1, с.288]. И именно вторжение американцев в Ирак в 2003 г. стало своего рода точкой бифуркации не только для всего региона, но и для иракских курдов, которые сумели в водовороте роковых событий занять свое место.

Важно отметить, что и Джаляль Талабани, и Масуд Барзани опасались возможных последствий проведения широкомасштабной военной операции США против Саддама Хусейна. Однако курдские пешмерга вместе с американскими войсками приняли участие в боевых действиях при проведении локальных операций по установлению контроля над Киркуком и Мосулом с прилегающими к ним районами [5, с.231]. Курды справедливо опасались постаддамовского устройства государства, что отражает некоторую дихотомию в событиях 2003 г., которая отчетливо проглядывается на их собственном примере: с одной стороны, режим Хусейна был непримиримым

Уничтожение статуи Саддама Хусейна

соперником и угрозой для курдского населения, но, с другой, – вопрос организации власти в Ираке после его свержения был неясен. Как показали дальнейшие события, опасения курдских лидеров были обоснованными, ведь «альтернативы диктаторскому правлению С.Хусейна, опиравшемуся на тикритский клан, суннитскую верхушку иракского общества и баасистскую идеологию панарабизма, американцы даже не искали» [1, с.287]. Тем не менее к апрелю 2003 г. коалиционные силы полностью подавили сопротивление иракских войск и установили контроль над всей территорией Ирака, а курдские пешмерга заняли всю территорию Иракского Курдистана. Стратегический Киркук также контролировался курдскими военизированными отрядами, несмотря на то, что американское командование призвало их покинуть город после завершения операции. Киркук является «яблоком раздора» между иракскими курдами и Турцией, иракскими курдами и туркоманами, иракскими курдами и Багдадом. Важно отметить, что эксплуатация нефтепровода Киркук-Джейхан, «обеспечивающего выход иракской нефти через Средиземное море на мировые рынки» [1, с.285], зависит от стабильности в Иракском и Турецком Курдистане, а в самом городе находятся богатейшие нефтяные месторождения. В течение долгого периода времени иракские власти стремились изменить демографическое положение в Киркуке и в провинции Таамим.

Ирак в состоянии вечного конфликта

В то же время начали проявляться противоречия между курдами и арабами в политической сфере. Между иракскими курдами и арабами-шиитами были споры по типу будущего государственного строительства Ирака. Курды выступали за «этнический» тип федерализации (мультинациональный, плюралистический), подразумевающий большую автономность. А шииты, составлявшие примерно 60% населения, поддерживали «мажоритарный» тип федерализации (мононациональный, плюралистический), который позволял сосредоточить в руках шиитов «максимальную власть как во всем Ираке за счет численного большинства арабов-шиитов, пропорционально представленного во всех ветвях власти в центре, так и в своем субъекте (южная часть Ирака)» [1, с.290]. Что касается арабов-суннитов, то они, фактически «изгнанные» из управленческих структур в ходе событий 2003 г., рассматривали курдов и шиитов как факторы, которые могут привести Ирак к фактическому распаду государства. Как отмечал Е.М.Примаков, США после свержения Саддама Хусейна встали перед дилеммой: «либо поддерживать сепаратистские настроения курдов и тем самым окончательно сломать Ирак, разделив его на части, либо сохранить Иракский Курдистан в составе общего государства в расчете, что удастся опереться на курдов в отстаивании своих интересов» [8, с.23].

Основные религиозные и этнические группы Ирака

Таким образом, после военной операции 2003 г. различные полосуы силы в Ираке оказались на пороге глобальных перемен и «вечного конфликта», грозившего полной дезинтеграцией некогда мощного регионального игрока, коим являлся Багдад. Крах режима Саддама Хусейна стал катализатором переустройства государства, с изначально высоким межконфессиональным и межэтническим конфликтным потенциалом, что в полной мере проявилось после 2003 г. Применительно к самому курдскому движению в Ираке очевидно, что падение баасистской диктатуры с опорой на арабов-суннитов и лояльные кланы (например, родное племя Саддама ат-Тикрити) «создало благоприятные условия к законодательному оформлению широкой курдской автономии в рамках нового Ирака» [1, с.293].

В таких условиях курды играли активную роль в государственном строительстве Ирака. В частности, их лидеры предлагали в ближайшее время решить вопрос о федерализации страны: коалиционная администрация должна была передать властные функции временному правительству, которое планировалось создать до конца июня 2004 г., а выборы в парламент, который получал полномочия по принятию Конституции, ожидалось провести до конца 2005 г. Другим важным предложением курдов стало расширение расширенной автономии на территориях, подконтрольных силам ДПК и ПСК, а также – в провинции Таамим, части провинций Дияла и Ниневия, а столицей Иракского Курдистана курды желали видеть Киркук. В январе 2004 г. начались переговоры Джаляля Талабани и Масу-

Джаляль Талабани – президент Ирака (2005–2014 гг.)

да Барзани с представителем американской гражданской администрации в Ираке П.Бремером и его британским заместителем Дж.Гринстоком, в ходе которых обсуждались основополагающие вопросы устройства будущего иракского государства. В итоге произошла эволюция позиции американцев: если изначально администрация Дж.Буша-младшего фактически дала согласие на раздел Ирака на арабскую и курдскую составляющие вкупе с широкой автономией Курдистана в качестве субъекта федерации, то позже было принято решение о предоставлении курдам особого автономного статуса.

Необходимо отметить, что США приходилось корректировать свою позицию ввиду возможного недовольства своего партнера по НАТО Турции, которая опасалась появления гипотетического суверенного курдского государства у своих границ. Но в то же время после событий 2003 г. Анкара «начала наращивать усилия по закреплению своих позиций в КАР с целью обеспечения гарантированного доступа к энергоресурсам региона и привлечения иракских курдов на свою сторону в затяжной борьбе с боевиками РПК в самой Турции» [11]. Несмотря на возникшие трудности, в феврале 2004 г. курдские лидеры представили «Проект региональной конституции Курдистана», в котором подтверждались требования курдов о границах КАР (провинции Ниневия, Дохук, Эрбиль, Таамим с центром в Киркуке, Сулеймания, Дияла и территории Ирака к северу и западу от бывшей «зеленой линии»), его широкой автономии, сохранении отрядов пешмерга, суверенитета над природными ресурсами региона [1, с.296]. Арабы выступили с резкой критикой запрашиваемых курдами требований, закономерно полагая, что их реализация приведет к формированию государственного образования в составе Ирака с потенциалом к выходу из него. Американская военная администрация оказалась в нелегком положении, призывая курдских лидеров к компромиссу с остальным населением Ирака. США не признавали нефтеносные Киркук и Ханакин частью Иракского Курдистана.

Курды и новые реалии постсаддамовского Ирака

В ходе напряженных переговоров в марте 2004 г. Временным управляющим советом страны был принят «Закон об управлении Государством

Ирак на переходный период» (Временная конституция), в которой Ирак признавался многонациональным государством с арабским и курдскими языками в качестве официальных. В статье 58 отмечалось, что Национальная ассамблея Курдистана могла вносить поправки к федеральным законам на курдской территории с оговоркой, что поправки не затрагивали сферы, находившиеся в ведении федерального правительства (внешняя, финансо-

вая, монетарная политика, национальная безопасность, управление природными ресурсами) [5, с.232]. Арабы-сунниты, являвшиеся при Саддаме Хусейне связующим звеном во властных структурах страны, выступили против этого Закона, призывая к унитарному государству. Шииты также осудили его, подвергнув критике положения, связанные с религией, положением женщин и статусе КАР, хотя изначально арабы-шииты рассматривали федерализацию как одну из возможных форм территориально-государственного устройства Ирака, склоняясь при этом к унитарному демократическому государству. Шиитские лидеры также предлагали реформативировать проект Президентского совета: президентом должен был стать араб-шиит, а вице-президентами – курд и суннит вкуче с тем, что его состав расширялся до пяти человек, трое из которых являлись бы шиитами. Ни курды, ни арабы-сунниты не согласились с предложенным вариантом, обвинив шиитов в проведении интересов иранских руководителей, стремившихся к распространению своего влияния на соседний Ирак посредством шиитского большинства в стране.

Говоря о федеративном характере иракской государственности, стоит отметить, что Временная конституция фактически предоставляла право «любой из 18 провинций решать вопрос о присоединении к федеративному государству. Открываются двери для шиитов, доминирующих в южных провинциях, для объединения в свой собственный район, равно как для курдской самоуправляющейся зоны на севере» [1, с.298]. В таких условиях особо негативно арабы-шииты отнеслись к статье 61, согласно которой итоги референдума по проекту будущей Конституции будут признаны положительными, если он не будет отвергнут 1/3 избирателей в трех и более провинциях. Положения этой статьи шииты связали с попыткой американцев проводить свои интересы посредством курдского населения, которое могло бы воспользоваться этим правилом. Нельзя исключать, что США «делают ставку на иракских курдов как наиболее прочную точку опоры в Ираке и радикальный фактор, способный оказывать давление на страны региона, в первую очередь соседей Ирака – Турцию, Иран и Сирию» [5, с.233]. Важно отметить, что у курдов имелись (и имеются) собственные довольно эффективные вооруженные силы пешмерга, которые в условиях хаоса и анархии в Ираке выступали значительным фактором. Во многом политические цели курдов, которые они преследовали на протяжении всего периода после свержения Саддама Хусейна, были отражены в проекте Конституции Иракского Курдистана от 2002 г., при этом заявлялось о приоритете этой Конституции перед общенациональными законами, что де-факто означало конфедеративное устройство с точки зрения курдов.

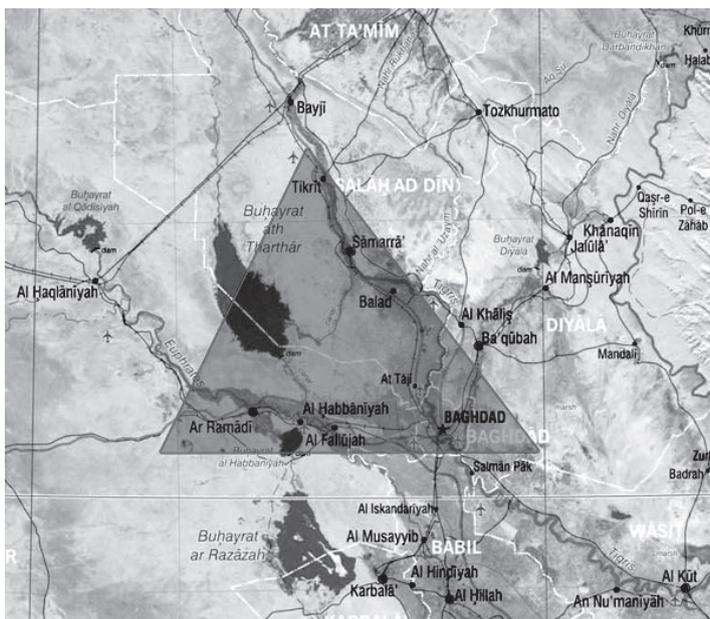
Возвращаясь к подписанию Временной конституции, необходимо указать на то, что после возражений одного из шиитских лидеров Ирака ас-Систани по поводу расширенной автономии КАР это положение не вошло в окончательный вариант. Хотя курды сумели провести его в статьях 53 и 54 Переходного административного закона (ПАЗ). Однако в конце июня 2004 г. срок функционирования ПАЗ завершился, а американцы передали управленческие полномочия президенту Ирака. А после того, как в июне 2004 г. была принята резолюция №1546 СБ ООН, которая не гарантировала в полной мере права курдов на самоопределение и фактически не признавала легитимное существование регионального правительства в КАР, курды пришли к выводу о том, что мировое сообщество рассматривало курдский вопрос в постсаддамовский период как внутрииракскую проблему.

Али ас-Систани – великий аятолла, духовный лидер иракских шиитов

В курдских политических кругах высказывались радикальные мнения о том, что «в последние 80 лет территориальная целостность Ирака была фикцией, и государство не было способно гарантировать населению политическую и социальную стабильность» [1, с.302]. Новый премьер-министр курдского регионального правительства Омар Фаттах заявил о большом подозрении со стороны курдов в отношении шагов американской стороны применительно к Багдаду. Курды также негативно отнеслись к тому, что

изначально ни один из курдских лидеров не вошел в состав центрального правительства в Багдаде. Ко всему этому прибавлялся рост напряженности в отношениях между ключевыми политическими силами в самом Ираке. Американцы недалековидно фактически своими же руками привели к упрочению позиций арабов-шиитов, что автоматически вело к усилению влияния Тегерана в стране, что вызывало настороженность США, негативно относившихся к шиитскому доминированию. В то же время проводившаяся дебаасизация и де-факто политическая маргинализация арабов-суннитов настраивали против американских войск бывших функционеров режима Саддама Хусейна, что особенно отчетливо проявилось в зоне «суннитского треугольника».

Район «суннитского треугольника» (юго-восточная точка – Багдад, юго-западная точка – Ар-Рамади, северная точка – Тикрит)

«Внутренняя кухня» иракских курдов

В таких условиях лишь иракские курды оставались реально ключевым партнером для Вашингтона в будущем Ираке, хотя сам Джалалял Талабани подчеркивал, что «быть союзниками США не означает, что курды

могут стать марионетками в чьих-либо руках» [1, с.303]. Курдские лидеры отчетливо понимали, что Вашингтон решал исключительно свои собственные стратегические задачи, а в тех условиях они пересекались с курдскими чаяниями о расширенной автономии КАР на севере страны. В марте 2004 г. в Салах эд-Дине состоялась конференция по вопросам примирения между ДПК и ПСК, по результатам которой Талабани и Барзани объявили о создании Совета национального примирения, а перед парламентскими выборами в Ираке был сформирован единый Демократическо-патриотический союз Курдистана. Возможно, тогда же была достигнута договоренность о поддержке со стороны Барзани Талабани при выдвижении последнего на пост президента Ирака в обмен на то, что сам Барзани станет главой Иракского Курдистана.

Для курдов выборы в парламент страны, прошедшие в январе 2005 г., стали одной из важнейших вех в период после свержения режима Саддама Хусейна. Как отмечалось выше, курдские политические силы выступили единым блоком, что привело к тому, что курды получили 77 мест, став второй по численности фракцией после шиитов. Важно отметить, что курдам удалось получить большинство в местных органах власти в провинции Таамим с центром в стратегически важном Киркуке. Курды активно лоббировали своих кандидатов на высшие должности в Ираке, в результате чего в апреле 2005 г. главой Президентского совета стал лидер ПСК Джаляль Талабани, первый в истории страны президент-курд, а одним из вице-президентов стал представитель ДПК Ариф Тайфур. Также курды получили

Джаляль Талабани и Масуд Барзани

семь министерских портфелей, в том числе – министра иностранных дел (Хошияр Зибари). Вдобавок ко всему иракские курды в соответствии с результатами парламентских выборов «получили право вето при формировании правительства, когда требовалось 2/3 голосов членов парламента для утверждения ключевых министров» [1, с.307].

Этот фактор пытались в полной мере использовать американцы, которые рассчитывали использовать курдов и умеренных шиитов во главе с Айядом Аллави в противовес арабским националистам и особенно – фундаменталистам, которые, в свою очередь, пользовались активной поддержкой Тегерана. Арабы-сунниты фактически бойкотировали значительные политические изменения и выступали против расширения представительства курдов в органах власти страны. Туркоманы же при поддержке Анкары стали требовать ухода курдов из Киркука, хотя лидер ДПК Масуд Барзани заявил о своей готовности пойти на компромисс с ними по всем вопросам, кроме статуса этого города. Позицию Барзани поддержал и Талабани, заявивший о неотъемлемых правах курдов на обладание Киркуком с учетом интересов иракских туркоманов. Этот вопрос также приводил к обострению турецко-иракских отношений, что заставило Вашингтон занять нейтральную позицию. США негативно относились к военным операциям Турции на севере Ирака, справедливо опасаясь новых жертв и дестабилизации и без того напряженного положения в стране.

Однако в то же время американцы не поддерживали деятельность вооруженных отрядов РПК и претензии иракских курдов в отношении Киркука. Для Вашингтона Иракский Курдистан представлялся как стратегическая зона для продвижения своих собственных интересов в регионе вкупе с большим потенциалом в области добычи нефти и газа. Поэтому в США были заинтересованы в сохранении статуса-кво и поддержании стабильности на севере Ирака. Довольно интересным представляется мнение о том, что «также, как Филиппины, выполняющие роль плацдарма и стартовой площадки США в зоне Тихого океана, Иракский Курдистан мог бы по расчетам Пентагона выполнять аналогичную роль на Ближнем и Среднем Востоке» [1, с.310]. Однако благополучие и безопасность в Южном Курдистане во многом были связаны с положением дел в самом Ираке, несмотря на то, что «некоторые характеризуют КАР как государство в государстве» [8, с.25].

Так, в конце мая 2005 г. в составе сформированной Конституционной комиссии курды получили 15 мандатов из 55. Доминирующие в ней шииты и курды были настроены на максимальное продвижение и защиту своих интересов, которые были закреплены во Временной конституции. Работа Конституционной комиссии проходила в условиях нарастания протестных

Айяд Аллави – временный премьер-министр Ирака (2004–2005 гг.)

настроений основной части населения в районах «суннитского треугольника» и шиитского юга на фоне экономического кризиса в стране, межконфессиональной и межэтнической борьбы и недовольства оккупационными войсками, что активно использовалось бывшими баасистами, исламистами и представителями радикальных группировок, а также правящим режимом в Тегеране. Основную роль при выработке конституции играли курды и умеренные шиитские и суннитские организации. Ключевым для курдов оставался вопрос об административной принадлежности Киркука, что не скрывалось курдскими лидерами, готовыми провалить конституционный референдум в случае изменения статуса города не в их пользу.

Законодательное оформление нового Ирака

Как известно, курды после выборов в местные административные органы получили посты губернаторов и большинство в городских советах в Киркуке и Мосуле в условиях бойкота со стороны туркоманов и арабов-суннитов. В этом контексте курды также требовали реализации статьи 58 Временной конституции страны, согласно которой должны были быть ликвидированы последствия переселенческой политики Саддама Хусейна. По мнению курдов, нужно было переселить порядка 200 тысяч арабов в места прежнего жительства и вернуть депортированные курдские семьи в купе с финансовой компенсацией со стороны Багдада [3]. В итоге на всеобщем референдуме 15 октября 2005 г. была принята Конституция Ирака, закре-

пившая основополагающие положения о федеративном устройстве страны, автономном статусе КАР и равенстве прав всех этнических групп. Президент Иракского Курдистана с 2005 г. Масуд Барзани заявил о том, что эта Конституция являлась «лучшим вариантом конституции, на который курды могли рассчитывать в рамках Ирака» [9].

Административная карта Ирака с указанием провинций и городов

Согласно статьям 108 и 109 природные ресурсы являются собственностью всего иракского народа, однако центральное правительство при их добыче и распределении координирует свою деятельность с местными властями, вместе разрабатывая стратегии развития нефтегазовых богатств страны. Примечательно, что, по словам премьер-министра КАР Нечирвана Барзани (с мая 2019 – президент КАР), «с Багдадом нужно согласовывать лишь контракты с компаниями в области добычи нефти и газа в районе, а все остальное решается на месте» [8, с.25]. Интересам курдов соответствовали также положения Конституции о возможности проведения отдельными провинциями референдумов при желании войти в состав какого-либо субъекта федерации, что позволяет говорить о «гибкости» административной структуры страны вкпе с предоставлением широких прав автономии. Остро стоявший

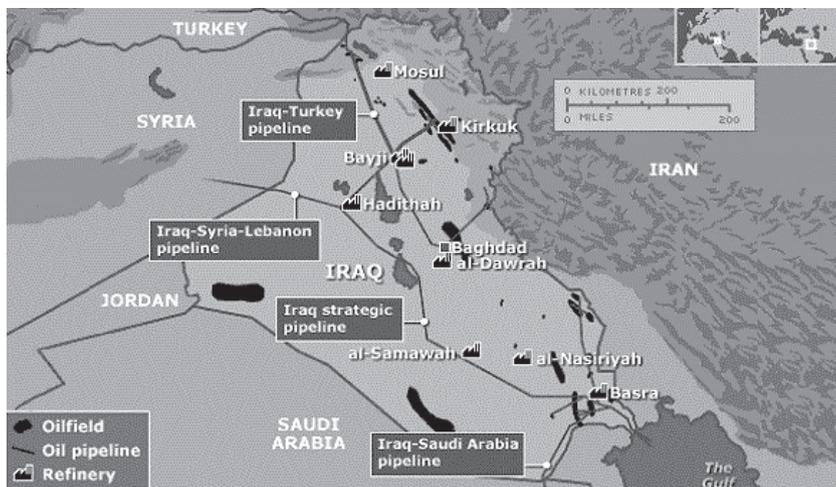
вопрос о Киркуке, согласно Конституции (статья 136), должен был решиться после проведения переписи населения в городе и референдума не позднее 31 декабря 2007 г. Лидер «Иракского туркменского фронта» Саадеддин Эргеч выступал против проведения референдума и возможного включения города в состав КАР, заявляя о требовании предоставить Киркуку статус столицы будущей автономии иракских туркоманов.

Саадеддин Эргеч – лидер иракских туркоманов (туркмен)

Курдские лидеры продолжали свою линию на полноценное оформление и функционирование единого Иракского Курдистана, который, как отмечалось выше, долгое время был разделен между ДПК и ПСК. В мае 2006 г. в Эрбиле на заседании Национальной ассамблеи Курдистана в присутствии вице-президента и спикера Совета представителей Ирака, послов иностранных государств было объявлено о формировании единого регионального правительства КАР, что стало ключевым шагом, «подводящим черту под длительным противостоянием основных политических сил курдов» [5, с.246]. Однако стоит отметить, что во многом влияние двух основных курдских сил, ДПК и ПСК, сохранилось в их традиционных зонах, Эрбиле и Сулеймании соответственно. Другой немаловажной проблемой оставались экономические вопросы. Так, иракские курды добились права

получать из бюджета 17% доходов от продажи нефти, однако власти КАР претендуют на 25–30%. Такие проценты отчислений в бюджет автономии могли бы реализовываться лишь после включения в административные границы Иракского Курдистана Киркука, Махмура и Ханекина. При этом сами курды заявляют о том, что Иракский Курдистан по разведанным запасам нефти занимает шестое место в мире (40–45 млрд баррелей) [6, с. 180].

Карта нефтяных месторождений, нефтепроводов и НПЗ в Ираке

В этом контексте самым острым вопросом, как отмечалось выше, остался вопрос Киркука и провинции Таамим в целом, демографическая ситуация в которых была значительно «скорректирована» в угоду арабам-суннитам в период правления Саддама Хусейна. Закономерно, что «после насильственной арабизации этого района исторически сложившийся этнический баланс был нарушен» [1, с.321]. Вследствие важности экономического развития для властей КАР именно «вопросы о разделе доходов от продажи нефти, основные месторождения которой находятся на территории Курдистана,... препятствуют полному снятию напряженности в отношениях между центральной властью Иракской Республики и автономным Иракским Курдистаном» [12]. Однако с момента вступления Масуда Барзани в должность президента Иракского Курдистана в 2005 г. курдскими лидерами не ставилась задача превращения автономии в суверенное государство, несмотря на то, что в рамках автономии на севере Ирака курды пользовались самыми широкими правами. Важно отметить, что и Барзани, и Талабани

твёрдо придерживались позиции сохранения КАР в составе Ирака, хотя им пришлось столкнуться со значительным давлением со стороны населения в деле провозглашения независимости. Важно понимать и политическую культуру Ближнего Востока, что ярко выражалось ещё во времена Османской Империи, ведь для Стамбула само понятие автономия означало фактическую независимость. Примерно такая же ситуация наблюдалась в Ираке, ведь «в основе подхода стран Ближнего Востока к региональным проблемам лежит государственно-центристская система, и любое проявление автономистских устремлений, а тем более упрочение суверенитета, как это происходит в Иракском Курдистане, будет встречать резкое противодействие со стороны руководства этих стран» [5, с.256]. Достаточно вспомнить, что, когда в октябре 2005 г. Масуд Барзани совершил визит в Вашингтон и американский лидер назвал его «президентом», что фактически означало признание Иракского Курдистана государством, это вызвало резкую критику со стороны Турции.

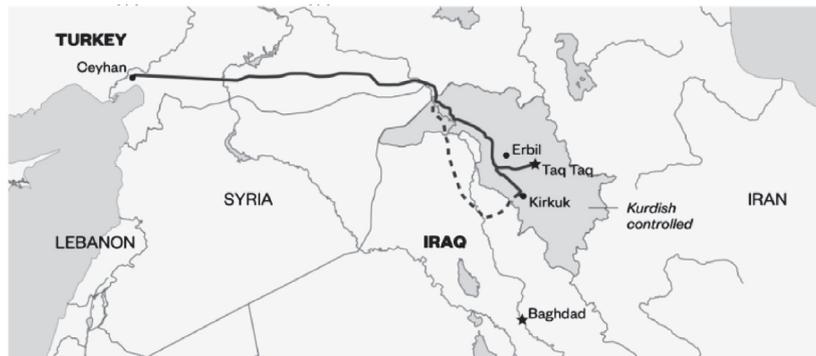
Масуд Барзани – первый президент Курдского автономного района (КАР) (2005–2017 гг.)

Турция вновь возвращается в «курдскую игру»

Более того, турецкая сторона к 2007 г. сосредоточила на границах с КАР 50-тысячную группировку войск, готовую к вторжению в Южный Курдистан для борьбы с боевиками РПК и в целом – с курдским движением. Анкара негативно относилась к становлению Иракского Курдистана де-факто государством в государстве, что могло сказаться на внутривнутриполитической

ситуации в самой Турции в условиях затяжного конфликта с турецкими курдами в юго-восточных провинциях страны. В октябре того же года турецкие войска были усилены, а в Анкаре заявили о возможности начала экономической блокады против КАР, что стало бы значительным ударом для курдских властей. В таких условиях Вашингтон, «несмотря на общую поддержку США Курдской автономии, показал свою неготовность идти на разрыв с Турцией» [10]. Представительства РПК в Эрбиле были закрыты, а в самом Багдаде заявили об ужесточении борьбы с боевиками и контроля на турецко-иракской границе. В 2008 г., по заявлению курдской стороны, иракская армия попыталась вытеснить пешмерга из спорных территорий. Так, Багдад потребовал у курдов покинуть провинцию Дияля, которую пешмерга заняли после падения режима Саддама Хусейна. В самой провинции большинство населения составляют этнические курды, поэтому курдские вооруженные отряды приготовились к сопротивлению.

Конфликт продолжился до 2010 г., после чего американские силы обеспечили разделение сторон, фактически сохранив статус-кво. В то же время активизировались экономические связи КАР, в частности, с Турцией, чему способствовали личные дружеские отношения Реджепа Тайипа Эрдогана с Масудом Барзани. С 2010 г. турецкий бизнес начал «экспансию», «активно проникая во все сферы народного хозяйства Курдистана. В настоящее время турки контролируют ... финансовый сектор, строительную индустрию, электроэнергетику, добычу и экспорт нефти, здравоохранение» [11]. Более того, власти КАР, используя подконтрольные СМИ, в 2014 г. поддержали кандидатуру Эрдогана на выборах в Турции, призвав своих турецких собратьев голосовать за него, а не за Селахаттина Демирташа, являющегося представителем народа заза, который считается субэтнсом курдов. В 2015 г.

Нефтепровод Киркук – Джейхан

реанимация стратегически важного трубопровода Киркук–Джейхан еще больше укрепила двусторонние экономические отношения. Стоит отметить, что у обеих сторон существовали и сохраняются собственные интересы, которые привели к развитию сотрудничества: «Анкара остро нуждается в углеводородах и рассчитывает превратить северную часть Ирака в свой сырьевой придаток, а Эрбилю необходимы товары первой необходимости и рынок сбыта энергоресурсов» [11].

Примечательно, что для лидеров иракских курдов жесткая борьба Анкары с турецкими курдами и военные операции против своих сирийских собратьев из «Отрядов народной самообороны» не стали препятствием для диалога с турецкими властями. При этом Масуд Барзани солидаризировался с Эрдоганом, осудив провозглашение сирийского автономного образования, известного как Рожава (Западный Курдистан) на северо-востоке Сирии в 2014 г. Хотя и сами иракские курды столкнулись с всплеском террористической активности в самом Ираке в ходе Арабской весны 2011 г. и оппозиционным движением в самой автономии. Курдские пешмерга показали себя эффективной силой против боевиков из различных исламистских группировок, несмотря на фактическое бегство иракской армии в июне 2014 г. При этом курды смогли занять Киркук и прилегающие к нему нефтяные месторождения. Как неоднократно отмечалось, в самой среде иракских курдов не было возможностей для развития и политизации радикального ислама, что не создавало благоприятной почвы для террористов. В октябре 2016 г. в ходе наступления на Мосул пешмерга заняли ряд спорных терри-

Реджеп Тайип Эрдоган – премьер-министр Турции (2003–2014 гг.), президент Турции (с 2014 г.) с Масудом Барзани

торий, в числе которых – христианские районы к востоку от самого города и езидский анклав Шангал (Синджар). Лишь после референдума 2017 г. и наступления иракских войск курдские силы оставили эти регионы, чего требовал Багдад.

Иракские курды и новые тенденции на Ближнем Востоке: «ветры» Арабской весны

Не менее важной стала внутривнутриполитическая борьба в КАР, начавшаяся в феврале–апреле 2011 г. в виде протестов, схожих с теми, которые происходили в арабских странах в тот период.

Основной силой стала оппозиционная проиранская партия «Горран» («Движение за перемены»), которая обвинила власти Иракского Курдистана в авторитаризме и диктатуре двух партий, потребовав правительство уйти в отставку. Масуд Барзани пошел на силовое подавление волнений, что вызвало незначительную критику со стороны Вашингтона, который фактически самоустранился от политической борьбы в КАР. В результате парламентских выборов 2013 г. Демократическая партия Курдистана во главе с Барзани сохранила лидирующие позиции на политической арене автономии. В то же время Патриотический союз Курдистана Джаляля Талабани утратил свое влияние, уступив второе место партии «Горран». В самом Эрбиле наблюдалась смена поколений, а главой «молодых лидеров» считается премьер-министр КАР Нечирван Барзани, племянник Масуда Барзани. При этом «намек со стороны западных экспертов на разные "кланы" Барзани, как представляется, далек от действительности» [8, с.27].

Символика партии «Горран» («Движение за перемены»)

В период некоторого противостояния с центральными властями в Багдаде региональное правительство Иракского Курдистана не могло себе позволить межклановые интриги и противоборство. В 2014–2017 гг. власти КАР заявляли о проведении референдума, который несколько раз был отложен ввиду операций по освобождению Мосула. Когда в сентябре 2017 г. референдум о независимости все же состоялся, Иран и Турция предприняли ряд жестких мер. Оба государства закрыли свое воздушное пространство для полетов в КАР, а аэропорты в Эрбиле и Сулеймании были также закрыты. Турция сосредоточила у турецко-иракской границы группировку войск, в Иране же заявили о вмешательстве Запада и о том, что «независимый Курдистан станет вторым Израилем» [7]. Несмотря на то, что свыше 92% проголосовавших на референдуме выступили за независимость, ни одна страна в мире не признала Иракский Курдистан. В Багдаде заявили о непризнании итогов референдума, начав фактическую экономическую и транспортную блокаду против КАР. Однако существует вероятность того, что проведение референдума «имеет своей причиной торг клана Барзани с Багдадом за экономические и политические уступки с целью выбивания себе первыми новых экономических и политических преференций» [11]. Действительно, клан Барзани мог использовать это событие как предмет для «политического торга» как в отношениях с Багдадом, так и в борьбе с «Горран» во главе с Нуширваном Мустафой и традиционным соперником

Курды, поддерживающие референдум о независимости Курдистана в Эрбиле

в лице ПСК. Закономерно, что сами центральные власти в таких условиях оказывали поддержку именно ПСК и «Горран», что вызывало недовольство Масуда Барзани. Также имел место и тот факт, что «срок президентства Барзани истек более года назад, парламент не заседает. И вот теперь, чтобы разблокировать ситуацию и укрепить свою личную власть, Барзани объявляет референдум» [2].

Ко всему этому сохранялись старые территориальные проблемы и добавлялись новые. Так, население езидских анклавов Найнава и Синдjar обвинили клан Барзани в сотрудничестве с ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация), так как они фактически остались наедине с боевиками. Из Киркука пешмерга пришлось уйти по договоренностям с властями после того, как иракская армия при поддержке в основном шиитских ополченцев постепенно занимала потерянные территории. В результате в ноябре 2017 г. Масуд Барзани покинул должность президента КАР, а его место занял Нечирван Барзани, с которым население автономии связывает надежды на дальнейшее развитие.

Нечирван Барзани – президент Курдского автономного района (КАР) (с 2019 г.)

Библиографический список

1. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. М., ЛЕНАНД, 2018. 352 с.
2. Добров Д. Станет ли Иракский Курдистан независимым государством? // ИноСМИ.ru. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170615/239586208.html> (дата обращения: 16.06.2021).
3. Жигалина О.И. Иракские курды накануне парламентских выборов // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3412> (дата обращения: 16.06.2021).
4. Жигалина О.И. Ислам у курдов Западной Азии // Мусульманские страны и народы у границ СНГ. Институт востоковедения РАН; Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, М., 2001. С.198–209.
5. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные. Отв. ред. А.Д Воскресенский. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.
6. Мосаки Н.З. Курдистан: ресурсы и политика. Ч.1. М.: Институт Ближнего Востока, 2005. 352 с.
7. Николаевский М. Стратегическая предоплата // Военно-Промышленный Курьер (ВПК). URL: <https://vpk-news.ru/articles/35474> (дата обращения: 16.06.2021).
8. Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки: книга вторая. Под ред. В.В.Наумкина, В.В.Попова. М.: МГИМО-Университет, 2018. 202 с.
9. Степанова Н.В. Курдский автономный район и проблема стабильности // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2006. С.290–307.
10. Тадтаев Г.Х. Позиция США в отношении становления автономии Иракского Курдистана: от вторжения до ухода // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2014. №3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-ssha-v-otnoshenii-stanovleniya-avtonomii-irakskogo-kurdistana-ot-vtorzheniya-do-uhoda> (дата обращения: 16.06.2021).
11. Ханалиев Н.У. О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана // Вестник МГОУ. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dilemmah-i-perspektivah-nezavisimosti-irakskogo-kurdistana> (дата обращения: 16.06.2021).
12. Хошави Хавлла Мухаммад Хавлла. Южный Курдистан: факторы, влияющие на национальное самосознание иракских курдов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-kurdistan-factory-vliyayuschie-natsionalnoe-samosoznanie-irakskih-kurdov> (дата обращения: 16.06.2021).

Никогда не знаешь, в какое
время живешь: все еще
послевоенное или уже
предвоенное.

Роже Пейрефит

Не бывает хорошей войны
и плохого мира.

Бенджамин Франклин

Сергей Орешин

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1992–1994 гг.

УДК
93/94

Одним из приоритетных направлений политики федерального Центра в первой половине 1990-х гг. являлся поиск эффективных путей выстраивания отношений с российскими регионами. Наиболее сложно этот процесс протекал в Чечне, где в 1991 году к власти пришли сторонники выхода республики из состава Российской Федерации. На протяжении 1992–1994 гг. стороны пытались согласовать взаимные интересы, однако переговорный процесс в силу различных причин часто заходил в тупик. В 1994 г. федеральный Центр взял курс на свертывание контактов с чеченскими властями и поддержку антидудаевской оппозиции. Переговорный процесс, возобновившийся в конце 1994 г., не привел к положительным результатам. Представляется, однако, что возможности мирного урегулирования кризиса не были до конца использованы обеими сторонами, что обернулось трагедией для всей страны.

One of the priorities of the federal Center's policy in the first half of the 1990s was the search for effective ways to build relations with the Russian regions. This process was most difficult in Chechnya, where supporters of the republic's secession from the Russian Federation came to power in 1991. During 1992–1994, the parties tried to agree on mutual interests, but the negotiation process for various reasons often came to an impasse. In 1994, the federal Center set a course to curtail contacts with the Chechen authorities and support the anti-Dudayev opposition. The negotiation process, which resumed at the end of 1994, did not lead to positive results. It seems, however, that the possibilities for a peaceful settlement of the crisis were not fully exploited by both sides, which turned into a tragedy for the entire country.

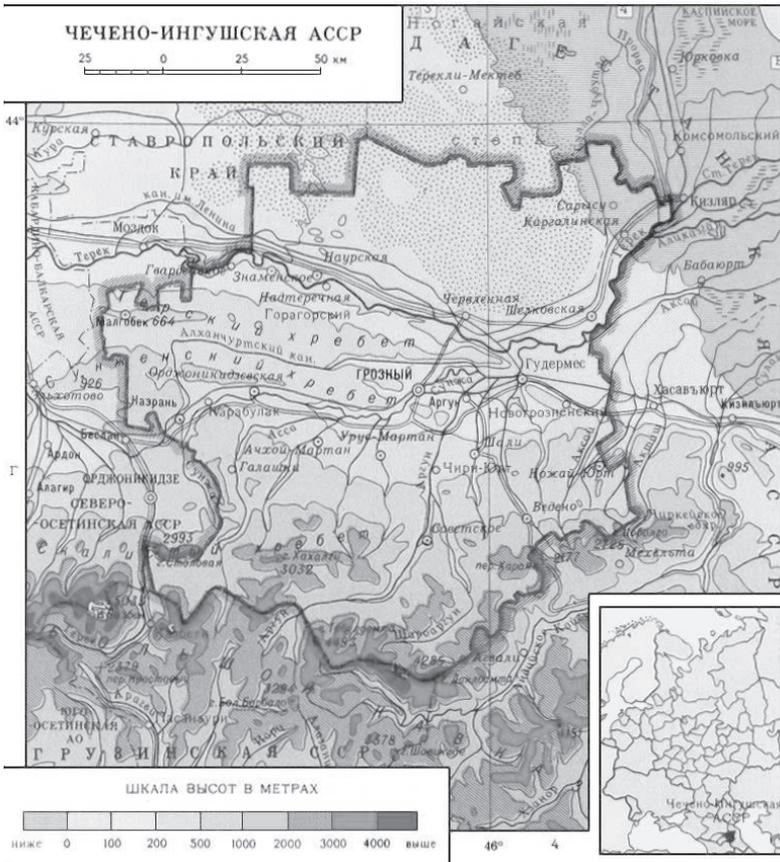
Ключевые слова: Российская Федерация; Чеченская Республика; региональная политика; федерализм; сепаратизм; Чеченский конфликт; Б.Н.Ельцин; Д.М.Дудаев.

Key words: Russian Federation; Chechen Republic; regional policy; federalism; separatism; Chechen conflict; B.N. Yeltsin; D.M. Dudayev.

E-mail: oreshin12345@yandex.ru

Введение

Одной из важнейших задач, вставших перед органами государственной власти многонациональной Российской Федерации после распада Советского Союза, являлось налаживание конструктивных взаимоотношений с регионами, т.к. в условиях активизации и политизации этнических движений народов России и стремления части руководителей субъектов Федерации к суверенизации возникала реальная угроза сохранению территориальной целостности государства, опасность дальнейшей дестабилизации внутривнутриполитической

Карта Чечено-Ингушской АССР

обстановки. С наибольшими трудностями при проведении региональной политики федеральный Центр столкнулся на территории

Джохар Мусаевич Дудаев – генерал-майор Советской Армии, президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия в 1991–1996 гг.

Борис Николаевич Ельцин – президент Российской Федерации в 1991–1999 гг.

Чечни, где, используя нелегитимные методы политической борьбы, осенью 1991 г. к власти пришли радикально настроенные сторонники выхода республики из состава России во главе с бывшим генерал-майором Советской Армии Д. М. Дудаевым, ставшим первым президентом Чеченской Республики. Попытки российских властей во главе с президентом Б. Н. Ельциным не допустить сепаратистов к власти и восстановить контроль над ситуацией в силу ряда объективных и субъективных причин не увенчались успехом. В условиях острейшего социально-экономического и внутривнутриполитического кризиса, охватившего Россию в начале 1990-х гг., стала очевидной невозможность Центра решить «чеченский вопрос» силовым путем, поэтому федеральным властям пришлось искать пути взаимодействия с руководством ЧР.

Несмотря на то, что научная и публицистическая литература, посвященная чеченскому кризису, весьма обширна, вопросы взаимоотношений Центра и Чеченской Республики в 1992–1994 гг. (до начала т.н. «Первой чеченской войны») являются одними из наименее освещенных в современной российской исто-

риографии. Имеющиеся исследования в значительной степени носят научно-публицистический характер и отличаются заметной тенденциозностью в зависимости от политических предпочтений того или иного автора и/или его роли в конфликте. В то же время представляется важным проследить развитие переговорного процесса, выявить основные разногласия, препятствовавшие нормализации обстановки, понять, были ли альтернативы повлекшему за собой многочисленные человеческие жертвы и тяжелые экономические потери военному решению конфликта и почему они оказались не использованы. Изучение опыта 1990-х гг., рассмотрение методов и подходов к решению этой проблемы, анализ достижений и неудач могут быть полезными и сегодня.

Федеральный Центр и Чеченская Республика в 1992 г.: поиски компромисса

Еще 3 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР направил в Грозный группу независимых экспертов (А.-Г. К. Алиев, В. И. Власов, Г. М. Керимов, В. П. Океанов, Н. А. Резванов) для подготовки необходимых материалов к предстоящим переговорам, посвященным обсуждению статуса Чечни и перспективам урегулирования взаимоотношений региона с федеральным Центром. Однако Дудаев отказался их принять, и делегация вынуждена была вернуться в Москву, ничего не добившись. 19 декабря заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Ю. Яров предложил Дудаеву сформировать свою экспертную группу и направить ее в Москву для переговоров, однако ответ вновь получен не был [5, с. 37].

Взяв власть в свои руки и провозгласив в одностороннем порядке суверенитет Чечни, Дудаев и его сторонники начали демонстративно дистанцироваться от России. 25 января 1992 г. чеченский президент приказал прекратить все виды платежей в бюджет Российской Федерации, а 31 марта чеченский парламент издал постановление о взятии всех воинских частей, вооружения и военной техники, находящейся на территории Чеченской Республики, под свою юрисдикцию [1].

Между тем российские власти были заняты подготовкой к подписанию Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации, который должен был заложить нормативно-правовые основы взаимоотношений Центра и субъектов федерации. Договор был подписан

в Москве 31 марта 1992 г. всеми республиками, за исключением Татарстана и Чечни.

В то же время стороны предпринимали шаги по началу переговорного процесса. Личный представитель Дудаева в Москве Ш.Юсупов получил аккредитацию при правительстве Российской Федерации.

Зелимхан Абдулмуслимович Яндарбиев – в 1992 г. председатель Комитета по СМИ и свободе слова парламента Чеченской Республики

Центральный банк России разблокировал счета Банка Чеченской Республики с целью дать возможность осуществить переводы, необходимые для социальной сферы. Правительству ЧР было дано разрешение выдавать жителям Чечни заграничные паспорта граждан России. 12–14 марта в Сочи состоялась встреча российской (глава – заместитель Председателя Совета Республики Верховного Совета Российской Федерации В.И. Жигулин) и чеченской (глава – председатель Комитета по СМИ и свободе слова парламента Чеченской Республики З.А. Яндарбиев) групп экспертов, посвященная проработке вопросов, планируемых для обсуждения официальными полномочными делегациями республик. Было принято решение провести переговоры в третьей декаде апреля

1992 г. в Сочи, включив в повестку дня политические (о признании политической независимости и государственного суверенитета Чеченской Республики; об определении политико-правовой формы взаимоотношений между Чеченской Республикой и Российской Федерацией); правовые (оформление межгосударственных, межпарламентских взаимоотношений; охрана прав, свобод, законных интересов граждан, проживающих на территории обоих государств, независимо от их национальности, в соответствии с общепризнанными международно-правовыми нормами); экономические (об экономическом простран-

стве Российской Федерации и Чеченской Республики; о банковской и финансовой системах; о социальной, ценовой и таможенной политике; о научно-техническом и культурном сотрудничестве; информационном обмене; о транспортных и коммуникационных связях, включая магистральные трубопроводы; об энергетике; о выделении доли золотого, алмазного и валютного запаса Чеченской Республике из бывшего союзного фонда) и вопросы коллективной безопасности (совместной военной безопасности; вооруженных силах и воинских формированиях, их материально-техническом обеспечении; о военном командовании; об охране и защите государственных границ) [3, с. 83]. Полномочные делегации должны были возглавить заместители Председателя Верховного Совета Российской Федерации и парламента Чеченской Республики. По итогам переговоров планировалось подписание Договора между Российской Федерацией и Чеченской Республикой.

Однако в апреле переговоры так и не состоялись. Только 26–28 мая в Москве прошла очередная встреча групп экспертов Российской Федерации (глава – В. Жигулин) и Чеченской Республики (глава – З. Яндарбиев). В ходе нее стороны решили предложить к рассмотрению Верховному Совету Российской Федерации и Парламенту Чеченской Республики вопросы о принятии политической Декларации о взаимоотношениях сторон и о проектах Договоров от российской и чеченской сторон. Рассмотренные в законодательных органах проекты документов рабочие группы должны были согласовать на очередной встрече в третьей декаде июня 1992 г. в Грозном или в Кисловодске и представить их на утверждение полномочных делегаций республик [5, с. 40].

Спорные вопросы и попытки их урегулирования

Одним из острых вопросов двусторонних взаимоотношений являлась судьба бывших подразделений Советской Армии, дислоцированных на территории Чеченской республики, и их вооружения. Еще в конце февраля 1992 г. Дудаев предложил Главнокомандующему Объединенными Вооруженными Силами СНГ маршалу авиации Е. И. Шапошникову вывезти половину всего военного имущества за пределы Чечни, а половину передать республиканским властям. Однако Шапошников это предложение отверг [1]. Тогда, пользуясь пассивностью командования, чеченские формирования начали явочным порядком захват

Павел Сергеевич Грачев –
генерал армии, министр обороны
Российской Федерации в 1992–1996 гг.

военной техники и боеприпасов. Военные городки оказались в блокаде. Локальные стычки могли перерасти в полномасштабный военный конфликт, к которому Центр тогда не был готов. 28 мая министр обороны Российской Федерации генерал армии П. С. Грачев приказал командующему войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковнику Л. С. Шустко передать Чеченской Республике 50 % боевой техники и вооружения, имевшегося в наличии у расквартированного в регионе 173-го гвардейского отдельного учебного центра, два комплекта боеприпасов, 1–2% инженерных боеприпасов, а автомобильную и специальную технику, имущество

и запасы материальных средств поручалось реализовать по оста-

Российские войска покидают территорию Чечни. 1992 г.

точной стоимости на месте [6, с. 80]. 6 июня Л. С. Шустко отдал приказ командиру 173-го ОУЦ генералу П. А. Соколову начать вывод личного состава и техники из Чечни. Однако в действительности почти все вооружение и боевая техника (в том числе артиллерийские орудия, зенитные установки, танки, БМП и т. д.) достались чеченской стороне, а федеральные войска были выведены на территорию других субъектов федерации [8, с. 215]. Получив в свое распоряжение внушительную военную силу, Дудаев счел возможным выстраивать взаимоотношения с федеральными властями с позиций силы. Он настаивал на безусловном признании Российской Федерацией независимости Чечни, вследствие чего переговорный процесс к середине 1992 г. зашел в тупик.

Еще одной острой проблемой в российско-чеченских взаимоотношениях того времени был фактический запрет дудаевского руководства российским правоохранительным органам осуществлять свою деятельность на территории Чеченской Республики. В самой Чечне в это время резко обострилась криминогенная обстановка, стремительно возрастало количество преступлений, совершенных по мотивам этнической и конфессиональной розни против представителей нечеченского и немусульманского населения. МВД и прокуратура ЧР фактически самоустранились от борьбы с бандитизмом и защиты прав нетитульного населения региона, а федеральные органы правопорядка не допускались в регион. Более того, на территории Чечни укрывались преступники чеченской национальности, совершавшие правонарушения в других субъектах федерации, и добиться их выдачи оказывалось невозможным. Следствием этого, а также быстрой деградации социально-экономической системы стало то, что ежегодно десятки тысяч граждан вы-

Егор Тимурович Гайдар –
в 1992 г. и.о. председателя правительства
Российской Федерации

нуждены были покидать Чечню. По данным ФМС России, в 1991–1993 гг. из республики выехало более 90 тысяч человек [8, с. 218].

Крайне сложно выстраивались и экономические отношения между Центром и Чечней. Республика не перечисляла налоги в федеральный бюджет, в то же время в 1992 г. получила из него свыше 4 млрд рублей разных дотаций. До марта 1993 г. в Чечню поступали средства из федерального Пенсионного фонда. Правительство продолжало осуществлять поставки нефти на Грозненский нефтеперерабатывающий завод, хотя их объемы были резко сокращены по сравнению с советским периодом. Дудаев требовал увеличения квоты на поставку нефти, несмотря на то что значительная часть произведенных нефтепродуктов продавалась в обход российских властей, а вырученные средства целиком оставались в Чечне. 10 мая 1992 г. чеченский президент обратился к первому заместителю председателя правительства РФ Е. Т. Гайдару с предложением заключить межправительственное соглашение по проблеме экспортных квот на нефтепродукты, производимые на предприятиях в Чечне. Такое соглашение, по его мнению, позволило бы «иметь необходимую финансовую основу для решения острейших социально-экономических и экологических проблем» [8, с. 220]. В то же время в отсутствие прокурорского и таможенного контроля со стороны федеральных органов власти Чечня превращалась в один из главных центров по производству фальшивых денег и подложных финансовых документов. Только в 1993 г. в других регионах России было изъято около 4 млрд фальшивых купюр, изготовленных в Чечне, а с использованием фальшивых кредитных авизо из российских банков были выведены средства на сумму 4 триллиона рублей [11, с. 27–28]. Таким образом, экономика Российской Федерации понесла серьезный ущерб.

В начале ноября 1992 года резко обострился осетино-ингушский конфликт. Российские войска вошли на территорию Ингушетии и вышли к границам Чечни. 10 ноября Дудаев ввел в республике военное положение и привел в полную боевую готовность свои вооруженные формирования. Возникла реальная угроза эскалации конфликта и втягивания в него сопредельных регионов, что угрожало дестабилизацией обстановки на всем Северном Кавказе. По воспоминаниям Е. Т. Гайдара, некоторые представители федеральных органов государственной власти настаивали на переходе российскими войсками административной границы Чечни с целью разоружения чеченских формирований и отстранения Дудаева от власти. Однако

Гайдару удалось убедить президента РФ не начинать войсковую операцию, которая могла привести к непредсказуемым последствиям [2, с. 91–92]. Чеченские власти также не были заинтересованы в военном конфликте с Москвой.

13–15 ноября в результате переговоров в Назрани между представителями правительства Российской Федерации (и.о. председателя правительства Е. Т. Гайдар, заместитель председателя правительства С. М. Шахрай, заместитель главы Временной администрации в зоне осетино-ингушского конфликта А. А. Котенков) и представителями руководства Чечни (заместитель председателя Кабинета министров Я. М. Мамадаев, начальник Службы национальной безопасности И. А. Сулейменов) был согласован и подписан протокол о разведении войск и вооруженных отрядов на 5 км от условной границы Чечни. 18 ноября в Москве на переговорах с прибывшей из Чечни парламентско-правительственной делегацией во главе с председателем Комитета по иностранным делам парламента ЧР Ю. Э. Сосламбековым достигнута договоренность была окончательно утверждена [3, с. 85]. Военное столкновение тогда удалось предотвратить.

Сергей Михайлович Шахрай – в 1992 г. глава Временной администрации на территориях Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики, заместитель председателя правительства Российской Федерации

Юсуп Эдилбекович Сосламбеков – в 1992 г. председатель Комитета по иностранным делам парламента Чеченской Республики

**Переговорный процесс
заходит в тупик. 1993 г.**

Между тем к концу декабря 1992 г. был подготовлен вариант Договора между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, одоб-

ренный высокими должностными лицами как законодательной, так и исполнительной власти Российской Федерации. 14 января 1993 г. в Грозном состоялась встреча делегаций Российской Федерации (заместитель председателя правительства Российской Федерации, председатель Государственного комитета по делам национальностей С. М. Шахрай, председатель Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации Р. Г. Абдулатипов, заместитель председателя Государственного комитета по делам национальностей России В. А. Шуйков) и Чеченской Республики (председатель парламента Чеченской Республики Х. С. Ахмадов, первый заместитель председателя парламента Чеченской Республики Б. А. Межидов, председатель Комитета по иностранным делам парламента Чеченской Республики Ю. Э. Сосламбеков, представитель Чеченской Республики в Москве Ш. Т. Юсупов). Стороны выразили мнение о необходимости проведения переговоров в целях мирного разрешения имевшихся противоречий и нормализации обстановки в регионе. Участниками встречи была отмечена особая роль Чеченской Республики в урегулировании осетино-ингушского конфликта. Был подписан протокол о подготовке следующей встречи для парафирования Договора между Российской Федерацией и Чеченской Республикой о взаимном делегировании и разграничении полномочий.

В протоколе, в частности, отмечалась важность сохранения единого экономического, оборонного, информационного и культурного пространства; взаимная ответственность за стабилизацию ситуации, объединение усилий в борьбе с беззаконием и преступностью. Было еще раз подчеркнуто, что урегулирование всех спорных вопросов возможно «исключительно мирными, политическими средствами». Делегации договорились о том, что в будущем договоре будут предусмотрены разделы о полномочиях, осуществляемых республиками совместно и об исключительных полномочиях Российской Федерации и Чеченской Республики. В начале февраля планировалось провести встречу полномочных делегаций сторон, в ходе которой было запланировано составление текста Договора о разграничении и взаимном делегировании полномочий [5, с. 52–53].

Казалось, что была найдена взаимоприемлемая основа для компромисса, но уже 19 января чеченская сторона предложила внести

в текст предстоящего Договора положение о признании Чечни субъектом международного права и предоставлении ей государственного суверенитета. Вскоре Дудаев дезавуировал достигнутые на переговорах в Грозном договоренности, заявив, что «никакие политические договоренности с Россией невозможны». Запланированные на февраль переговоры оказались сорваны. 30 марта Дудаев обратился к Ельцину с письмом, в котором рекомендовал российскому лидеру признать независимость Чеченской Республики, что будто бы могло «обеспечить равноправное и взаимовыгодное сотрудничество между государствами», заверяя, что в лице независимой Чечни «Российская Федерация приобретет надежного партнера и гаранта политической стабильности на всем Кавказе» [5, с. 54]. В апреле чеченские власти запретили проведение на территории республики референдума о доверии президенту и Верховному Совету РФ. Становилось все более очевидным, что Дудаев не был настроен на поиск конструктивных путей урегулирования спорных вопросов. В мае он заявил о том, что прежний формат переговоров потерпел провал и предложил возобновить их на уровне исполнительной власти.

Между тем в начале июня в самой Чечне обострился внутривнутриполитический кризис. Значительная часть чеченской политической элиты перешла в оппозицию к Дудаеву. 4 июня он разогнал парламент, Конституционный суд Чеченской Республики, Грозненское городское собрание и фактически установил в регионе режим личной диктатуры. Следует отметить, что при этом потеряли свои посты многие высокопоставленные чеченские политики, принимавшие участие в переговорном процессе с федеральным Центром, в частности, Х. С. Ахмадов, Я. М. Мамадаев и Ю. Э. Сосламбеков. 17 июня Совет национальностей Верховного Совета РФ призвал федеральные органы власти «немедленно предпринять необ-

Юрий Федорович Яров – в 1992–1996 гг.
заместитель председателя правительства
Российской Федерации

ходимые шаги по нормализации положения в Чеченской Республике, ...защите прав и свобод личности» [5, с. 51], однако было непонятно, какими должны быть механизмы по реализации этого заявления.

Осенью российско-чеченские переговоры возобновились. Российскую делегацию возглавил заместитель председателя правительства Российской Федерации Ю.Ф. Яров, чеченскую – министр иностранных дел Ш.Юсеф. Однако стороны смогли на них лишь зафиксировать свои расхождения. Чеченские представители требовали признания независимости, российская сторона отвергала такую постановку вопроса [3, с. 88]. 13 октября Дудаев запретил проведение на территории Чечни предстоящих референдума по Конституции Российской Федерации и выборов в Государственную думу РФ и выразил решительный протест против упоминания в тексте российской Конституции в перечне субъектов федерации Чеченской Республики. В то же время резкое ухудшение криминогенной обстановки вынудило российского Президента 16 декабря закрыть границу с Чеченской Республикой и взять под контроль проходящие через Чечню железные дороги. Несмотря на то, что Дудаев заявил о поддержке Ельцина во время его противостояния с Верховным Советом, становилось очевидным, что к концу 1993 г. взаимоотношения Центра и Чечни принимали все более конфронтационный характер.

1994 г.: на пути к вооруженному конфликту

Тем временем обстановка в самой России постепенно стабилизировалась. Принятие новой Конституции, выборы в Государственную думу, урегулирование взаимоотношений с Татарстаном, преодоление пика экономического и политического кризиса – все это свидетельствовало об упрочении позиций федерального Центра, что позволило ему занять более жесткую линию во взаимоотношениях с Чечней, тем более что последняя входила в ситуацию острой внутривнутриполитической нестабильности. В январе 1994 г. в послании Федеральному Собранию РФ президент заявил, что основой для урегулирования отношений между Центром и Чеченской Республикой «могут стать проведение в Чечне свободных демократических выборов и переговоры по разграничению полномочий с федеральной властью». Тем самым фактически впервые с 1991 г. российские власти поставили под сомнение легитимность действующих органов власти ЧР, возглавляемых Дудаевым. 25 марта вновь избранная Государственная ду-

ма Российской Федерации приняла постановление «О политическом урегулировании отношений федеральных органов государственной власти с органами власти Чеченской Республики» № 75–1ГД, в котором президенту РФ рекомендовалось принять меры по обеспечению их согласованного функционирования и взаимодействия, а правительству поручалось провести консультации с представителями органов власти, а также всех политических движений Чеченской Республики (в том числе и оппозиционных Дудаеву. – *С.О.*), с целью выхода из сложившейся социально-политической ситуации, и на основе консультаций подготовить проект Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти Чеченской Республики [4].

5 апреля президент подписал распоряжение № 189-рп, в котором правительству РФ поручалось «провести консультации с представителями органов власти и политических движений в Чеченской Республике и подготовить проект Договора о разграничении предметов ведения между федеральными органами власти и органами государственной власти Чеченской Республики и взаимном делегировании полномочий» [5, с. 60]. Однако чеченская сторона вновь отказалась от проведения переговоров, настаивая на предварительной встрече Б.Ельцина и Д. Дудаева. Руководитель аппарата президента РФ С. А. Филатов категорически отверг такой подход и заявил, что руководство Чеченской Республики должно признать свой регион субъектом Российской Федерации, полностью подпадающим под действие Конституции и законов России. Переговорный процесс вновь зашел в тупик.

Между тем летом–осенью 1994 г. резко обострилось внутречеченское противостояние. В окружении Дудаева верх брали представители радикальных сил. Значительная часть его бывших сторонников стала поддерживать оппозицию, сформировавшую Временный Совет Чеченской Республики (председатель – У.Д. Автурханов) и взявшую под контроль некоторые районы Чечни. В республике фактически началась гражданская война. 2 августа Автурханов обратился к президенту РФ с просьбой считать Временный Совет единственным органом государственной власти и оказать ему поддержку в противостоянии с дудаевцами [5, с. 61]. 3 сентября в обращении правительства Российской Федерации к чеченскому народу Дудаеву было предложено найти мужество и достоинство добровольно уйти в отставку с поста президента и тем самым

Умар Джунитович Автурханов –
в 1993–1995 гг. председатель Временного
Совета Чеченской Республики

остановить эскалацию вооруженного противостояния. Дудаев, однако, в отставку уходить не пожелал и обвинил российские власти во «вмешательстве во внутренние дела Чеченской Республики». 7 октября Совет Федерации РФ призвал чеченский народ «путем свободного, демократического диалога найти пути мирного разрешения конфликта» [5, с. 71–72]. Обращение было оставлено без ответа. Ситуация с каждым месяцем обострялась.

На протяжении второй половины 1994 г. у российских властей усиливалось понимание бесперспективности продолже-

ния переговоров с представителями дудаевского режима и необходимости оказания реальной поддержки антидудаевской оппозиции. Планировалось, что после свержения Дудаева удастся урегулировать все спорные вопросы с новыми региональными властями. В российском руководстве была создана группа по координации действий с оппозицией. Временный Совет начал получать финансовую и материально-техническую поддержку от федерального Центра, российские военные советники и специалисты (летчики, танкисты) принимали участие в боевых действиях с дудаевскими формированиями (что, однако, в тот период тщательно скрывалось от широкой общественности). Именно при поддержке федерального Центра Временный Совет смог осенью 1994 г. провести три наступательные операции в районе Грозного с целью захвата города, однако все они окончились неудачей. К концу осени стало ясно, что гражданская война в Чечне зашла в тупик: ни Дудаев, ни оппозиция не могли нанести друг другу решающего военного поражения. В этих условиях перед российской властью стоял выбор: либо, как три года назад, отказаться от военного противостояния и попытаться возобновить переговоры с представителями Дудаева, де-факто признавая их право выступать от имени субъекта Федерации, либо решиться на проведение силовой операции против сепаратистов. К тому времени в среде российской поли-

тической элиты укрепились позиции сторонников «жесткой линии», настаивавших на отстранении Дудаева от власти и замене его более умеренными политическими деятелями, склонными к компромиссам с федеральным Центром.

29 ноября президент РФ потребовал от противоборствующих сторон в течение 48 часов прекратить огонь и распустить все вооруженные формирования. Дудаев требование проигнорировал. Тогда 30 ноября Б. Н. Ельцин подписал Указ № 2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Создавалась Группа руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики под руководством министра обороны Российской Федерации П. С. Грачева. Группа должна была обеспечить прекращение вооруженных столкновений, разоружение и ликвидацию вооруженных формирований на территории Чеченской Республики; организовать проведение мероприятий по освобождению захваченных и насильственно удерживаемых граждан; обеспечить при необходимости деятельность особых форм управления на территории ЧР; создать условия для восстановления законности и правопорядка в этом регионе. Подчеркивалось также, что члены группы должны были уделить внимание организации переговоров по урегулированию вооруженного конфликта мирными средствами [6, с. 14]. Таким образом, российские власти не оставляли попыток поиска мирных путей выхода из кризиса и были готовы к диалогу с чеченскими властями.

1 декабря президент РФ подписал Указ № 2142 «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе», в котором рекомендовал Генеральной прокуратуре Российской Федерации не привлекать к уголовной ответственности лиц, добровольно до 15 декабря 1994 г. сложивших оружие и не совершавших тяжкие преступления в отношении мирного населения. В случае же вынесения в отношении подобных лиц обвинительных судебных приговоров Комиссия по вопросам помилования при президенте Российской Федерации незамедлительно должна была представлять проекты указов о помиловании таких лиц [9].

6 декабря на территории Ингушетии в станице Орджоникидзевская состоялась встреча П. С. Грачева с Д. М. Дудаевым. Российский министр обороны пытался уговорить чеченского президента пойти на уступки,

Переговоры П.С.Грачева с Д.М.Дудаевым, декабрь 1994 г.

которые позволили бы избежать масштабного кровопролития. В ходе переговоров были достигнуты предварительные договоренности о решении всех вопросов, связанных с Чечней, исключительно мирными и политическими средствами [7]. Однако вскоре стало ясно, что Дудаев не намерен распускать свои вооруженные формирования, а среди окружения Ельцина окончательно возобладали сторонники проведения молниеносной военной операции по отстранению Дудаева и его окружения от власти. Предполагалось, что бои будут скоротечными и завершатся быстрой победой федеральных сил.

8 декабря Государственная дума приняла постановление «О ситуации в ЧР и мерах по ее политическому урегулированию», согласно которому деятельность исполнительной власти по разрешению конфликта была признана неудовлетворительной. Группа депутатов направила Ельцину телеграмму, в которой предупредила его об ответственности за кровопролитие в Чечне и потребовала публичного разъяснения своей позиции. Депутаты выразили приверженность мирному урегулированию

конфликта. В то же время нижняя палата парламента не представила сколько-нибудь четкого механизма достижения политической стабильности на территории Чечни.

9 декабря Б.Ельцин подписал Указ №2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта». Президент поручил правительству Российской Федерации использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных вооруженных формирований в Чечне и некоторых районах Северного Кавказа [10]. В тот же день правительство РФ приняло постановление №1360, предусматривающее использование российских Вооруженных Сил для проведения операции на территории Чеченской Республики.

Одновременно предпринимались попытки остановить назревавшее столкновение. 9 декабря во Владикавказе начались переговоры между рабочими группами правительства РФ и правительства ЧР. Однако они вскоре зашли в тупик. 10 декабря Дудаев заявил, что готов пойти на свободные выборы в течение месяца без выставления своей кандидатуры, если Россия и мировое сообщество признают независимость Чечни. В то же время российская делегация потребовала от чеченской стороны признать Чечню в качестве субъекта федерации, распустить все вооруженные формирования, осуществить полную сдачу оружия [3, с. 95]. Стало очевидным, что стороны предъявляли друг другу заведомо неприемлемые для них требования, и переговоры зашли в тупик. 11 декабря президент РФ подписал Указ №2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». В тот же день российские войска пересекли административную границу Чечни. Начались боевые действия.

Можно ли было остановить войну?

Подводя итоги взаимоотношений федерального Центра с Чеченской Республикой в 1992–1994 гг., стоит отметить, что стороны исходили из диаметрально противоположных позиций. Чеченские власти во главе с Дудаевым рассматривали отношения с РФ как отношения двух суверенных и равноправных стран. Соответственно, они не подписали Федеративный договор, отказывались платить налоги в рос-

сийский бюджет, заявляли о том, что российские законы не имеют обязательного характера на их территории, самостоятельно проводили приватизацию, не допускали в Чечню представителей российских правоохранительных органов, не разрешали проведение призывов военнообязанных в ряды Российской Армии, настаивали на выводе из региона российских войск. В то же время российские власти исходили из того, что Чечня является субъектом федерации и обязана подчиняться распоряжениям федерального Центра. Это приводило к постоянным конфликтам по вопросу о правовом статусе республики. Неоднократно предпринимаемые попытки урегулирования спорных экономических, финансовых, вопросов обеспечения безопасности не приводили к успеху. Военный же вопрос в конечном итоге разрешился тем, что подразделения российских войск в середине 1992 г. покинули республику, а практически вся военная техника, вооружение и боеприпасы оказались в распоряжении чеченской стороны, породив у Дудаева представление о возможности строить отношения с Москвой с позиции силы.

В политике, проводимой российским руководством в чеченском вопросе можно выделить два этапа. На первом (1992–1993 гг.) власти России избегали перехода конфликта в военную стадию и делали ставку на развитие переговорного процесса, надеясь согласовать текст Договора о разграничении предметов ведения между РФ и ЧР. В частности, таким образом удалось не допустить эскалации осетино-ингушского конфликта и вовлечения в него других северокавказских регионов. Однако в 1994 г. политика российских властей начинает меняться. Укрепление позиций федерального Центра и нарастание внутричеченского кризиса привело к усилению сторонников «жесткой линии» в окружении президента Ельцина, которые попытались оказать давление на Дудаева с целью вынудить того уйти в отставку. После отказа чеченского президента оставить свой пост, федеральные власти приняли решение об оказании масштабной военной и финансовой поддержки антидудаевскому Временному Совету. Летом–осенью в Чечне началась гражданская война, в которую с каждым месяцем федеральный Центр втягивался все глубже. В результате переговорный процесс с властями ЧР оказался прерван, нарастала взаимная враждебность, а ситуация оказалась на грани развязывания боевых действий. В начале декабря после того, как антидудаевская оппозиция потерпела тяжелое поражение при попытке взять Грозный и стало ясно, что Временный Совет не сможет самостоятельно разгро-

мить Дудаева, сторонники силовой линии в российском руководстве окончательно взяли верх. Было принято принципиальное решение о проведении войсковой операции на территории Чечни. Как известно, при этом была допущена переоценка сил и боеспособности федеральных войск, недооценка вооруженных формирований сепаратистов и внутренних ресурсов к эффективному сопротивлению дудаевского режима, а также менталитета чеченского народа, значительная часть которого восприняла ввод федеральных войск в качестве агрессии и выступила на стороне Дудаева.

Начало ввода российских войск в Чечню. Декабрь 1994 г.

В то же время позицию, занимаемую Дудаевым, никак нельзя назвать конструктивной. Ультимативно настаивая на признании независимости Чечни, он отвергал возможность компромисса, неоднократно дезавуировал достигнутые соглашения, срывал переговорный процесс. Несмотря на то, что среди представителей органов власти Чеченской Республики были сторонники поиска путей мирного урегулирования конфликта с Центром и заключения соглашения на основе взаимных уступок, к 1994 г. они оказались отстранены от занимаемых должностей, а к руководству регионом пришли радикально настроенные сепаратисты, видевшие в федеральных властях и России в целом врага. Уже осенью 1994 г. Главный штаб Вооруженных сил ЧР под руководством А. А. Масхадова приступил к разработке планов войны с Россией.

Тем не менее думается, что все способы мирного разрешения конфликта не были использованы. Возможно, стоило бы пойти на организацию прямых переговоров между российским и чеченским президентами (тем более что впоследствии Б. Ельцин встречался с преемниками Д. Дудаева – З. Яндарбиевым и А. Масхадовым); использовать миротворческий потенциал институтов гражданского общества и влиятельных политических и общественных деятелей, пытавшихся остановить войну (в частности, миротворческой миссии Р. И. Хасбулатова); привлечь в качестве посредников международные правительственные и неправительственные организации. Федеральному Центру стоило воздержаться от прямого (и зачастую непрофессионального) участия во внутречеченском противостоянии и предпринять усилия по его скорейшему прекращению, а не дальнейшему обострению. Упущенная возможность остановить войну обернулась страшной трагедией для всей России.

Библиографический список

1. Беспалов Ю., Яков В. Кто вооружал Джохара Дудаева? // Известия. 1995. 10 января.
2. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. 365 с.
3. Коган-Ясный В.В. Политический аспект отношений федеральных органов государственной власти Российской Федерации с Чеченской Республикой в 1990–1994 гг. // Россия и Чечня: цепь ошибок и преступлений. 1994–1996. М., 1998. С. 70–95.
4. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О политическом урегулировании отношений федеральных органов государственной власти с органами власти Чеченской Республики» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901109677> (дата обращения – 12.06.2021).
5. Россия и Чечня (1990–1997 гг.): Документы свидетельствуют: [Сборник] / Всерос. обществ.-полит. движение «Духовное наследие»; [Отв. ред. И.Н.Еременко, Ю.Д.Новиков]. М.: АО «РАУ-ун-т», 1997. 264 с.
6. Россия–Чечня: цепь ошибок и преступлений. М.: «Звенья», 1998. 600 с.
7. Сварцевич В. Грачев-Дудаев. Как проходила встреча, с которой началась Первая Чеченская // Аргументы и Факты. 2014. 6 декабря.
8. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 2001. 552 с. ил.

9. Указ Президента РФ от 01.12.1994 №2142 «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7284> (дата обращения – 12.06.2021).

10. Указ Президента РФ от 09.12.1994 N 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312> (дата обращения – 12.06.2021).

11. Щекочихин Ю.П. Забытая Чечня: страницы из военных блокнотов. М.: ООО «Агентство «КРПА "Олимп"», 2003. 306 с.

Даже умные люди становятся
жертвами собственной
пропаганды.

Николас Фрилинг

Позвольте мне изготовлять
предрассудки нации,
и мне будет наплевать,
кто изготовляет ее законы
или ее песни.

Марк Твен

Ольга Заиченко

РОССИЯ В МИРЕ

«НАС СЧИТАЮТ ГУННАМИ...»

РОСТ АНТИРУССКИХ НАСТРОЕНИЙ В ГЕРМАНИИ В 30–40 ГОДЫ XIX ВЕКА И ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ РОССИИ

УДК

94[430:47]”1830-1848”
329[11+12](430):327.5
32.019.51:070.15(430)

С помощью анализа разнообразного пласта отечественных источников в статье делается попытка проследить реакцию российского общества и правящих кругов России на рост антирусских настроений в Европе в 30–40-х гг. XIX в., а также выявить меры, с помощью которых различные правительственные ведомства пытались воздействовать на общественное мнение Германии, формируя положительный образ своей страны.

By analyzing a diverse layer of domestic sources, the article attempts to trace the reaction of Russian society and the ruling circles of Russia to the growth of anti-Russian sentiments in Europe in the 1930s – 1940s of XIX century, as well as to identify the measures by which various government departments tried to influence public opinion in Germany, forming a positive image of their country.

Ключевые слова: Россия; Германия; русофобия; общественное мнение; пресса; публицистика; пропаганда.

Key words: Russia; Germany; Russophobia; public opinion; press; journalism; propaganda.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Нарастание негативного отношения к России в первой трети XIX в.

Несмотря на тесные взаимоотношения между Россией и Германией, немцы всегда относились к России сложно, неоднозначно. Несмотря

на усилия французских и немецких просветителей на протяжении XVIII вв. большинством населения Германии Россия не воспринималась как полностью европейское государство. Русские традиционно оставались для него чужаками, а Российская империя – «варварской», «азиатской» страной, вызывавшей в основном чувства недоверия и страха [40; 43]. Ситуация несколько улучшилась лишь в начале XIX в. на короткий период заключительной фазы антинаполеоновских войн, когда участие русских войск в освободительной войне на территории Германии дало возможность говорить о «единении прусского и русского оружия» [8; 9; 10; 12].

После победы над Наполеоном вместе с обострением внутренних и внешних противоречий произошел перелом в массовых настроениях, и негативное отношение к России опять возобладало. Создание в 1815 г. Германского союза, закрепившего раздробленность немецких земель, вызвало разочарование в наиболее активной части немецкого общества – в кругах националистов и либеральной среде, рассчитывавшей на политическое объединение страны и ее доминирующую роль в центральном регионе Европы в ближайшем будущем. Кроме того, ужесточение полицейского надзора в германских землях, усиление бюрократического гнета в Пруссии и Австрии, неурожай 1816 и 1817 гг. способствовали общей радикализации настроений во всех слоях общества. Недовольство разочарованного, обманутого в своих надеждах населения активизировало поиск виноватых. Всеобщее раздражение было обращено против местных правящих династий, а также против России, поддерживавшей установленный в Германском союзе порядок. Ей не могли простить ни военного превосходства, ни бесцеремонного вмешательства в германские дела. Драматург Август фон Коцебу довольно точно передал настроения, охватившие немцев уже в начале 1815 г.: «Эта антипатия, которую я мог бы назвать почти ненавистью и отвращением в отношении русских, демонстрируется немцами по малейшему поводу. Они преуменьшают их заслуги, приписывают себе их военные успехи и отрицают высокие побуждения русских. Немцы охотно хвастаются своей более высокой образованностью, презрительно говорят о национальном характере русских, называют их невеждами и разбойниками» [40, 19. Jrh., S. 30].

Вскоре антирусские настроения стали демонстрироваться открыто и не только на обывательском уровне национальной неприязни. Традиционная для Европы русофобия приняла политическую окраску, когда либеральные требования национально-политического единства Германии стали сопровождаться критикой Священного союза и Российской империи как оплота деспотизма и реакции в Европе, что поначалу особенно ярко проявилось в выступлениях национально-радикального движения студенчества. Русофобия надолго стала частью либерально-демократического мировоззрения, причем неприятие самодержавного строя как государственной системы распространилось с политической системы и на все русское гражданское общество в целом.

Негативный образ России как часть политического дискурса в Германии не раз оказывался в центре внимания исследований автора этой статьи. Прежде русофобия рассматривалась нами как феномен европейской культуры и самосознания, то есть на основе немецкой публицистики и глазами самих немцев [11; 21]. В этой публикации мы попробуем взглянуть на изменение настроений в Германии в отношении России со стороны – глазами русских, затронув максимально широкий слой российского общества: от обывателей и путешественников до дипломатов и высших чиновников. С помощью анализа разнообразного пласта отечественных источников мы постараемся проследить реакцию общества и государственных органов Российской империи на рост русофобии в Европе, а также выявить меры, с помощью которых различные правительственные ведомства пытались воздействовать на общественное мнение другой страны, формируя собственный положительный имидж.

Русская реакция на усиление русофобии в германских землях

К началу 30-х гг. XIX в. в общественном мнении Германии закрепляется негативный образ Российской империи как оплота европейской реакции, что не могло не волновать ее правительство. Тем более, что эти антирусские настроения резко контрастировали с официальной «дружественной» позицией правящих домов Пруссии и Австрии, а, следовательно, уже не поддавались воздействию и контролю с их стороны. Обеспокоенное ростом антирусских настроений, царское правительство в начале 30-х годов XIX в. приступило к разработке основных методов воздействия на европейское общественное мнение и формированию особого штата чиновников, ответственных за ведение прорусской пропаганды в зарубежной прессе. Первым государственным образованием,

попавшим в поле зрения российских «спецслужб», стал Германский союз, и, прежде всего, Пруссия.

Русофобия прочно вошла в общественное сознание немцев после разгрома польского восстания 1830–1831 гг. Жестокие методы его подавления, репрессии против поляков и униатской церкви были восприняты не только в Германии, но и во всей Европе, как наглядное доказательство «устрашающей децивилизованности режима Николая I» [30, с. 21]. Десятки тысяч поляков были вынуждены покинуть родину. Они были сочувственно встречены в Германии и во Франции. С этого времени польская эмиграция стала катализатором антирусских настроений в Европе, создавая пугающий образ кровожадного царя и его покорных подданных-рабов. Негативное отношение не только к политике царя, но и ко всем русским вообще, становится повсеместным, о чем с середины 30-х гг. сообщают почти все русские путешественники, посетившие Европу. Весьма типична запись, сделанная 15 июня 1835 г. профессором Санкт-Петербургского университета, Александром Васильевичем Никитенко в его дневнике. После беседы с молодыми учеными – историком Михаилом Куторгой, филологом Владимиром Печериным и другими стипендиатами, недавно вернувшимися со стажировки в Германии, он с горечью отмечал: «Ненависть к русским за границу повсеместная и вопиющая. Нас считают гуннами, грозящими Европе новым варварством. Немецкие профессора провозглашают это с кафедр, стараясь возбудить в слушателях опасения против нашего могущества» [20, т. 1, с. 173].

В связи с этим уместно вспомнить о нашумевшем деле берлинского профессора историка-медиевиста Фридриха фон Раумера, лекции которого, специально посвященные разделам Польши как подтверждению традиционно захватнического характера внешней политики России в Европе, попали в руки чиновников заграничной службы в июне 1837 г. Одним из информаторов русского правительства о настроениях в немецких университетах был уже упомянутый в дневнике Никитенко Михаил Семенович Куторга, историк, выпускник Профессорского института при Дерптском университете, который два года стажировался в Берлинском университете, в том числе участвуя в семинарах Раумера. Как и все русские стипендиаты при немецких университетах, он регулярно посылал Отчеты о характере преподавания, содержании лекций, состоянии лабораторий и библиотек, а также о политических настроениях среди преподавателей и студентов. Получателем Отчетов Куторги был Управляющий Министерством народного просвещения, будущий

глава этого ведомства Сергей Семенович Уваров [13, с. 139–147]. В итоге разгорелся небольшой дипломатический скандал. Уваров передал тексты лекций Раумера в III Отделение, «...а император Николай лично донес их содержание правительствам Пруссии и Австрии, требуя от первого, чтобы оно приняло меры против бесчинств, проповедуемых с университетской кафедры» [47, Bd.I, S. 50]. Недружественные высказывания в адрес России и проявления вольнодумства стоили Раумеру академической карьеры. Впоследствии в связи с «неудовольствием» короля он был вынужден сложить с себя полномочия секретаря историко-философского отделения Берлинской академии наук и отказаться от ее членства.

С сообщениями непрофессиональных осведомителей полностью совпадают наблюдения, сделанные чиновниками соответствующих ведомств по долгу службы, таких, например, как русский дипломатический агент в Кобленце статский советник Готгильф Теодор Фабер, писавший в донесении от 12 октября 1835 г., что «жители Германии в основном враждебны России» [5, №192, Л. 63 об.].

Оживление комплекса «русской угрозы» в немецкой прессе

К концу 30-х – началу 40-х годов XIX в. помимо критики внутренней политики Николая I, а также позиции России в отношении Германии, которая часто интерпретировалась в немецкой прессе как враждебная идее национального единства, большое распространение в европейской печати получила тема «русской военной угрозы». Хотя страх перед военным потенциалом Российской империи, как одна из составляющих русофобии, существовал всегда, Восточный кризис 1839–1841 гг. вновь способствовал реанимации идеи о стремлении России к мировому господству и дальнейшему нагнетанию антирусских настроений. В наибольшей степени им были подвержены либерально настроенные патриоты, одним из которых был немецкий поэт Генрих Гейне, который был вынужден в 1831 г. на целых 13 лет эмигрировать из Германии в Париж. Живя во Франции, все это время он писал корреспонденции политического характера для самой массовой либеральной аугсбургской газеты “Allgemeine Zeitung”, ставя своей задачей посредством публицистики «передать дух современной эпохи». И это ему вполне удавалось. Например, очень характерна для европейской печати того времени парижская корреспонденция Генриха Гейне на тему Восточного вопроса, появившаяся в “Allgemeine Zeitung” 31 января 1841 г. Она стала частью серии публикаций, написанных в поддержку выступления союзных ев-

ропейских держав на стороне Османской империи во время второй Турецко-Египетской войны 1839–1841 гг. и против возможного сближения Франции и России. Тогда военный союз с исламской Турцией у многих вызывал вопросы. В своей статье Гейне приводит аргументы в пользу альянса с вековым врагом «всех христиан» – Османской империей, рассматривая ее как противовес европейской экспансии России. В частности, призывая соотечественников не опасаться «религиозного рвения мусульман», он подчеркивал, что оно «явилось бы лучшим оплотом против стремлений Московии, которая замышляет ни более ни менее, как завоевать или хитростью добыть на берегах Босфора ключ к всемирному господству» [3, т.8, с. 119].

На фоне раздувания страхов в европейской прессе по поводу агрессивных намерений России, ее планов установления мирового господства, а также из боязни, что ей удастся использовать национальные движения славянских народов для создания общеславянской монархии, в Европе возник феномен «панславизма». Он был тесно связан с русофобией, центр которой из Франции и Англии с конца 30-х – начала 40-х годов начал перемещаться в Германию.

Как уже много раз подчеркивалось исследователями [2; 7; 24; 25], в публицистике тех лет этот термин мог применяться к явлениям, в той или иной степени связанным с резко активизировавшимся процессом национального, политического и культурного самосознания славянских народов, составлявших значительную часть населения Австро-Венгрии и Османской империи. Отсутствие у них собственной государственности стимулировало распространение идеи «славянской взаимности», которая – главным образом на уровне поэтических текстов – оформлялась и как туманное пророчество о грядущей интеграции славянского этноса под эгидой России. Однако в политическом сознании общественности неславянских стран «панславизм» ассоциировался, прежде всего, с угрозой агрессии против остальной Европы, исходящей от царской империи. Как писал из Вены в середине 1841 г. известный критик и издатель журнала «Телескоп» Николай Иванович Надеждин, одним из первых уловивший «фантомный» характер термина «панславизм»: «Со всех концов Германии бьют тревогу, распускают слухи, подозрения, страхи; проповедуют вообще ополчение против какого-то страшилища, окрещенного мистическим именем панславизма» [19, с. 515]. А в одной из глав «Тарантаса» В.А. Соллогуба, навеянной его путешествием по Европе в 1843–1844 гг., этот феномен очерчен беглым, но выразительным штрихом: «Иногда за таблодом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Рос-

сия завладеет всем светом? Правда ли, что в будущем году Царьград назначен русской столицей? Все газеты, которые попадались ему в руки, были наполнены соображениями о русской политике. В Германии панславизм занимал все умы. Каждый день выходили из печати глупейшие насчет России брошюры и книги...» [26, с.211].

Ответные меры русского правительства

Известно, что Николай I довольно болезненно реагировал на распространение негативных мнений о себе и своей политике в зарубежной прессе. Достаточно вспомнить отзыв императора на очень популярную в Европе книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» [17, с. 107–138]. Но наиболее остро царь воспринимал критику со стороны немецкой прессы, так как антирусски настроенное общественное мнение Германии, и, прежде всего Пруссии, резко противоречило официальной доктрине «братства» двух монархий и дружественно-родственным отношениям Фридриха-Вильгельма III с зятем Николаем I. Интересное замечание на этот счет содержится в письме историка и общественного деятеля Александра Ивановича Тургенева, одного из лучших знатоков

Известно, что Николай I довольно болезненно реагировал на распространение негативных мнений о себе и своей политике в зарубежной

Александр Иванович Тургенев (1784–1845) – русский историк и общественный деятель, брат декабриста Н.И.Тургенева

политических, светских и культурных событий Европы и России, брату Николаю, датированном 7 июля 1842 г. Летом 1842 г. Тургенев жил в Киссингене, модном немецком курорте, где неоднократно встречался с не менее осведомленными собеседниками – чрезвычайным посланником России при баварском дворе Дмитрием Петровичем Севериным и бывшим вторым секретарем дипломатической миссии в Баварии, живущем в тот период в Мюнхене, поэтом Федором Ивановичем Тютчевым. Делясь с братом полученной информацией о дипломатических интригах, Тургенев, в частности, сообщает: «Граф Нессельроде писал Северину..., что император был очень возмущен тем, как немецкие газеты освещают русскую политику. В особенности аугсбургская газета “Allgemeine Zeitung” во втором номере высказала большую враждебность к России, говоря среди прочего, что если придется выбирать между русским кнутом и французской пропагандой, Германия предпочтет последнюю... Северин, получив эту депешу, испросил аудиенцию у баварского короля Людвига I и объявил решительный протест: король взволновался, призвал своего министра полиции Абеля, тот призвал редактора или владельца аугсбургской газеты... и приказал ему отныне соблюдать большую осторожность в статьях о России...» [31, с.86].

Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862) – министр иностранных дел, канцлер Российской империи

Русское правительство не могло оставаться безразличным к тому, какой образ России формирует зарубежная печать в общественном мнении Европы. По роду своей деятельности этой проблемой должны были заниматься два ведомства: Министерство иностранных дел, находившееся в ведении вице-канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде, и заграничная служба III Отделения под руководством графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Между обоими ведомствами существовали разногласия по поводу выбора средств для борьбы с русофобией, в частности, в оценке перспектив использования зарубежной прессы в интересах русской политики. Если Бенкендорф выступал за субсидирование иностранных периодических изданий русским правительством и «использование зарубежных перьев», прежде всего, журналистов, для создания позитивного образа России в Европе, то у Нессельроде эти инициативы не вызывали сочувствия. Современники объясняли это тем, что по своей должности вице-канцлер обязан был предвидеть возможную реакцию на нарушение «дипломатических приличий» и, разумеется, не желал прибавлять себе забот и «компликаций» [14, с. 87]. Как писал сам Нессельроде о своем предубеждении против фактического подкупа иностранных авторов в письме к русскому чрезвычайному посланнику в Пруссии Петру Казимировичу Мейендорфу от 3 декабря 1839 г.: «Мне никогда еще не случилось видеть, чтобы книги или статьи, написанные в нашу пользу, заставили бы кого-нибудь взять нашу сторону; русофобия пройдет, как прошли другие безумства нашего века» [42, р. 295–296].

Еще одно «особое мнение» по поводу организации пропагандистского воздействия на европейское общество было у министра народного просвещения (управлявшего также цензурным ведомством) графа Сергея Семеновича Уварова. В одной из служебных записок, составленных, по-видимому, вследствие личного указания Николая I, [18, с. 226–281] он предлагал отказаться от услуг иностранных журналистов и нанять какого-нибудь знаменитого «писателя с репутацией», который под руководством и под надзором русского правительства написал бы фундаментальный труд, способный стать серьезным опровержением сочинения маркиза де Кюстина и ему подобных авторов. Так как в правительственных верхах не было единого мнения о способах ведения прорусской пропаганды за рубежом, с инициативой по разработке программы использования европейской печати для формирования позитивного образа России выступило III Отделение.

**Деятельность III Отделения
в Германии. Жандармы
против дипломатов**

Согласно отчету о деятельности III Отделения за 50 лет, опубликованному в 1917 г., собственное «окно в Европу» это ведомство прорубило

в 1832 г. С этого года была введена практика зарубежных командировок сотрудников, имевших целью – наряду со сбором оперативной информации – «приискание надежных агентов и организацию правильного наблюдения в важнейших пунктах» [1, с. 92–93; 22, с. 52, 67–71]. Насколько можно судить, именно в Пруссии, состоявшей тогда в политическом союзе с Россией, была основана первая заграничная резидентура III Отделения. Как отмечал еще в конце XIX в. французский историк Эдуард Симон, в 1830-х годах Фридрих-Вильгельм III, отклоняя попытки российского императора вмешаться в военные дела Пруссии, в остальном уступал давлению петербургского двора: «...меры полицейского характера играли в то время большую роль во взаимных отношениях Пруссии и России. Русское правительство держало там массу агентов, которые должны были сообщать ему самые точные сведения о людях и событиях» [45, р. 71–72].

Наличие разветвленной сети агентуры III Отделения в Германии также не способствовало росту популярности России. По свидетельству современников, практически в каждом русском немцы готовы были видеть царского шпиона. Показательно, что даже А.И. Тургенев, хорошо знавший страну и принятый в местном обществе, в иную минуту склонный иронически заметить, что «русские шпионы за границей не так утомительны, как их покровители в России» [31, с. 197], сталкивался с предубежденным к себе отношением. «Вот что пишет ко мне Вяземский из Киссингена, – сообщал ему поэт Василий Андреевич Жуковский 15 июля 1838 г. – Знаешь ли какую репутацию оставил ты между своими немцами? Что ты тайный политический агент нашего правительства и разведываешь мнения: и этот отзыв не из высшего круга, а именно из того, в котором ты бражничал... Ништо тебе: в другой раз не шарлатань с пасторами и учеными». На что Тургенев беспечно отвечал: «Я не сержусь на них: это делает честь их ребяческому понятию о шпионах» [31, с. 200]. Однако позднее Тургенев всерьез забеспокоился. Весной 1840 г., находясь в Москве, он несколько раз просил брата «озаботиться публикацией в парижской прессе» объективного материала о его собирательской и научной деятельности: «Я бы желал, чтобы в Германию это перешло из французского журнала, ибо там еще более могут иметь и имеют обо мне ложное понятие» [31, с. 224].

Однако вернемся к деятельности III Отделения. Базировавшаяся в Пруссии резидентуру долгое время возглавлял барон Карл Фридрих фон Швейцер (1797–1847), в обязанности которого, по словам А. Х. Бенкендорфа, входило составление газетных опровержений на «грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе... и вообще всякое противодействие революционному духу, овладевшему журналистикой» [14, с. 97–98; 22, с. 53]. Для выполнения этой задачи Швейцер в 1833 г. оплатил услуги французского журналиста Шарля Дюрана, редактора выходившей во Франкфурте газеты «Journal de Francfort» [16, с. 307–311; 15, с. 182–218]. В Германии, как и в России, французский язык был широко распространен в обществе, поэтому многие издания того времени выходили на французском языке.

Имя Шарля Дюрана долгие годы оставалось неизвестным широкой публике, до тех пор, пока в 1937 г. не вышел очередной том сборника «Литературное наследство», где французский журналист упоминался сразу в двух публикациях: в статье С. Н. Дурылина, посвященной русским контактам Александра Дюма-отца, [6] и в подборке парижских донесений Якова Толстого в III Отделение, подготовленной выдающимся историком Евгением Викторовичем Тарле [28, с. 590–592, 652]. Как описывал события литературовед Сергей Николаевич Дурылин, в том же году Дюран стал получать субсидии от России, Австрии и Пруссии на «проведение линии», согласованной странами-участницами «Священного союза» на мюнхенской конференции осенью 1833 г. А конкретная договоренность о совместном финансировании этого издания была достигнута, по-видимому, в сентябре 1835 г., во время встречи трех императоров в Теплице [6, с. 498, 557].

В качестве агента русского правительства с 1833 по 1837 гг. Дюран состоял в переписке лично с Бенкендорфом, по приглашению которого осенью 1834 г. посетил Петербург и Москву с чтением публичных лекций о французской литературе [23, с. 110–111]. Одновременно он продолжал писать для своей газеты серию корреспонденций из России. Убедительно изображая из себя внимательного и непредвзятого наблюдателя, Дюран рассказывал европейскому читателю об исключительном добродушии и миролюбии русского народа, а также о том, что «русский император далек от мысли начать крестовый поход против Запада» [15, с. 185]. Как мы помним, именно это намерение приписывала Николаю I европейская либеральная пресса, пугая своих читателей скорым «нашествием русских варваров».

Граф Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) – шеф жандармов и Главный начальник III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии

Идея привлечь к совместной работе с европейской прессой правительства Пруссии и Австрии также принадлежала начальнику III Отделения. По воспоминаниям Бенкендорфа, во время встречи трех императоров в Теплице он открыл глаза австрийскому канцлеру князю К.Меттерниху на перспективу широкого сотрудничества в деле «обуздания либеральной прессы» [33, с. 713–714]. Для выработки совместной программы действий к канцлеру был откомандирован все тот же барон Швейцер, который по возвращении доставил Бенкендорфу личное послание Меттерниха. В нем, в частности, говорилось: «Правительства совершили грубую ошибку, не занимаясь периодической печатью, этим оружием, способным сотворить любое зло, оружием, которым с таким успехом и ловкостью пользуются те, кто стремится к беспорядкам. Болезнь, которую не лечили, постоянно обострялась, и если несколько слабых федеральных законов не сумели бы положить конец разгулу прессы в Германии, будьте уверены, что ныне пожар охватил бы весь центр Европы. Сегодня настал момент отвоевать ту территорию, которую охранительной партии никогда не следовало терять» [46, р. 373]. Получив поддержку Меттерниха, Бенкендорф, однако, не смог склонить на свою сторону вице-канцлера К.В.Нессельроде. Как известно, в этот период между возглавляемыми ими ведомствами резко обострилось соперничество за преобладающее влияние на русскую дипломатическую службу в германских государ-

ствах, что также нашло свое отражение в переписке Александра Тургенева с братом Николаем. В частности, летом 1839 г. Александр Иванович описывал в своих письмах к брату в Париж противостояние уже упомянутого нами «преданного Нессельроде» посланника в Баварии Дмитрия Петровича Северина «пошлым жандармско-дипломатическим низостям шпионов-дипломатов под командой Бенкендорфа, правой рукой которого в Германии является Петр Мейендорф», бывший посланник при Вюртембергском дворе, с 1839 г. – русский чрезвычайный посланник в Пруссии [31, с. 211]. Таким образом, два самых влиятельных ведомства, отвечавших за формирование образа Российской империи за рубежом, в силу разногласий на самых различных уровнях – от руководства до среднего звена и низовых исполнителей – не смогли договориться между собой. Как отмечалось выше, разработка программы «партизанской войны во владениях европейской печати» оказалась в исключительной компетенции «более активного» III Отделения. Можно предположить, что в идеале основными направлениями деятельности этого ведомства, по мнению Бенкендорфа, должны были стать: частичное или полное финансирование периодических изданий в Германии и Франции, подкуп иностранных журналистов для участия в общественно-политической полемике за рубежом, затрагивающей интересы России; анонимные публикации русских литераторов, а также немцев и французов, состоящих на дипломатической службе у русского правительства. Первым шагом в осуществлении этого плана стало приобретение в 1833 г. небольшой франкфуртской газеты “Journal de Francfort”.

Агент III Отделения во Франции Яков Толстой и французская пресса

Примерно в середине 1835 г. Бенкендорф и начальник штаба Отдельного корпуса жандармов генерал Леонтий Васильевич Дубельт рассматривали просьбу о субсидировании «нового журнала, основываемого во Франции в русских интересах и... в интересах христианской философии, освобожденной от всего специально католического» [5, №290, л. 51–52]. Но проспект предлагаемого издания, поступивший от корреспондента министерства народного просвещения в Париже князя Элима Петровича Мецерского и переданный Уваровым «на благоусмотрение» руководству III Отделения, был сочинен в слишком общих выражениях и потому не получил одобрения Бенкендорфа.

Однако сама идея создания прорусского органа в Париже не могла пройти мимо внимания руководителей III Отделения. Именно француз-

ские издания в тот период задавали тон в распространении антирусских настроений в Европе. В Париже осела большая часть польской эмиграции после разгрома восстания 1830–1831 годов. Преисполненные духом нетерпимости, статьи французских и польских авторов о России затем охотно перепечатывались в немецких журналах. Недаром европейскую русофобию в России и Германии долгое время считали «французской модой» [39, S. 57–76]. Барон Швейцер, возглавлявший резидентуру III Отделения в германских землях, не раз писал о влиянии французских изданий на формирование общественного мнения в Германии и необходимости оперативного реагирования на антирусские выпады в европейской печати. Рассматривая Европу, как более или менее целостное культурно-информационное пространство, он всегда подчеркивал решающее значение прессы для распространения политических идей и манипуляции общественными настроениями. «Сколько бы ни утверждали обратное, – писал, например, Швейцер в депеше Бенкендорфу от 31 мая 1841 г., – Европа более или менее превратилась в одну общую семью, и ни один из членов, ее составляющих, не смог бы полностью отделиться от остальных... Подобно некоторым физическим болезням, которые оказываются заразными, политические идеи..., стоит их однажды высказать, проникают повсюду. Они так летучи, что одной лишь материальной силы недостаточно для их подавления... С определенной точки зрения пресса ничто или почти ничто, но с точки зрения реальности она – сила тем более опасная, что действует на умы безостановочно; и тот, кто говорит, в конечном счете всегда одерживает победу над тем, кто молчит» [5, №279, л. 51–52]. Это высказывание, видимо, было полностью созвучно идеям самого Бенкендорфа о создании прорусского печатного органа в Париже – общепризнанном центре формирования европейского общественного мнения.

Надо сказать, что решить эту задачу было намного сложнее, чем завербовать в 1833 г. уже упомянутого редактора франкфуртской газеты “*Journal de Francfort*” французского журналиста Ш. Дюрана. В отличие от германских земель, взаимоотношения России с Июльской монархией, легитимность которой Николай I никогда не признавал, характеризовались напряженной подозрительностью, легко переходившей в открытую враждебность [29, с. 127–219], а защиту русских интересов на страницах французской печати, по авторитетному мнению резидента III Отделения в Париже Я.Н. Толстого, мог себе позволить лишь тот, кто обладал «известным запасом мужества и ни в грош не ставил собственную популярность» [28, с. 574]. Очередной случай убедиться

Яков Николаевич Толстой (1791–1867) – поэт и театральный критик, агент правительства Николая I во Франции (с чином тайного советника)

в единодушном подходе парижских журналистов к событиям в России представился после того, как перепечатка в “Journal des Debats” речи Николая I, произнесенной в Варшаве 22 октября 1835 г., с угрозой «навсегда и дотла разгромить» польскую столицу, если там возникнет «хоть малейшее волнение», вызвала целый поток публичных нападок. На этом фоне довольно симптоматично выглядела замена профессионального дипломата и поэта-любителя Элима Мещерского агентом Бенкендорфа и «профессиональным защитником России» во французской прессе Яковом Толстым, произведенная непосредственно III Отделением. Формальное назначение нового «корреспондента министерства народного просвещения в Париже» последовало в феврале 1837 г., но еще почти полгода Толстой оставался в России, сочиняя и согласовывая с Бенкендорфом проект подкупа конкретных изданий, а также учреждения в Париже на деньги русского правительства полностью контролируемого им органа печати под номинальной редакцией того «лица, которое за вознаграждение в 10 или 12 тысяч франков примет на себя упреки, что посыплются на него за постоянное восхваление России» [28, с. 574]. К выполнению своих обязанностей Яков Николаевич Толстой приступил только осенью 1837 г.

Помимо собственных публикаций в различных парижских изданиях, как было установлено Е. В. Тарле, Толстой содержал в тот период три французские газеты, что ежегодно обходилось российской казне примерно в 45000 франков [28, с. 579].

**Агент III Отделения в Германии
Фридрих фон Швейцер
и немецкая пресса**

Если о деятельности Толстого в Париже, благодаря публикации его донесений, известно довольно хорошо [32], то аналогичной информации о бароне Карле Фридрихе фон Швейцере очень немного. Исследуя вопрос о влиянии царского правительства на публицистику Германии, немецкий историк Петер Ян опирается лишь на краткую биографию Швейцера и отрывочные сведения о нем, сохранившиеся в других источниках [39, с. 236–237]. Ян пишет, что Швейцер родился в 1797 г. во Франкфурте-на-Майне, служил во французской армии, попал в русский плен, с 1823 г. состоял на службе в тайной полиции России. С 1832 г. по 1844 г., живя в Штутгарте, Швейцер возглавлял резидентуру III Отделения в Германии. В 1841 г. ему был присвоен чин коллежского советника. В некрологе на его смерть в 1847 г. Швейцер уже фигурирует как статский советник и литератор. По мнению Яна, Швейцер курировал “Journal de Francfort” и, видимо, содействовал публикации нескольких прорусских сочинений в Германии, многие из которых вышли анонимно [39, с. 240–242]. В отличие от Толстого, который сам активно участвовал в общественно-политической полемике, отстаивая интересы России, Швейцер выступал на страницах немецкой печати довольно редко. Ян упоминает только серию коротких анонимных корреспонденций, написанных им для рубрики «С польской границы» в “Allgemeine Preussische Staatszeitung” с февраля по октябрь 1831 г., а также полемику со сторонником предоставления независимости Польше Гарро Гарингом на страницах этой же газеты [39, с. 237]. Несмотря на невысокую эффективность в области прорусской пропаганды, деятельность Швейцера, по всей видимости, вполне устраивала его начальство. Как считали современники, основное жалование он получал за разведывательную информацию. «Вообрази, – писал А. И. Тургенев в письме брату от 2 июля 1842 г., – этот пройдоха-шпион Швейцер, который теперь живет на широкую ногу в Штутгарте, получает 20 тысяч рублей за то, чтобы писать о Германии» [31, с. 180]. Далее Александр Иванович сообщает, что ранее русский посол в Вене Д. П. Татищев и посланник в Баварии Северин

были настолько шокированы его деятельностью, что настояли на высылке Швейцера сначала из Вены, а потом из Мюнхена [31, с. 180].

Если говорить об эффективности прорусской пропаганды в Германии и ее воздействии на общественное мнение, то довольно часто реакция в немецком обществе на публикацию подобных сочинений была прямо противоположной, особенно, если выяснялось, что их авторы связаны с III Отделением [39, S.44–46, 51–55]. Одним из самых ярких примеров, когда брошюра, издание которой было инспирировано русским правительством, вызвала неожиданную для него реакцию, можно считать появление «Европейской пентархии» Карла-Эриха Гольдмана [34]. Эта книга, вышедшая анонимно в Лейпциге в 1839 г. на немецком языке, получила скандальную известность благодаря изложенной в ней геополитической схеме, согласно которой Европа разделялась на зоны влияния пяти великих держав: Австрии, Пруссии, Франции, Англии и России, причем последней – а не Пруссии или Австрии – отводилась роль верховного протектора немецких государств. Пруссии предлагалось занять аналогичное положение по отношению к «Северу», то есть Скандинавии [34, 38, S. 181]. Отмечая появление «Европейской пентархии», А. И. Тургенев в письме брату от 23 октября 1839 г. писал: «... автора не знаю, но думаю, что наш лейпцигский вице-консул... Очень любопытно и занимательно. Совершенно в русском смысле, но подробности и факты интересны» [23, с. 92]. Нессельроде, тоже поначалу с радостью приветствовавший появление брошюры, написанной «совершенно в нашу пользу» [42, Vol. VII, p. 291], вскоре понял, что трактовка автора подразумевала «ущерб законному влиянию двух величайших держав, входящих в Германскую конфедерацию» [42, Vol. VII, p. 304]. Той же осенью разразился скандал: против сочинения Гольдмана ополчились все – от демократической оппозиции до правительственных кругов. Политическая полемика вокруг этой книги стала поводом для появления целой серии антирусских сочинений, самым известным из которых была «Европейская триархия» знаменитого философа Мозеса Гесса. В письме Нессельроде от 25 ноября 1839 г. русский посланник в Берлине Мейендорф сообщал, что в Пруссии «"Пентархия" возбудила против нас много брани» [44, Bd.I, S. 191], а историк и издатель, известный своим славянофильством, Михаил Петрович Погодин, в 1839 г. путешествовавший по Европе, писал в одном из своих отчетов: «Сочинение о Пентархии странным образом возбудило добрых немцев против нас; они обиделись, что какой-то их же брат-фантазер рекомендовал им покровительство России...» [27, т. IV, с. 60].

Реакция правящих кругов Пруссии и Австрии также была бурной. Меттерних расценил эту книгу как призыв к нарушению декларированной русским правительством политики невмешательства в германские дела. Узнав, что ее автором был К.-Э.Гольдман – немец по происхождению и русский чиновник, служивший в Варшаве в канцелярии И. Ф.Паскевича, а затем в Дрездене и Берлине, – австрийский канцлер осенью 1839 г. именно от Бенкендорфа потребовал объяснений, поскольку не сомневался в причастности III Отделения к появлению «Европейской пентархии» [23, с.92–93]. Бенкендорф пытался оправдаться полным неведением, но убедить своего корреспондента, кажется, не сумел: 13 апреля 1840 г. Нессельроде, который уже знал о том, что Гольдман являлся протеже русского посланника в Берлине, извещал последнего о «ворохе не слишком любезных писем», полученных Бенкендорфом от австрийского канцлера по поводу этой книги [42, Vol. VIII, p.21].

Однако до сих пор нет полной ясности относительно того, была ли брошюра Гольдмана действительно инспирирована в русских правительственных инстанциях, в частности Мейендорфом, или честолюбивым автором двигало желание обратить на себя внимание высшей петербургской администрации [39, S. 54–55]. Например, такой осведомленный человек, как А. И.Тургенев писал брату 7 июля 1842 г.: «Автор "Пентархии" – немец Гольдман... написал свою книгу без всякого участия русского правительства; но поскольку даже австрийцы почитают наш кабинет более тонким, а главное, более деятельным, чем он есть, Меттерних написал Бенкендорфу резкое письмо по поводу принятых в книге идей и проповедуемых в ней прусских взглядов, полагая, что она вдохновлена нашим правительством» [31, с. 175].

Барон Петр Казимирович Мейендорф (1796–1863) – русский дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный посол России в Вюртемберге, Пруссии и Австрийской империи

Записка Уварова и компания по опровержению сочинения де Кюстина

Столь же неуклюжей и малоэффективной оказалась попытка русского правительства организовать за рубежом серию опровержений на по-

явившуюся в 1843 г. знаменитую книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 г.» [36]. Следует заметить, что в первую очередь французская, а затем английская и польская антирусская публицистика оказали влияние на формирование основных черт немецкой русофобии, и сочинение маркиза де Кюстина сыграло в этом процессе заметную роль. Оно вызвало целую волну споров и возражений в немецкой литературе, посвященной России. Более того, многие произведения этого жанра, изданные в Германии, являлись прямыми откликами на путевые записки де Кюстина или вступали в полемику с ними. Одним из критериев степени воздействия сочинения на общественное мнение принято считать количество упоминаний о нем и заимствования в публикациях других авторов, пишущих на эту же тему. По мнению немецких исследователей, труд маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» среди антирусских произведений цитировался больше всего [39, S. 52–53]. Поэтому легко понять озабоченность русского правительства воздействием этого сочинения на общественное мнение Европы и Германии в том числе.

В связи с этим до сих пор не утратила своей научной актуальности публикация В. А. Мильчиной и А. Л. Осповатом архивных документов, обнаруженных ими в секретном фонде III Отделения [18, с. 266–281]. Речь, по-видимому, идет о создании в начале лета 1843 г. тайного комитета из лиц, наиболее приближенных к императору, призванного выработать концепцию пропагандистской компании против книги де Кюстина за границей. В состав комитета входили министр народного просвещения граф С. С. Уваров, генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов, самый близкий императору человек из его окружения; министр иностранных дел и вице-канцлер граф К. В. Нессельроде, граф П. Д. Киселев, бывший министр юстиции, глава II Отделения имперской канцелярии граф Д. Н. Блудов, а также, без сомнения, граф А. Х. Бенкендорф, который в дальнейшем курировал негласную полемику русского правительства с Кюстином.

Опубликованный Верой Мильчиной и Александром Осповатом комплекс документов содержит памятную записку, составленную графом С. С. Уваровым по личному указанию императора в первой половине июня 1843 г., и переписку между членами комитета, связанную с ее обсуждением. В записке была изложена программа Уварова по организации опровержения сочинения французского маркиза – «коварной смеси

Граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855) – министр народного просвещения

лжи и правды, пропитанной нескрываемой ненавистью, которая делает эту книгу последним словом крестового похода Европы против России» [18, с.267]. Для полемики с Кюстином Уваров предлагал даже не «нанять перо», но тайно купить какого-нибудь знаменитого, предпочтительно французского, писателя «с репутацией» для написания фундаментального труда, предоставить ему все необходимые материалы, «направлять его шаг за шагом, начертать ему общий план новой книги о России; тщательно отобрать сообщаемые в ней сведения». Причем, изображая то, что есть на самом деле, «следует также непринужденно и деликатно изобразить и то, чего еще нет» [18, с.269].

На роль французского писателя, по мнению Уварова, идеально подходил Оноре де Бальзак, «постоянные денежные затруднения» которого ни для кого в Париже не были секретом. Кроме того, облегчить переговоры должна была и любовная связь Бальзака с российской подданной Эвелиной Ганской. Однако прежде, чем стали известны какие-либо подробности визита писателя в Петербург, французская пресса уже начала столкловывать сам факт этой поездки в крайне неблагоприятном для российских властей и для Бальзака свете. Последний прибыл в Кронштадт в конце июля 1843 г., а уже 4 августа газета “Siecle” писала, что «путешествие Бальзака – плод дипломатической договоренности, сулящей остроумному романисту прочные и блестящие выгоды» [17, с.121].

В подобной подоплеке бальзаковской поездки не сомневался и сам Кюстин, извещавший 7 августа своего постоянного корреспондента немецкого писателя Карла Августа Варнгагена фон Энзе: «Вот уже и Бальзака призывали опровергать меня» [35, р.469]. Таким образом, Бальзак как возможный кандидат на исполнение уваровского плана оказался скомпрометированным еще до начала каких бы то ни было переговоров, которые, по всей видимости, так и не были начаты.

Уже первые читатели записки Уварова, в частности Нессельроде и Блудов, отнеслись скептически к плану министра просвещения, отмечая его утопический характер и чрезвычайную сложность исполнения. «Для того чтобы подобная книга могла иметь нужное влияние, – писал в своем отзыве Блудов, – автор должен обладать определенной литературной репутацией и иметь право сказать: я изучил Россию в России – и вот плод моих наблюдений. Какой французский или немецкий автор сможет так сказать, а без того кто ж поверит его рассказу?» [18, с.271]. Действительно, условием достоверности легенды о независимом и компетентном зарубежном писателе должно было стать относительно продолжительное путешествие автора в Россию, что, разумеется, потребовало бы специальной и всесторонней подготовки. По мнению Блудова, книга Кюстина требовала быстрого, сиюминутного реагирования, а задуманный Уваровым фундаментальный труд предполагал многолетнюю работу. При этом следовало отдавать себе отчет в чрезвычайно недоброжелательном и подозрительном отношении общественного мнения Европы к николаевской империи. Уваров, кажется, едва ли не демонстративно пренебрег вытекающими отсюда последствиями. Между тем, заключение, сделанное Яковом Толстым, вполне адекватно описывало ситуацию 1843 г.: «В настоящее время принадлежность к русской партии считается во Франции признаком настолько дурного тона и столь мало патриотичной, что нужно иметь известный запас мужества и не ставить ни в грош свою популярность, чтобы заявить себя защитником России» [28, с.574]. Таким образом, вопрос о том, кто из достаточно известных парижских писателей и за какое вознаграждение согласился бы в буквальном смысле пожертвовать своим литературным именем, отнюдь не предполагал легкого и быстрого решения.

С мнением Блудова – «идея хорошая, но совершенно неисполнимая» – согласились и Нессельроде, и Бенкендорф, позиция которых, как людей, непосредственно отвечавших за отношения с Европой и предотвращение антирусской пропаганды, имела, безусловно, большой вес. Гораздо большее одобрение получило предложение Блудова сделать ос-

новой упор на газетные публикации, тем более, что глава II Отделения подробно обозначил основной перечень сюжетов, которые впоследствии легли в основу большинства опровержений книги Кюстина, написанных не только русскими, но и немецкими авторами [39, S. 77–87]. «В книге Кюстина столько неточностей, столько преувеличений, – писал Блудов, – что не составило бы большого труда высмеять ее, напомнив, что русские, подобно протестантам, тоже верят в Бога, что страх – не единственное орудие правительства, что все народы усваивают цивилизацию путем подражания... что абсолютизм у нас – тот же, что и диктатура римских цезарей, ибо русские, а не поляки в течение трех столетий сдерживали наступление на Европу воинственных азиатских племен,... а для этого необходимо было установить диктаторское правление над 60 миллионами, рассеянными по одной восьмой земного шара; что эта необходимость, принятая народным инстинктом, имела благодетельные последствия – ибо народ наш развивается, и столь успешно, что плодом этого развития явилась независимость старой Европы, станавшей под игом и не умевшей без помощи этих самых русских, своих младших братьев по цивилизации, свергнуть тяготевшую над ней тиранию» [18, с. 272–273].

Таким образом, в борьбе за благоприятное европейское общественное мнение о России предпочтение опять было отдано газетным и журнальным статьям. Авторами первых сочинений были чиновники министерства иностранных дел и III Отделения. Уже 23 сентября 1843 г. в Париже под названием «Слово о сочинении маркиза де Кюстина "Россия в 1839 г."» вышла анонимная публикация, написанная по прямому указанию Нессельроде. Автором ее был подчиненный вице-канцлера, старший советник министерства иностранных дел Ксаверий Ксавериевич Лабенский, французский литератор и поэт польского происхождения [41]. Бенкендорф был лишь косвенно причастен к появлению этой брошюры. Чиновник ведомства Нессельроде, глава русской миссии в Париже, Николай Дмитриевич Киселев вручил рукопись уже упомянутому нами агенту III Отделения Якову Толстому, который и занимался подготовкой ее издания в Париже. В начале 1844 г. сочинение К. Лабенского вышло в Берлине на немецком языке. Движимый профессиональной ревностью Яков Толстой и сам в депешах Бенкендорфу неоднократно выражал готовность «от имени некоего жителя Франкфурта» исполнить свою «непосредственную обязанность» и выступить с опровержением «очередного клеветнического сочинения о России» [28, с. 580], но в августе 1843 г. посту-

пил приказ приостановить работу над памфлетом, чем Толстой был «глубоко опечален» [28, с. 583].

Однако, несмотря на некоторый успех брошюры Лабенского, вышедшей в начале 1844 г. вторым изданием, его опровержение, самое сдержанное из всех критических отзывов на книгу Кюстина, инспирированных русским правительством, было, очевидно, сочтено недостаточно веским, и «война» с французским маркизом перешла от министерства иностранных дел всецело в ведение III Отделения. 24 августа 1843 г. скандально известный своим сотрудничеством с департаментом Бенкендорфа журналист и издатель немецкого происхождения Николай Иванович Греч послал из Германии управляющему III Отделением генералу Л. В. Дубельту свою статью «Россия в 1839 г. маркиза де Кюстина», а уже в сентябре Бенкендорф, внося в нее незначительные поправки, рекомендовал текст к публикации [14, с. 143–148]. В ноябре этого же года статья в виде отдельной брошюры появилась в Германии, а в январе 1844 г. была издана во Франции [37]. В сентябре 1843 г. Бенкендорф также отменил запрет на участие в пропагандистской компании против Кюстина Я. Н. Толстого [14, с. 148]. В начале 1844 г. под псевдонимом Я. Яковлев последний опубликовал сначала во Франции, потом в Германии довольно злой памфлет с длинным названием «Россия в 1839 г., как это привиделось маркизу де Кюстину или письма об этом сочинении» [48]. Что же касается содержания этих брошюр, то все они более или менее вписывались в ту схему, которую предложил в своей ответной записке граф Д. Н. Блудов, полемизируя с Уваровым.

Наконец, осенью 1843 г. Бенкендорф ознакомился с еще одним проектом создания «европейского кадра писателей в защиту России». Автором его был находившийся в Париже Н. И. Греч, который, представив в III Отделение текст сочиненного им опровержения Кюстина, решил придать своей деятельности более широкий размах. Бенкендорф вежливо отклонил предложение Греча, так как не раз имел возможность убедиться в ненадежности и излишней болтливости последнего. Как раз в ноябре 1843 г. нескромность Греча привела к публичному скандалу. В немецкой печати появилось сообщение о том, что свой памфлет против Кюстина он писал по заказу Бенкендорфа и на основе материалов, полученных из «официального источника» [14, с. 150–152]. Комментируя этот эпизод, получивший широкую огласку в европейских салонах, А. И. Герцен записал в своем дневнике: «Итак, мы являемся все позорнее и позорнее перед Европой, покров за покровом падает,

и вместо сильного народа является коленопреклоненная толпа и папач» [4, т. II, с. 329]. Таким образом, и эта попытка русского правительства повлиять на общественное мнение Европы закончилась неудачей. Поэтому, отклоняя предложение Греча, Л. В. Дубельт писал, что «приискивать литераторов такого рода неприлично достоинству русского правительства». Руководство III Отделения, «избрав таких агентов, как в Париже Толстой и в Германии барон Швейцер... сделало все, что можно было сделать». Однако, если Греч будет продолжать самостоятельно бороться с клеветниками, за ним останется право на признательность правительства [14, с. 147].

В сентябре 1844 г. неожиданно умер граф Бенкендорф, и хотя рутинная работа по опровержению антирусских сочинений по-прежнему была возложена на служащих III Отделения, в подходе к ведению прорусской пропаганды за рубежом возобладала точка зрения Нессельроде, которую разделял и поддерживал император: не отказываясь в отдельных случаях от подкупа журналистов и целых изданий, в основном полагаться в борьбе с иностранными «клеветами» на собственные силы и «перья» и, более того, стараться избегать прямой полемики – «взирать на все, что публикуется о России, с совершенным равнодушием... нимало не заботясь ни о каких толках и слухах» [28, с. 582].

Библиографический список

1. Богучарский В. Третье отделение собственной е.и.в. канцелярии о себе самом (неизданные документы) // Вестник Европы. 1917, март.
2. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
3. Гейне Г. Корреспонденция XXX. Собр. соч.: в 10 тт. Л., 1958. Т.8.
4. Герцен А.И. Дневник. Январь 1844 г. // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 тт. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т.2. Дневник. 1842–1845.
5. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109. Секретный архив. Опись 4.
6. Дурьнин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32.
7. Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме // Славянофильство и современность. М.: Наука, 1994.
8. Заиченко О.В. «Мы – русские!»: немецкая антифранцузская пропаганда в Остзейских провинциях в 1812 г. // Вопросы истории. №12(4), 2019. С. 137–157.
9. Заиченко О.В. Александр I как спаситель Европы. Консервативный манифест Георга Фридриха Паррота (1812–1814) // Россия XX, №4, 2019. С. 60–85.

10. Заиченко О.В. Между «большим страхом» и «великими надеждами» // Россия XX, №1, 2019. С.116–143.
11. Заиченко О.В. Проекция разочарований и надежд: «русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX века. Эссе по исторической имагологии. Москва: Весь мир, 2018. 368 с.
12. Заиченко О.В. Трансформация образа России в немецкой публицистике на фоне Освободительной войны и Венского конгресса // Вопросы истории. №12(3), 2020. С.4–21.
13. Карнаух Н.В. Совершенствование профессионализма выпускников Дерптского Профессорского института в период зарубежной стажировки // Профессиональное образование в России и за рубежом, 1 (17), 2015. С.139–147.
14. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909.
15. Мильчина В.А. Россия и Франция: дипломаты, литераторы, шпионы. СПб: Ги-персион, 2006. 525 с.
16. Мильчина В.А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2.
17. Мильчина В.А., Осповат А.Л. Маркиз де Кюстин и его первые читатели (из неизданных материалов 1830–1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1994. №8. С.107–138.
18. Мильчина В.А., Осповат А.Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С.Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. №13. С.266–281.
19. Надеждин Н. Письмо из Вены о сербских песнях // Москвитянин. 1841. Ч.2. №6.
20. Никитенко А.В. Дневник. В трех томах. Л.: Изд-во худ. литературы, 1955. Т.1. (1826–1857).
21. Образ России в немецкой публицистике в первое двадцатилетие после Французской революции. Публикация источников / Отв. ред. Заиченко О.В. Москва: Весь мир, 2018. 316 с.
22. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982.
23. Осповат А.Л. Новонайденный меморандум Ф.И.Тютчева (Докладная записка императору Николаю I 1845 г.) // Новое литературное обозрение. 1992. №1.
24. Прокудин Б.А. Идеи славянского единства в политической мысли России и Европы XIX в. М.: Социально-политическая мысль, 2007.
25. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
26. Соллогуб В.А. Тарантас. Путевые впечатления. СПб., 1845.
27. Сочинения М. Погодина. В пяти томах. М.: Синод. тип., 1872–1876. Т.IV. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853–1856.
28. Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Литературное наследство. М., 1937. Т.31–32.

29. Татищев Е. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889.
30. Троицкий И. М. III Отделение при Николае I: жизнь Шервуда Верного. Л.: Лениздат, 1990.
31. Ф. И. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832–1844). Публикация и примечания Азадовского К. М. и Основата А. Л. // Литературное наследство. М., 1989. Т. 97. Кн. 2.
32. Черкасов П. П. Русский агент во Франции Яков Николаевич Толстой 1791–1867. М.: Scientific press Ltd., 2008. 454 с.
33. Шильдер Н. К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. Приложения.
34. [Anonym.] Die europäische Pentarchie. Leipzig: Wigand, 1839.
35. Custine A. de. Lettres a Varnhagen. Paris – Geneve, 1979.
36. Custine A. de. Russland im Jahre 1839. 4 Bde. Leipzig, 1844–1847. (3 Aufl.) – Paris, 1843.
37. Gretsch N. La Russie en 1839 par le Marquis de Custine. Paris–Heidelberg, 1844.
38. Groh D. Russland und das europäische Geistesgeschichte. Neuwied, 1961.
39. Jahn P. Russophilie und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. Stuttgart, 1980.
40. Kopelew L. West-östliche Spiegelungen. – Russen und Rußland aus deutscher Sicht, 9. – 17. Jahrhundert / Hrsg. von M. Keller. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985, 456 S.; Russen und Russland aus deutscher Sicht: 18. Jahrhundert. Aufklärung. München, 1991. 682 S.; Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). München 1998, 1071 S.
41. Labensky X. Ein Wort über Marquis von Custine's Russland im Jahre 1839. Von einem Russen aus dem französischen Übertragen und mit einem Nachwort von einem Deutschen. Berlin, 1844 (frz.: Paris, 1843).
42. Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode. 1760–1850. Paris, 1910. Vol. VII.
43. Matthes E. Das veränderte Russland. Studien zum deutschen Russland Verständnis in 18. Jahrhundert. Frankfurt/M., 1981.
44. Meyendorff P. von. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien: Politischer und privater Briefwechsel 1826–1863. Bd. 1–2 / Hrsg. von Otto Hoetzsch. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter & CO, 1923.
45. Simon E. L'Allemagne et Russie au XIX-e siècle. Paris: "F. Alcan", 1893.
46. Squire P. S. The Metternich-Benkendorff Letters 1835–1842 // Slavonic and East European Review. 1967. N 105. (письмо от 15 декабря 1835 г.).
47. Varnhagen von Ense K. A. Tagebücher aus dem Nachlass Varnhagen's von Ense. Leipzig: Brockhaus, 1861. Bd. 1. (запись от 11 июня 1837 г.).
48. Yakovlef Y. Russland im Jahre 1839, wie es Marquis de Custine träumte, oder Briefe über dieses Work. Leipzig, 1844 (frz.: Paris, 1844).

Государственная машина:
удивительный механизм,
позволяющий десятерым
делать работу одного.

Эндрю Маккензи

Бюрократия всегда выживает.

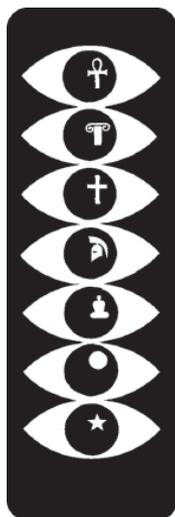
Джеральд Форд

Религию в большинстве ее форм можно определить как веру в то, что боги на стороне правительства.

Бертран Рассел

Организованная религия скорее делает христианство политическим, чем политику христианской.

Лоренс Ван дер Пост

Артём Фаизов

СОСТАВ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ В 1734–1741 ГОДАХ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВНЫХ ПЕРСОНАЛИЙ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47).063/064

Проблема состава императорского Кабинета министров анализируется с точки зрения малоизученного в историографии вопроса о персональной деятельности его членов в период, когда это учреждение переживало основные циклы своего развития (в 1734–1741 гг.). Материалом исследования служит делопроизводственная документация госоргана, позволяющая выявить такие факты самостоятельной работы министров, как особые приказы и мнения, всеподданнейшие доклады и объявления высочайших повелений, а также подписание императорских указов. Сделаны выводы о личном влиянии отдельных персоналий на деятельностные особенности и формы функционирования высшего органа государственной власти.

The article analyzes the problem of the composition of the imperial Cabinet of Ministers from the point of view of the issue of the personal activities of its members. This aspect of the topic has not received significant coverage in historiography. The chronological framework of the study covers the period from 1734 to 1741, when the main development cycles of this institution were carried out. The material of the research is the clerical documentation of a state body, which made it possible to reveal the following facts of the independent work of ministers: their special orders and opinions, reports to the empress and announcements of the highest orders, as well as the signing of imperial decrees. The author made conclusions about the nature of the personal influence on the activity characteristics and forms of functioning of the institution of higher authority.

Ключевые слова: высший орган власти; Кабинет министров; министр; делопроизводство; приказ; мнение; доклад; Остерман; Черкасский; Волынский; М.Г.Головкин.

Key words: institution of higher authority; Imperial Cabinet of Ministers; minister; clerical documentation; order; opinion; report; Osterman; Cherkassky; Volynsky; M.G.Golovkin.

E-mail: historian2005ad@yandex.ru

Постановка проблемы

А.П.Волынский на заседании Кабинета министров. Якоби В.И. 1875

Рассмотрение вопроса о составе Кабинета министров – высшего органа власти в 1731–1741 гг., – как правило, ограничивается в историографии перечислением фамилий его членов. Собственная их деятельность, их личное влияние на развитие учреждения зачастую не попадает в поле зрения историков, хотя кабинетское делопроизводство, в котором должна была отразиться управленческая активность каждого из министров, опубликовано в начале XX в. С указанного ракурса проблема состава Кабинета по делопроизводству была отчасти затронута лишь в нескольких трудах [4, с. 221–223; 12, с. 558–560, 563–567; 11, ч. 1, с. 90, 128–129, ч. 2, с. 23, 26, 47–49, 55, 60–62, 65; 9, с. 73–74, 94–96, 100, 109, 112–114, 121; 6, с. 35, 64, 70, 71, 76, 82–83]. Это можно объяснить объективными препятствиями. Журналы заседаний немногословны, их содержание с годами становилось более кратким. Особые приказы и мнения членов фиксировались нерегулярно. Резолюции на входящие бумаги и подписи под исходящими документами зачастую были совместными. Тем не менее при изучении совокупности кабинетского делопроизводства

с учетом динамики его содержания можно обнаружить значительный материал по указанному аспекту темы.

Цель этой статьи – выявить в документации Кабинета факты самостоятельной деятельности основных персоналий и показать их личностное влияние на функционирование высшего органа власти в 1734–1741 гг.¹, на которые приходится основные моменты роста этого учреждения. С точки зрения изменения содержания его делопроизводства обозначенный период включает два этапа: 1734–1739 и 1740–1741 гг., которые будут рассмотрены последовательно.

Кабинетские журналы с 1734 г. не регистрировали присутствующих и их повседневную работу, отмечая только распоряжения высшего органа, а с 1738 г. – в некоторых случаях также мнения его членов. Для раскрытия специфики их активности в 1734–1739 гг. попытаемся установить в кабинетском делопроизводстве такие моменты, когда министры самостоятельно утверждали указы, отдавали приказы, подавали мнения, объявляли высочайшие указы и резолюции, – все это фиксировалось в журналах. Некоторые данные на этот счет можно получить путем анализа реестров его входящих бумаг. Квалифицируя способы управленческой активности министров как «приказ» или «мнение» исходим из определений, имеющих в источнике.

При определении направлений и особенностей деятельности каждого из министров, тематика приказов или мнений не может считаться показателями их компетентности в делах определенного рода. Члены высшего органа, уполномоченного подменять императрицу в управлении, могли обратиться к любой административной области. Многое зависело от повестки дня. Более важно, каким аспектам темы они уделяли внимание, как часто они занимались делами того или иного типа, насколько самостоятельными были их персональные шаги в рассмотрении вопросов, насколько окончательными становились предложенные ими варианты решения. Автор попытается выявить значимые моменты, относящиеся к этим важным признакам их кабинетской деятельности.

¹ *Участие министров в работе Кабинета, когда он формировался как высший государственный орган, а его журналы отражали также информацию о присутствующих «персонах» и их занятиях на заседаниях (1731–1733 гг.), автор рассматривает в другой работе (Фаизов А. В. Состав Кабинета министров в 1731–1733 годах: персональная деятельность членов (в печати)).*

Активность министров в 1734–1739 гг.

Приказы

В документации высшего органа за 1734–1739 гг. отразились данные о кабинетской работе трех персоналий: А. И. Остермана (министр в 1731–1741 гг.), А. М. Черкасского (в тот же период) и А. П. Волынского (апрель 1738 – апрель 1740 гг.). Сведения по министру П. И. Ягужинскому (апрель 1735 – апрель 1736 гг.) оказались ограниченными [2, т. 4, с. 260, 326].

Самостоятельные приказы отдельных министров, которые они отдавали, оказываясь в «присутствии» в одиночестве, можно разделить на две группы: (1) вспомогательные распоряжения о способах рассмотрения дела; (2) предписания, включавшие более или менее окончательное решение дел разной тематики².

Переходя к *обзору предписаний Остермана*, отметим, что его совместные с Черкасским приказы в периоды, когда они вдвоем составляли «присутствие» (в течение января 1734 – апреля 1735 г., апреля 1736 г. – апреля 1738 г., апреля 1740 г. – августа 1740 г.), не считаем возможным причислять к распоряжениям вице-канцлера, который отличался осторожным политическим поведением и вряд ли мог полностью подавлять административную активность коллеги.

Вице-канцлер нередко (1.1) запрашивал дополнительные материалы у Сената и его московской

А. И. Остерман. Неизвестный художник.
Первая половина XVIII в.

²Для акцентирования логической градации отдельных звеньев работы используются следующие структурные маркеры (нумерации и курсивные пометы): 1) многоуровневые нумерованные списки фиксируют иерархию предложенных категорий, подкатегорий и подподкатегорий приказов и мнений кабинет-министров (1; 1.1; 1.1.1 и т. п.); 2) жирным курсивом выделены моменты начала характеристик определенных видов деятельности по каждому из министров; 3) курсивом отмечены более частные подвиды активности членов Кабинета.

конторы, Военной и Коммерц-коллегии; у ряда канцелярий: Монетной, Полицмейстерской, Конфискации, Артиллерийской, «от строения», Оружейной, Петербургской гарнизонной, походной генерала А. И. Ушакова; из контор: Фортификационной и Провиантской, также из «Внутренней таможи» и Конторы партикулярной верфи Петербурга [2, т. 6, с. 465, 617, т. 8, с. 64, 79, 172–173, 481–482, т. 10, с. 93, 101, 155, 160, 199, 232–234, 405, 595]. Ввиду получения различных сведений он предписывал определенным сановникам явиться к нему на двор. Или требовал от специалистов их мнения по специфичным делам или поданным проектам; а также приказывал канцелярии Кабинета представить входящие документы за определенное время [2, т. 6, с. 505, т. 9, с. 140, 214, т. 10, с. 406]. Приказы Остермана о представлении в Кабинет справок и ведомостей в 1734–1739 гг. отразились в 35-ти журналах. По тематике эти распоряжения включали вопросы, касающиеся армии, финансов, полицейского ведомства, Канцелярии от строений и некоторых других областей.

В документации за 1734–1739 гг. можно обнаружить лишь несколько примеров *(1.2) приказов Остермана по пересылке дел* на рассмотрение и решение в другие госорганы: обер-прокурору Сената Ф. И. Соимонову и в Комиссию о флоте (июнь–июль 1738 г.) [2, т. 7, с. 506–507, т. 8, с. 79]. Кроме того, предложения подобных приказов отмечены в четырех его мнениях от мая, августа и сентября 1739 г. [2, т. 9, с. 454, т. 10, с. 157, 207].

Рассмотрим окончательные *(2) предписания Остермана по тематическим направлениям*. Весомая их доля приходится на приказы *(2.1) военного характера*, что было обусловлено русско-турецкой войной. В его предписаниях на этот счет затрагивались такие вопросы, как снабжение армии (рекрутами и лошадьми, провиантом, фуражом, сукном, мундиром и амуницией), передвижение пехотных полков, артиллерии или флота, ремонт крепостей, укомплектование гарнизонов, охрана форпостов, прием на службу иностранных офицеров, борьба против разбойников из беглых рекрут, празднования побед и заключения мира [2, т. 3, с. 154–155, 269–270, т. 6, с. 53, 303–304, 590–591, т. 8, с. 213–214, 255, т. 9, с. 548, 574, т. 10, с. 8, 160, 208, 234, 494, т. 11, с. 17–18]. Часть его предписаний охватывала *(2.2) вопросы полицейского ведомства и хозяйственно-бытовой жизни столицы*: меры против пожаров, составление генерального плана Петербурга, контроль над количеством «колодников» и освобождение арестантов на поруки, об обязанностях подрядчиков и мастеровых, выделение квартир для чиновников [2, т. 5, с. 384, т. 6, с. 465, т. 7, с. 279–280, т. 8, с. 93, 501]. *(2.3) Тема защиты интересов казны* в распоряжениях Остермана проявилась в предписаниях о взыскании или временной при-

остановке возмещения недоимок и штрафов, по ревизии деятельности бывших воевод до нового назначения, по делам о похищении «интереса» [2, т. 6, с. 575–576, т. 8, с. 79, 172–173, 255]. (2.4) Деятельность *Остермана по руководству внешней политикой России* осуществлялась через Коллегию иностранных дел и мало отражалась в документации Кабинета, но, в отличие от предписаний коллег, *распоряжения вице-канцлера на этот счет* отложились и в кабинетской документации [2, т. 7, с. 307–308, т. 10, с. 132, 134].

Распоряжения министра Остермана воплотились не только в его личных приказах. В 1735–1738 гг. *он в одиночку утверждал также указы от имени императрицы*, причем такое случалось даже до издания закона о трех подписях от 9 июня 1735 г. (например, в марте 1734 г.). Подписанные им высочайшие постановления, обычно по военной тематике, не имели высокой степени важности, носили информационный, подтверждающий характер, содержали незначительные поручения [2, т. 3, с. 98–99, т. 7, с. 39–40, 273–274, т. 8, с. 132–133, 133–134]. Примечательно, что осторожный вице-канцлер временами позволял себе подобные «апробации». Так, в январе 1735 г. Остерман подписал именной указ находящимся в Польше и Литве русским генералам и старшим офицерам: оказывать содействие капитану Туркелю, отправленному императрицей в Польшу «для наших нужнейших дел» [2, т. 4, с. 30]. Однажды Остерман наложил резолюцию на адресованном императрице прошении (март 1738 г.) [2, т. 7, с. 275–278].

Распоряжения министра Черкасского редко предполагали решение серьезного дела, скорее это были предписания, сопутствующие именованным указам и ранее принятым постановлениям министров, утверждения заготовленных прежде бумаг или приказания по не слишком важным вопросам [2, т. 3, с. 486, т. 5, с. 396–397, т. 9, с. 140, т. 10, с. 461]. Так, в октябре 1735 г. он приказал «дать в препитание» 100 р. тверскому архиерею Феофилакту, что

А.М.Черкасский. Аргунов И.П. 1760-е гг.

Синод и исполнил [2, т.4, с.408–409]. Его приказы чаще стали появляться в 1739 г., когда, опираясь на придворный и деловой союз с Волынским, он чувствовал себя более независимым по отношению к Остерману.

(1.1.) Приказов князя о доставлении в Кабинет ведомостей известно немного, один или два по следующим направлениям: торгово-промышленные дела, церковное ведомство, финансы, армия, государственные учреждения. Запросные распоряжения Черкасского за 1734–1739 г., отмеченные в 10-ти журналах Кабинета (совместные приказы Черкасского и Волынского здесь не учитываем), были адресованы: тайному советнику В.Н.Татищеву, обер-егермейстеру Волынскому, эконому Новгородского архиерея, священнику домового церкви Д.М.Голицына, Сенату, кабинетским служителям, Полицмейстерской канцелярии и Синоду [2, т.9, с.125, 260, 398, т.10, с.16, 212, 365, 394, 612, 629–630].

Черкасский мог принимать *(1.2) решения о форме указов, отправляемых исполнителям* [2, т.9, с.236]. Приказы Черкасского могли предполагать *(1.3) пересылку дел в Сенат* для решения «по указам» [2, т.6, с.77], при этом один раз он предложил выработать новую законодательную норму [2, т.10, с.603].

Волынский стал министром в апреле 1738 г., и сразу *стал отдавать самостоятельные приказы*, поскольку первые 10 месяцев он находился

Предположительно портрет А.П.Волынского.
Г.Хойзер. Между 1743 и 1748 гг.

в «присутствии» в одиночестве (Остерман работал на дому, Черкасский отсутствовал по болезни с апреля 1738 г. по январь 1739 г. [8, с.191; 2, т.9, с.45]). Далее имели место как его единоличные распоряжения, так и приказы, совместные с Черкасским; последние, принимая во внимание разницу их способностей, характеров и амбиций, учитываем как распоряжения Артемия Петровича.

Небольшая часть приказов Волынского *(1.1) ограничивалась шаблонными формулами*: поступать «по инструкции», «по указам», «по доношению», «по прежней учиненной резолюции»

(например, 13 августа 1739 г. – в вопросе о взыскании с секунд-майора В. Ушакова «недоплатных доимочных денег, 600 р.» [2, т. 10, с. 100; см. также: 2, т. 11, с. 34]).

Волынский проявил высокую активность в плане *(1.2) предписаний о доставлении в Кабинет сведений*. В документации за апрель 1738–1739 гг. его приказы о справках и ведомостях отразились в 33-х журналах. Они относились к делам о государственных учреждениях и их служащих, о финансах, о торговле и промышленности, об армии и флоте, об отдельных следствиях, по конкретным челобитным. Они направлялись в следующие структуры: Сенат, Синод, Коммерц-, Военную и Адмиралтейскую коллегии, канцелярии всех гвардейских полков, Артиллерийскую и От строений, Фортификационную контро-ру, генерал-майору П. В. Измайлову, Александро-Невский монастырь; в комиссии: Счетную, Подложную о городской канцелярии и «О домках»; в Кадетский корпус, кабинетскую канцелярию, Генерал-берг-директориум, гвардейцам-следователям [2, т. 7, с. 462, 479, 504, 505, 510, т. 8, с. 94, 216, 370–371, т. 9, с. 511, 516, 576, т. 10, с. 50–51, 99–100, 209, 247, 250, 392, 465–466, 475, 476, 483, 552].

(1.3) Некоторые дела Волынский *пересылал на рассмотрение и решение других госорганов* (в Коммерц-коллегию, Сенат, Тайную канцелярию, обер-гофмаршалу Р. Г. Левенвольде) [2, т. 7, с. 462, т. 10, с. 100, 248, 543]. К примеру, в сентябре 1738 г. он направил в Сенат донос на Нижегородского прокурора, а в ноябре 1739 г. отправил в Тайную канцелярию пакет с надписью «В Кабинет Е. И. В. о важном деле» [2, т. 8, с. 216, т. 10, с. 466–467].

Перейдем к *(2) тематическим подгруппам конкретных распоряжений Волынского*. Д. А. Корсаков полагал, что Артемий Петрович, начав с изменения «характера Кабинета», стремился со временем перейти «к целой программе государственных преобразований» в духе его «Генерального проекта» [4, с. 222, 223]. Так это или нет – вопрос открытый, но *(2.1) формы функционирования Кабинета* привлекали его внимание. По его приказу составлялись дополнительные реестры определенных дел. Он приказывал канцелярии подготавливать экстракты из дел, о которых секретарь докладывал министрам. Часть его приказов затрагивала права и обязанности кабинет-курьеров [2, т. 8, с. 198, т. 9, с. 391, 532–533, т. 10, с. 142, 252].

Некоторые распоряжения Волынского, который хотел бы, чтобы в России были свои «природные министры» и специалисты, можно ква-

лифицировать как **(2.2)** *проявление его реформаторских замыслов*. Так, 13 августа 1739 г. он предписал Кадетскому корпусу:

1) отобрать 30 юношей из русской знати для командирования к российским посланникам при иностранных дворах, а также для назначения на штатскую службу в коллегии;

2) выбрать также 30 юношей из незнатного «российскаго шляхетства», «представить» в Кабинет для отправления к архитектору П.М.Еропкину для обучения «науке архитектуры» [2, т. 10, с.99]. А.Н.Филиппов писал, что эти приказы «вполне достойны имени Волынского, как великаго патриота» [12, с.563–564].

Министр Волынский, сохранивший должность обер-егермейстера, отдавал также предписания, **(2.3)** *связанные с царской охотой и т. п. делами*: организовывал выгрузку и размещение ауроксов, подаренных императрице прусским королем, руководил разбивкой шелковых садов в Астрахани и «при мачетной или донской крепостях», делал доклады другим министрам о «довольствии» людей и животных, занятых в сфере императорских охот [2, т. 9, с. 342, т. 10, с. 50, 52–53, 79–82, 155].

Отдельные приказы Волынского затрагивали **(2.4)** *тему армии и флота*: заготовка провианта в остзейские гарнизоны, отправление во флот рекрутов из архангелогородской губернии, реализация монаршего повеления о повышении гвардейского офицера, изъятие у монастырей Новгородской епархии излишков хлеба (на военные нужды), меры по управлению яйцкими казаками, размещение полков на винтер-квартиры [2, т. 8, с. 216, т. 10, с. 247–248, 251–252, 263]. Несколько приказов Волынского касались военных следствий. Они либо определяли порядок проведения или корректировали их ход (по поводу ссор ревельского губернатора Г.О.Дугласа и генерала Х.Г.Манштейна [2, т. 10, с. 247–248]), либо ограничивались предписанием аппарату направить дело «его сиятельству графу Андрею Ивановичу» (например, запрос гвардии капитана Гурьева, проводившего в Астрахани следствие по доносу бывшего поручика Милашевича [2, т. 11, с. 23]).

Группа предписаний Волынского касалась **(2.5)** *вопросов, относящихся к повседневной работе ряда госучреждений* (Канторы партикулярной верфи, Полицмейстерской, строительной канцелярий, отчасти Сената и некоторых других): о выдаче билетов для бесплатного переезда через мост для служителей Кабинета и егерей; о временном запрете на применение пыток в «малых делах» (сентябрь 1738 г.); разрешение продавать «гонт», который Остерман продавать запретил; о выделении квартир лицам, исполнявшим определенные поручения, а также – «квар-

тир и мест» людям, чьи дома подлежали сносу (ноябрь 1738 г.); об освобождении из-под караула купцов, проходящих по определенному делу; о справедливом размещении постоя на дворах «обывателей» (декабрь 1739 г.); о подборе нового руководителя для строительства Невского монастыря; о выделении мест для дворцовых хозяйственных помещений; о запрещении на строительство новых церквей без позволения Кабинета (август 1739 г.); о выделении Канцелярии от строений «на нужные исправления» 3000 р. и др. [2, т. 7, с. 479, т. 8, с. 77, 216, 308, 382, т. 9, с. 450, 532, т. 10, с. 50, 99, 132, 232, 465, 467, 583].

К приказам Волынского, касавшимся (2.6) *актов взаимодействия Кабинета и Сената*, можно причислить утверждение или корректировку формуляров сенатских указов, «апробацию» форм ведомостей для материалов по окладной книге, конституирование устоявшегося порядка переписки Кабинета с высшими и центральными органами [2, т. 7, с. 485–486, т. 8, с. 92, т. 9, с. 563, т. 10, с. 364–365].

Мнения

Фиксация особенных суждений министров не была прописана в законодательстве, но, как деятели высшего органа, они могли письменно не соглашаться с коллегами, что юридически допускалось для членов Сената и коллегий [7, т. 6, № 3534, т. 7, № 4847]. Для появления в кабинетском делопроизводстве особых мнений членов потребовались определенные придворно-политические предпосылки. Главным фактором стало назначение в Кабинет Волынского, ставшего самым мощным оппонентом Остермана за весь период его кабинетской деятельности. К тому же в эти годы вице-канцлер переходит к работе на дому. Такая ситуация, при учете его работоспособности и стремлении сохранить контроль над управлением, привела не только к обширной переписке, но и к регистрации его суждений по делам. Некоторое время спустя начинают записываться и мнения других министров.

Совокупность «разсуждений» каждого из министров за период 1738–1739 г. можно подразделить на две категории: (1) мнения по входящим в Кабинет бумагам (включая (1.1) суждения о способах и принципах решения и (1.2) проекты резолюций по делам разной тематики); (2) реакция на предложения коллег.

Проанализируем особые мнения министров, начиная с «разсуждений» вице-канцлера, первое из которых можно отметить в июне 1738 г. (по проектам указов «о рекрутах» и «о поставке лошадей» для армии [2,

т. 7, с. 510–511]). По мере роста влияния Волынского количество и объем «разсуждений» Остермана увеличивались: по второй половине 1738 г. они отмечены в 5-ти журналах Кабинета, в первой половине 1739 г. – в 12-ти журналах, а во второй половине 1739 г. – в 32-х журналах. Его мнения на входящую документацию количественно преобладали по сравнению с мнениями на предложения коллег: первых было 186, а вторых – 34 [2, т. 7, 8, 9, 10].

Дела определенного рода Остерман *(1.1.1)* рекомендовал *доклады-вать императрице*: выделение «мест» под строительство для цесаревны Елизаветы, проведение ремонта императорских дворцов, назначение и повышение гвардейских офицеров, принятие на службу бывшего генерал-адъютанта Голштинского герцога М. Макшеева, решения о чрезвычайных расходах, прощение задолженности перед казной, «награждение» вдовам крупных чиновников и военных, возвращение «закладных деревень» или распоряжение конфискованными имениями, ведомости, запрошенные императрицей, или исполнение интересов ее указов [2, т. 8, с. 17, т. 9, с. 447–448, 470, 573, т. 10, с. 64–65, 88–89, 202, 207, 208, 474].

Случалось, что Остерман прежде рассмотрения дела или принятия решения о его пересылке в другой орган *(1.1.2)* говорил о необходимости получить ведомости [2, т. 10, с. 141, 158, 474] или мнения госструктур [2, т. 10, с. 127, 157]. Например, 31 июля 1739 г. «по сообщению из Сената о пропуске для продажи за Каспийское море резанных от сырых коневых кож савров» Остерман отметил, что «требуется на то мнение от Коммерц-коллегии» [2, т. 10, с. 65].

В «разсуждениях» Остермана заметно *(1.1.3)* стремление *глубже вникнуть в разбираемые вопросы и изучить нормативную базу*. Если в прошении, принятом в Кабинет, упоминались указы, штаты или жалованные грамоты, он говорил о необходимости рассмотреть эти документы [2, т. 9, с. 470, т. 10, с. 127, 128]. В других случаях требовал, чтобы канцелярия составила подборку из прежних указов или выписала «экстракт» для доклада [2, т. 10, с. 157].

По делам, имеющим законодательные прецеденты, Остерман, бывало, *(1.1.4)* использовал *шаблонные формулировки*: «поступать по указам», «учинить по доношению» или «по мнению» Сената или др. госорганов. И в их числе были вопросы: «о выдаче Выборгскому препозиту и пасторам жалованья», «о конфирмовании аптекаря Меркеля привиллегии», о размещении пленных турок в каменных казармах [2, т. 10, с. 65, 207, 208].

Мнения Остермана *нередко включали полные рекомендации для исполнителей*, что заметно, например, в его суждениях от августа 1739 г.: по поводу предложения Новгородской губернской канцелярии передать казенные пожни архиерейскому дому и монастырям за 10 тыс. р.; о рабочей силе для работ по заготовлению угля в Туле и Калуге; о поимке лифляндских крестьян, бежавших в Псковскую провинцию [2, т. 10, с. 87–88, 102–103, 141].

Большинство «разсуждений» Остермана имели ситуационный характер, *но некоторые из них содержали предложения новых правовых норм или административных практик* (о начале рекрутских наборов среди «раскольщиков» с целью предотвращения бегства к ним от рекрутчины и последующего их обращения (ноябрь 1738 г.); о возвращении «с добрым и порядочным основанием» к казенной монополии на продажу табака (июль 1739 г.); о дополнении вексельного устава (август 1739 г.); о доработке в Сенате проекта устава о банкротах (август 1739 г.) [2, т. 8, с. 442, т. 10, с. 65–66, 84–85, 127–128; 3, с. 19–21]).

(1.2) По тематическому составу мнения Остермана можно представить в следующем виде. Большое внимание вице-канцлера привлекали *(1.2.1) финансы*. В частности, при решении вопросов *об источниках финансирования определенных мероприятий*, он требовал представления ведомостей о суммах поступлений от отдельных налогов с расписанием, на что они расходуются [2, т. 9, с. 454].

Типичными были для него *стремление к экономии казенных средств* и забота о государственном имуществе, что проявилось в суждениях: об ограничении ремонтных работ, об умеренности при государственных закупках и при организации фейерверков, о бережном использовании оружия и отправлении неисправных ружей для ремонта на Сестрорецкие заводы, об использовании годной амуниции после достижения формальных сроков эксплуатации [2, т. 9, с. 427, 574, 653, т. 10, с. 85, 86].

Сдержанно он относился к любым вариантам *дополнительного финансирования госорганов*, запрашивая отчеты о расходовании штатных сумм и ведомости о том, на что именно требуются добавочные средства, а если и соглашался, то на суммы значительно меньшего объема [2, т. 9, с. 427, т. 10, с. 84, 139]. Например, 8 июля 1738 г. на требования Артиллерийской канцелярии выделить ей «заимообразно на исправление денег 20000 р.», он замечал, что не ясно, «куда они свои доходы девают, також и полученных из других мест деньги употребили» [2, т. 8, с. 34].

В то же время Остерман предлагал меры *по пополнению казны и против возможного сокращения ее доходов*. Например, до распродажи сибирских товаров считал необходимым «тайно уведомиться» о рыночных ценах; не поддерживал прошения о выплате ясака деньгами вместо пушнины (август 1739 г.); требовал выяснить причины разной оценки сибирских товаров в Москве и в Петербурге; заметил «великий казенный убыток» из-за продажи отписных имений по заниженной стоимости (сентябрь 1739 г.) [2, т. 10, с. 88, 128, 158, 207].

Вице-канцлер, *как правило, настаивал на полных выплатах налогов и недоимок* [2, т. 9, с. 573, т. 10, с. 86], хотя и допускал отмену дублирующихся сборов [2, т. 9, с. 391], а также применение рассрочек под надежное поручительство [2, т. 9, с. 427–428].

Одно из первых мест во мнениях Остермана, как и в его приказах, занимала **(1.2.2) тема армии**. Он постоянно высказывался о необходимости *срочного обеспечения армии («деньгами», рекрутами, лошадьми, артиллерией, ружьями, порохом, бомбами и гранатами, мундирами и амуницией, а также провиантом)* [2, т. 9, с. 574, т. 10, с. 62–63, 86–87, 88, 158, 207, 208, 269]. При этом он требовал предоставлять выверенную отчетность, в том числе о направлениях перемещений и местах размещения полков [2, т. 10, с. 201, 358–359]. Касался он и вопросов об очередности пополнения рекрутами армии и гарнизонов [2, т. 9, с. 574].

(1.2.3) Координируя деятельность госорганов, Остерман настаивал на возвращении учреждениями долгов друг другу, требовал взаимодействия центральных структур и местных властей по конкретным вопросам; призывал отчитаться в случае неисполнения указов [2, т. 9, с. 390–391, т. 10, с. 85–86, 128, 158, 201].

Мнения Остермана, касавшиеся **(1.2.4) управления кабинетским аппаратом**, ограничивались суждениями по прошениям его служителей, обращения штатных служащих он нередко поддерживал [2, т. 9, с. 390, т. 10, с. 128].

Высказываясь **(1.2.5) о принципах управления и налогообложения остзейских земель**, он с некоторыми оговорками был не против норм и практик, действовавших при «шведском владении» [2, т. 10, с. 63–64, 88, 201].

Среди мнений вице-канцлера можно встретить замечания **(1.2.6) по крупным следственным делам**: по работе дворцовой следственной комиссии (август 1739 г.), по «убивственному делу» Воронина (сентябрь 1739 г.), о Шагаровых (август, октябрь 1739 г.), о московском Вознесен-

ском девичьем монастыре (октябрь 1739 г.) [2, т. 10, с. 201–202, 212, 359, 366].

Имели место «разсуждения», в которых Остерман, как сторонник теории полицейского государства, сознательно обращался к *(1.2.7) частным, незначительным вопросам* (например, о разрешении на постриг для конкретного священника после «прилежного искушения» или о наказании «гранодера», виноватого в краже и побеге) [2, т. 9, с. 574, т. 10, с. 208].

(2) *Мнения Остермана на «разсуждения» его коллег* в 1738–1739 гг., имели следующие особенности.

А. Вице-канцлер *обычно не поддерживал предложения о прощении недоимок и штрафов*, но был не против проверить корректность сборов, соглашался на снятие незаконных взысканий [2, т. 8, с. 182, т. 10, с. 106–107]. В тех редких случаях, когда он был согласен простить казенный долг, всегда проговаривал необходимость санкции императрицы [2, т. 8, с. 494, т. 10, с. 106]. Так, в августе 1739 г. на мнение Волынского о прощении штрафа «бахмутским соляным компанейщикам» («за употребление, вместо гербовой, простой бумаги») Остерман отметил, что если указы не требовали использовать гербовую бумагу, «то и в штраф вменять того не надобно»; однако на «компанейщиках» числится другая недоимка и «сие дело» надо сообщить в Соляную контору [2, т. 10, с. 107].

Б. *Критикуя мнения других министров, он, как правило, высказывал собственные предложения* [2, т. 10, с. 106, 139, 318–319, 431, 606]. Например, по прошению солдата Семеновского полка Ф. Мякинина о выдаче ему жалованья, заслуженного его дядей, умершим воронежским губернатором Мякининым, Волынский и Черкасский в декабре 1739 г. «изволили разсудить», что Сенату следует поступать по указам о выдаче жалованья наследникам. Остерман «объявил», что «прежде выдачи того жалованья наследникам», надо проверить не замешан ли бывший губернатор Мякинин в «каких непорядках» по делу об убийстве дворянина Воронина [2, т. 10, с. 654].

Корректировки Остермана не оставались без внимания и зачастую дополняли итоговую резолюцию. В журналах зафиксированы ситуации, когда, узнав о замечаниях Остермана, коллеги пересматривали свое решение (например, в октябре 1739 г. по вопросу о поручении следствия «о сибирских иноверцах и о непорядках Иркутскаго вице-губернатора Бибикова» коменданту И. Д. Бухгольцу, о котором Остерман «слышал», что «оный... весьма болен») [2, т. 10, с. 364; см. также: 2, т. 8, с. 182].

В. Хотя мнения вице-канцлера нередко детерминировали содержание принятых решений, часть дел до него теперь не доходила, что он акцентировал в своих посланиях [2, т. 8, с. 494, т. 10, с. 88, 128, 158, 208]. Причинами таких казусов были не столько недоработки аппарата, сколько интриги его соперника – министра Волынского, которому было нелегко спорить с многоопытным коллегой, и он пользовался положением докладчика перед императрицей, чтобы часть вопросов решать по своему усмотрению.

Г. Отсюда такие обращения, в которых Остерман «приказывал донести» *министрам, чтобы обсудили дело с ним, прежде чем докладывать государыне* [см. напр.: 2, т. 9, с. 139, т. 10, с. 474–475]. Часть материалов попадала к нему после проставления высочайшей резолюции, и ему оставалось негодовать, что, если бы его оповестили ранее, он мог бы представить мнение [2, т. 10, с. 414]. Впрочем, *призывы Остермана к другим министрам совместно рассмотреть дела не всегда бывали безуспешными*. Например, 29 ноября 1739 г. он «припомнил» Волынскому и Черкасскому о необходимости вместе обсудить вопросы о закрытии вакансий губернских чиновников и «об отдаче» на откуп питейных дворов, и уже 1 декабря они навестили его «для общего о том разсуждения» [2, т. 10, с. 557, 561–562].

Д. В «разсуждениях» о кандидатурах на замещение должностей вице-канцлер, как правило, не высказывался в пользу конкретных «персон»: либо говорил о необходимости узнать мнения других сановников, либо заявлял о недостатках кандидатов, рекомендуя подобрать других, либо отмечал, что он этих людей не знает и полагается на решение Волынского и Черкасского [2, т. 8, с. 494, т. 9, с. 454–455, т. 10, с. 2, 299, 364, 547].

Е. Случалось, что Остерман категорически не соглашался с коллегами [2, т. 8, с. 182, т. 10, с. 106–107], а однажды даже заявил, что если они «изволят... на... своим разсуждении утвердиться», дело следует представить императрице (декабрь 1739 г.) [2, т. 10, с. 653].

Ж. Иногда он, не прекословя, поддерживал предложения других министров, но это были дела второстепенные [2, т. 8, с. 494, т. 10, с. 158, 465, 654]. Например, в октябре 1739 г. он согласился с содержанием поправок, которые были сделаны Волынским и Черкасским в «формуляры публичных указов» [2, т. 10, с. 364–365].

По «разсуждениям» Остермана можно отметить принципиальные для него моменты, когда он либо подчеркивал срочность определенных вопросов, либо настаивал на каком-то варианте решения: например,

в суждениях о необходимости составления новых штатов госорганов и завершения государственной окладной книги; о закрытии вакансий губернаторов, воевод и судей; о назначении при китайском караване дипломатического агента; о выработке «генерального определения» о порядке награждения грузинских князей на русской службе [2, т. 9, с. 125, 366, 448, 574, т. 10, с. 18, 128, 157–158, 201, 212, 226–227, 358, 557].

После назначения Волынского в Кабинет в делопроизводстве стали появляться *совместные мнения Черкасского и нового министра*, которые относим к «разсуждениям» последнего. Деловитый, амбициозный и самолюбивый обер-егермейстер вряд ли мог разделять мнения, отличные от его собственных, тогда как апатичный и малодеятельный Черкасский был вынужден солидаризироваться с влиятельным коллегой. Как уже отмечалось, Черкасский и Волынский в это время нередко отдавали совместные приказы; бывало, они делали и совместные доклады императрице [2, т. 10, с. 594].

Более того, чувствуя опору в Волынском, вместе с которым позволял себе не соглашаться с Остерманом, не очень инициативный князь *Черкасский* в 1739 г. *иногда выражал собственные*, если не особые, то отдельные «разсуждения» [2, т. 10, с. 137–139, 408, 430]. Его суждения в большинстве своем не отличались оригинальностью: он или соглашался с мнением нижестоящего учреждения, или полагал, что дело должен решить Сенат «по указам», или отмечал необходимость собрать по делу справки.

Более самостоятельные мнения у крупнейшего землевладельца получались *по делам, затрагивавшим интересы помещиков*. Так, в июне 1739 г. он заявил, что надо доложить императрице о необходимости корректировки ее указа от сентября 1738 г., так как им несправедливо «повелено» ремонтировать Нарвскую дорогу за счет феодалов, «через чьи земли проложена». «Оные помещики... будут отягощены, а прочие, с которых работники возьмутся, заплату получат и первым от них наималейшаго вспоможения быть не имеет, того ради потребно таких работников со всей Ингерманландской губернии и с Ямбургскаго уезда, со всех сряду, не обходя никого,... собрать и оными упомянутую дорогу чинить, дабы все равно такой труд понесли» [2, т. 9, с. 577–578].

Особые мнения Волынского появились не сразу после его назначения в Кабинет, поначалу он осваивался на новом месте. В кабинетской документации за вторую половину 1738 г. отразились лишь два его «разсуждения» (от декабря 1738 г. [2, т. 8, с. 494–495]), в которых он высказывал осторожные предложения. И только во второй полови-

не 1739 г. его записанные суждения стали многочисленными и более независимыми. Как отмечалось выше, зачастую они являлись формально совместными с Черкасским, который тем самым мог угодить оказавшемуся в фаворе обер-егермейстеру (единоличные мнения Волинского отразились в 4-х журналах, а мнения, объявленные вместе с коллегой, – в 13-ти).

Переходя к обзору мнений Волинского (и Черкасского), которые количественно уступали мнениям вице-канцлера, отметим, что часть дел они считали необходимым *(1.1.1) докладывать императрице*: об избавлении осужденных от смертной казни, об отправлении эмиссаров для следственных действий, о валюте, используемой в остзейских землях для податей, о дополнительном финансировании для госорганов, о возвращении конфискованных имений и способах взыскания задолженности перед казной, о долговых отношениях иностранных купцов, о возможности для «иноземцев ненатурализованных» покупать имения «в великороссийских и малороссийских городах», о постройке церквей неправославных конфессий [2, т.9, с.547, т.10, с.62–64, 128–129, 131, 137, 139], и когда два министра стремились отстоять свое мнение в споре с Остерманом (об этом ниже).

Некоторые мнения Волинского и Черкасского *(1.1.2) отмечали потребность в дополнительных справках*. В июле 1739 г. по поводу прошений из Эзельской провинции о передаче пасторам земель «из публичных жилых гаков», на которое Остерман заявил, что отдавать им земли «непристойно», но можно «учинить» вспоможение по образцу Лифляндии; два других министра решили выяснить, какое вспоможение там практикуется [2, т.10, с.64].

Случалось, что в своих «разсуждениях» Волинский и Черкасский *(1.1.3) предлагали переслать дело на рассмотрение Сената, Военной коллегии или Синода* [2, т.10, с.106, 129–130, 134, 136]. Так, в августе 1739 г. были отправлены в Сенат доношение откупщика московских мостов С.Букова о приписанной ему недоимке и «явном по тому делу воровстве» и «упущении» чиновников московской губернской канцелярии [2, т.10, с.94].

А.Н.Филиппов писал, что, по сравнению с Остерманом, администратор Волинский «смотрел на многое глубже, человечнее и не столь формально» [12, с.564–565]. Действительно, в его мнениях *(1.2.1) по финансовым вопросам* нередко проявлялось сочувствие к несчастным просителям [2, т.8, с.495, т.10, с.131, 403–404]. Так, в августе 1738 г. он поддержал прошение петербургских ямщиков «о невзятье с них, для их

скудости и частой на почте гоньбы, в нынешний новый набор рекрут и лошадей», но после возражений Остермана им отказал. В июле 1739 г. «для объявленных невозможностей» Волынский полагал отменить с просителей штрафы за «непоставку» лошадей, а собранные учеть в «подушный оклад» (Остерман был против) [2, т. 8, с. 182, т. 10, с. 106–107]. Такая гуманность не соответствовала характеру Артемия Петровича – человека эгоистичного и жестокого. Видимо, здесь проявилось стремление министра сформировать благожелательную репутацию в дворянском обществе, а возможно, причины имели коррупционный характер. И в этих поступках он не был последователен: в ряде случаев отказывался рассматривать челобитные, требуя соблюдать законный порядок обращения с прошениями по инстанциям или ссылаясь на состоявшиеся резолюции [2, т. 8, с. 14, 216, 255].

«Разсуждения» Волынского и Черкасского затрагивали вопросы управления *(1.2.2) армией и флотом* (например, об изготовлении в Москве мундиров на Вятский и Невский полки, об увеличении срока добровольной явки для беглых солдат и рекрут) [2, т. 10, с. 136, 364–365]. В июле 1739 г. Волынский высказался по поводу отправленных из Кронштадта в Выборг корабельных пушек, указав, что выборгским властям платить за них «не надлежит», так как позже они будут возвращены в Адмиралтейство (Остерман заявил о необходимости выяснить пригодность этих пушек для крепости, изготовить для Выборга аналогичные на Сестрорецких заводах, запросить справку из Адмиралтейства для выяснения, флотская это артиллерия или крепостная) [2, т. 10, с. 108–109].

Имели место также мнения Волынского и Черкасского – иногда довольно объемные – *(1.2.3) по торгово-промышленной сфере* (например, в сентябре 1739 г. они высказывались: по доношению сибирского купца О. Мясникова, который изучал новые «художества» в Китае, – предложить назначить его целовальником при «китайском караване» с ежегодным жалованьем в 300 р.; по проекту указа управляющему Тульской оружейной конторой, советнику А. В. Бееру, – указывая необходимость поставок подрядчиками железа разных сортов, а также привлечение дворцовых и государственных крестьян для изготовления угля и «надзирания» за «бережением» лесов, определяя объем образования, достаточный для работных людей разных специальностей и проч.) [2, т. 10, с. 226, 318–319].

По теме *(1.2.4) об управлении госаппаратом* можно привести два совместных мнения Волынского и Черкасского (о кандидатах в советни-

ки Адмиралтейской коллегии (июль 1739 г.), о назначении лейтенанта Н. Желябовского на место прокурора Толбугина (август 1739 г.) [2, т. 10, с. 2, 139].

Во мнениях Волынского и Черкасского можно найти и рекомендации *(1.2.5) по следственным делам*. Так, в августе 1739 г. по доношению следственной комиссии о Вознесенском монастыре они отметили, что необходимо «сыскивать» пропавшую расходную книгу за 1733–34 гг., чиновников, ответственных за ее хранение, «держатъ под караулом», служителям комиссии платить жалованье «по указам», а Коллегии экономики «отослать» в комиссию требуемую опись за 1725 г. В сентябре 1739 г. говорили о следствии по доносу канцеляриста Смирного против комиссара Болкошина [2, т. 10, с. 136–137, 211].

Несколько мнений Волынского и Черкасского касались *(1.2.6) малороссийских дел* (по донесению Военной коллегии об организации коннозаводства на Украине в 13-ти пунктах: отобрать до 3 тыс. «лучших, крупных и статных» лошадей, разобрать их «по шерстям», закупить по одному жеребцу на каждые 10 кобыл, соорудить утепленные сараи для жеребят и проч.; по рапортам майора Шипова о выделении селитры и «денег» на новый пороховой завод в Нежинском полку, о неурожае в Малороссии и временном запрете на винокурение и др. (август 1739 г.)) [2, т. 10, с. 104–105, 137].

Можно заметить, что мнения Волынского (одного и вместе с Черкасским) обычно были более лаконичными, чем суждения Остермана, и часто включали формулировки: «доложить» императрице, отправить на решение другого госоргана, «подтвердить» ранее принятую резолюцию и т. п. Более развернутые предложения редки, они стали появляться с августа–сентября 1739 г., ближе к концу кабинетской деятельности Волынского.

Переходя к *(2) мнениям, в которых отразилась реакция Волынского–Черкасского на «разсуждения» Остермана*, рассмотрим те случаи, когда первые позволяли себе не соглашаться со вторым.

В июле 1739 г. на прошение вдовы Дуровой о выдаче ей невыплаченного жалованья мужа Остерман отметил: хотя подтверждающих ее слова документов не сохранилось, просительнице «из милости Е.И.В.» можно «награждение учинить». Волынский и Черкасский резюмировали, «понеже справок никаких не сыскано», в выдаче жалованья Дуровой отказать; о каком-либо вспоможении они промолчали [2, т. 10, с. 64].

Однажды два министра отстояли свой вариант решения, обратившись напрямую к императрице. В сентябре 1739 г. они добились, чтобы

к полкам «для укомплектования и приведение их в доброе состояние» поехал не предложенный вице-канцлером генерал-майор С. Л. Игнатьев, а три других эмиссара (бригадир Борзово, а также советники Военной коллегии Оболенский и Раевский). Остерман с такой заменой не согласился, однако Волынский и Черкасский получили одобрение Анны Ивановны, после чего вице-канцлер дважды принимался напоминать назначенному бригадиру (в октябре 1739 г.), чтобы тот немедленно отправлялся в путь [2, т. 10, с. 269, 288, 358–359, 417].

Всеподданнейшие доклады и объявления высочайших повелений

Возможность всеподданнейшего доклада во все времена повышала значение сановника, который мог через личное общение с монархом придать

делу желаемое направление. Рассмотрим вопрос о том, кто из министров чаще других пользовался этой привилегией.

В бумагах Кабинета за 1734–1739 г. упоминаний *о докладах Остермана императрицы* отразилось немного, но в середине 1730-х гг. они имели место, поскольку в это время он объявлял в Кабинете устные императорские указы. Так, в 1734 г., в феврале, Остерман сообщил, что императрица предписала московскому генерал-губернатору Г. П. Чернышеву начинать выплавку «Успенского большого колокола», а в марте он оповещал генерала П. В. Измайлова, что императрица предписала ему оставаться с полками в Литве, а не следовать за фельдмаршалом Б. Х. Минихом к Гданьску, как ему приказал последний [2, т. 3, с. 45, 54]. В кабинетских документах конца 1730-х гг. ничего подобного не находим, более того в марте 1738 г. Остерман «из Кабинета» объявил Сенату указ императрицы, полученный во время всеподданнейшего доклада Черкасского [2, т. 7, с. 264]. Далее, перестав лично участвовать в заседаниях Кабинета и в придворной жизни, Остерман волей-неволей должен был взаимодействовать с государыней через своего соперника. Например, в июле 1738 г. он приказывал секретарю «доложить его превосходительству, кабинет-министру А. П. Волынскому, чтоб поданные доклады из Военной коллегии об отставке полковника Орлова и других изволил взять в Петергоф и доложить Е. И. В.» [2, т. 8, с. 93].

В литературе считается общепринятым, что после назначения в Кабинет *Волынский стал для императрицы основным докладчиком* по кабинетским делам [9, с. 670–671; 12, с. 555, 558; 4, с. 223; 11, ч. 2, с. 49–52; 1, с. 327–329; 5, с. 267]. В делопроизводстве отразились как факты его все-

подданнейших докладов, так и многочисленные случаи объявления им именных указов, полученных на высочайших аудиенциях.

Известно, что Волынский докладывал императрице: в мае 1738 г. – о служителях Конюшенной канцелярии, в августе 1738 г. – о подготовке приватизационной реформы, о каменных постройках столицы, о взыскании недоимок, снабжении и укомплектовании армии, в августе 1739 г. – «о Новгородском архиерейском доме» [2, т. 7, с. 376, т. 8, с. 140, т. 10, с. 109]. В кабинетском журнале от августа 1738 г. отразился также случай подготовки дел к докладу. Волынский отобрал ведомости, которые планировал взять в Петергоф (о снабжении армии Миниха). Кроме того, он приказал канцелярии составить «реестр» определенных указов Кабинета, отправленных в Сенат, Военную коллегию и др., начиная с 1738 г.; также запросить у госорганов отчет, «что по ним сделано» и «оный ответ прислать завтра в Петергоф» [2, т. 8, с. 111].

Есть данные об объявлении Волынским именных повелений *по разной тематике*: о долгах и недоимках, о наследственных спорах, о военных делах, о церковных вопросах, о расследовании политических преступлений, о назначении местных управленцев, о личных делах и увеселениях императрицы, о быте представителей высшего дворянства [2, т. 7, с. 293, 489, 502–504, т. 8, с. 32, 77–78, 176, 274, т. 9, с. 119, 391, т. 10, с. 110, 212, 219, 552–553, 583, 595], о полномочиях и организационном устройстве Кабинета.

Из сообщенных министром указов по военным делам отметим, в частности, предписание генерал-фельдцейхместеру Л.В.Гессен-Гомбургскому от апреля 1738 г. объяснить по поводу попыток командовать артиллерийскими офицерами. Среди повелений по церковной сфере можно упомянуть указание императрицы Синоду от мая 1738 г. срочно представить ей кандидатов на места архиереев в епархиях и Троице-Сергиев монастырь. Цесаревну Елизавету государыня Анна не баловала, и на ее просьбу «об отдаче места» под определенные постройки в сентябре 1738 г. последовала объявленная Волынским резолюция: «обождать» [2, т. 7, с. 284, 423, т. 8, с. 203].

Особую группу среди объявленных Волынским повелений составляли указы *о полномочиях и формах деятельности Кабинета*, инициативу которых следует приписать докладчику (указания министрам: не рассматривать челобитные, кроме присланных от императрицы (июнь 1738 г.); не беспокоить самодержицу докладами по ординарным делам во время летнего отдыха в Петергофе (июль 1738 г.); соблюдать установленное расписание всеподданнейших докладов, а документы, требующие высочайшей «апробации», сначала

подписывать самим (декабрь 1738 г.) [2, т. 7, с. 479, т. 8, с. 53–54, 463]. Надо полагать, что Волынский имел отношение к появлению в сентябре 1739 г. указа о корректировке штата и структуры кабинетской канцелярии [7, т. 10, № 7907].

Вывод по периоду 1734–1739 гг.

Таким образом, кабинетская работа *Остермана* в 1734–1739 гг. включала следующие направления: контроль над государственными расходами,

сбережение государственного имущества, взыскание недоимок, внимание к обеспечению армии, требования к госорганам представлять в высший орган мнения, запросы дополнительных материалов, призывы к Сенату закончить составление окладной книги и новых штатов госструктур. Перечисленные признаки правительственной активности вице-канцлера соответствуют характерным для Кабинета вообще подходам к рассмотрению и решению дел, способам взаимодействия его с другими учреждениями, которые зафиксированы в литературе. Очевидно, что эти мероприятия инициировал Остерман и, значит, его деятельность предопределила функциональные особенности и деятельностные приоритеты Кабинета как высшего госоргана. Свойственные для Остермана стремление максимально вникать в рассматриваемые вопросы и критичное восприятие всех предложений министра Волынского замедляли течение дел, но способствовали выработке более обоснованной позиции по делу. Кроме того, можно заключить, что именно он несет ответственность за факты санкционирования именных указов не обязательно тремя министрами.

Деятельность министра *Черкасского* в Кабинете в отсутствие его более энергичных коллег, в 1734–1739 гг. обеспечивала поддержание рутинных процессов администрирования и формального контроля (визирование подготовленных документов, предписания о соблюдении указов, разрешение второстепенных вопросов). Его нахождение в Кабинете позволяло машине высшего управления продолжать инерционное движение по тем делам, которые были решены ранее или по которым существовали шаблоны.

Влияние *Волынского* на Кабинет в апреле 1738 – марте 1740 г. можно заметить в большом количестве запросных приказов, что усиливало информированность высшего органа о рассматриваемых делах. Кроме того, по его инициативе был внесен ряд частных корректировок в формы функционирования Кабинета, подтверждены и усилены его полномочия. Его многочисленные распоряжения, пусть в большинстве своем по маловажным делам, поддерживали правительственную активность госоргана, компенсируя

отсутствие деятельного Остермана, перешедшего к надомной работе. Как постоянный докладчик Волынский стал связующим звеном между высшим учреждением и самодержицей, стал проводником (а возможно и фильтром) высочайшей воли в Кабинете.

Активность министров в 1740–1741 гг.

Журналы за 1740–1741 гг. не сохранились, есть ограниченные черновики, и отслеживать активность министров в это время по кабинетскому делопроизводству становится сложнее. Однако в нашем распоряжении имеются реестры входящих бумаг и исходящие из Кабинета указы монархов и распоряжения министров. В книгах с реестрами входящих от 1740 г. возле отдельных пунктов встречаются краткие пометы о резолюциях, большей частью они сформулированы от лица всех министров, но временами они фиксировали решения или мнения конкретных «персон». Исходящие документы Кабинета обычно подписывались министрами совместно, но и здесь присутствуют персональные исключения... В целом кабинетская документация за 1740–1741 гг. позволяет составить примерное представление о деятельности отдельных членов. Она включает информацию о министерской активности Остермана, Черкасского и в меньшей степени – М.Г.Головкина (министр в ноябре 1740 – ноябре 1741 гг.). Министры А.П.Бестужев-Рюмин (август – ноябрь 1740 г.) и Б.Х.Миних (ноябрь 1740 – март 1741 гг.) оставили незначительный персональный след в делопроизводстве [3, с.9, 79, 108].

В 1740–1741 г. административная активность министров, как и ранее, проявилась в основном в их приказах и мнениях. Так, *Остерман отдавал распоряжения об армии и флоте* (об «абшите» для генерала фон Сперейтера, о приведении в готовность «флота и морской адмиралтейской команды» (сентябрь 1741 г.)), а также *о доставке дополнительных сведений* для принятия решения (запрос о степени добропорядочности подполковника Дурнова, для которого Сенат предлагал повышение (1741 г.) [3, с.27, 29, 62]).

Приказы Черкасского могли предполагать *пересылку дел* на рассмотрение Сената (туда он отправил жалобу обоянца Т.Плотавцева на белгородского подьячего А.Сухарева) или касались маловажных вопросов (о подводах для переезда грузинской царицы Русуданы). Бывало также, он делал *заклечения о распространении имеющейся нормы на частный случай* (в марте 1740 г. подтвердил указ об освобождении дворцовых земель от фуражной повинности в отношении екатерингофских землепашцев) [2, т.11, с.1, 7–8; 3, с.123–124]. Среди его предписаний были *приказы, утверждавшие решения, предложенные подчиненными органами* (по доношению

Адмиралтейской коллегии о корректировке порядка производства морских чинов (февраль 1740 г.): «быть по мнению той коллегии») или *дублировавшие прежние постановления* (его приказ от октября 1741 г. о передаче излишков хлеба Новгородской и Псковской епархий «на довольство состоящих в Остзее войск», повторявший совместное с Волынским распоряжение от сентября 1739 г.) [2, т. 10, с. 247–248, т. 11, с. 71–72; 3, с. 134–135].

После удаления Волынского из состава Кабинета (апрель 1740 г.) в «присутствии» высшего органа у Остермана появились новые оппоненты (сначала Бестужев-Рюмин, затем Миних и М. Головкин), к тому же он по-прежнему работал дома, поэтому практика фиксации его особых мнений должна была сохраниться. Между тем новые противники были не столь влиятельны, что должно было сказаться на количестве и содержании его «разсуждений». Представим имеющиеся данные о мнениях Остермана и некоторых других министров в 1740–1741 гг.

«**Разсуждений**» *Остермана* на поступавшие в Кабинет и к нему непосредственно дела в это время стало меньше, но, как и ранее, они фиксировались чаще, чем мнения коллег. Его суждения, *как правило, поддерживались другими министрами* и становились основанием для постановлений высшего органа. В 1740–1741 г. он высказывался о неважности для правительства продолжавшихся ссор генералов Дугласа и Манштейна, уже отстраненных от должностей; о замене казни на ссылку в Сибирь для четырех малороссиян, которые без паспортов добрались до Москвы; о необходимости сообщить императрице мнение Новгородского епископа Амвросия о кандидате на место Коломенского архиерея; о наказаниях для служащих полиции, продержавших пастора французского посла одну ночь в камере с «непотребными колодниками»; сначала о реализации поступивших в Кабинет в 1741 г. предложений о мерах против корчемства вице-президента Камер-коллегии Г. М. Кисловского и затем о приостановке этого реше-

М. Г. Головкин. Неизвестный художник

ния для дальнейшего обсуждения [2, т. 11, с. 352, 539; 3, с. 25, 70, 81, 114–116, 129].

По документации за 1740–1741 гг. имеется несколько примеров *столкновения мнений министров Остермана, М. Головкина, Черкасского*. Так, в мае 1741 г. Остерман *с легкостью оспорил предложение М. Головкина* отказать от устройства военных поселений, начатого по именному указу от декабря 1736 г. Черкасский поддержал первого, и высочайшей резолюцией было предписано выделить 10 тыс. р., затребованные Сенатом на продолжение этих мероприятий [3, с. 89–92]. Следовательно, имевший при дворе правительницы устойчивый «кредит» М. Головкин не был достаточно подкован, чтобы провести в жизнь свои инициативы через Кабинет.

Между тем *победа в подобных ситуациях не всегда доставалась Остерману*. Имел место случай, когда Анна Ивановна утвердила приговор (о наказаниях «44 человекам», обвиняемым в казнокрадстве), предложенный Остерманом, но в смягченном виде, с учетом корректировок Черкасского (июль 1740 г.) [3, с. 70–71]. В другой раз, при правительнице Анне Леопольдовне Остерман без борьбы уступил мнению М. Головкина и Черкасского, заявив, что «он к таким делам незаобыкновенен» (в вопросе о передаче «питейных сборов» на откуп московским «компанейщикам» (1741 г.) [3, с. 129–130]). Иными словами, в этот период ослабевала степень полемичности мнений Остермана, он теперь допускал компетентность других министров в определенных вопросах. Примечательно, что Черкасский, который иногда поправлял мнения Остермана, мог вместе с М. Головкиным не соглашаться с авторитетным коллегой, но в случаях, когда генерал-адмирал сам был не против уступить.

По периоду регентства Анны Леопольдовны помимо приказов и мнений можно отметить некоторые *другие формы активности министров*. Так, в бумагах высшего органа есть отметки о том, что в декабре 1740 г. Остерман *просматривал сенатские отчеты* о решении дел. Черкасский же стал для правительницы *постоянным докладчиком о кабинетских делах*, что, видимо, было связано формальным уважением «регентины» к чину канцлера [3, с. 47, 131].

Вывод по периоду 1740–1741 гг.

Итак, период 1740–1741 гг., специфичный в плане состояния кабинетской документации, включал несколько рубежных событий (смену монархов на престоле и регентов возле него, ротации в составе высшего органа), но в содержании и характере деятельности отдельных мини-

стров изменилось немного. Мнения *Остермана* по-прежнему направляли функционирование высшего органа, хотя теперь он не всегда настаивал на своем варианте решения дела. *Черкасский* оставался на вторых ролях, осуществляя высшее управление либо в формальном ключе, либо в отношении незначительных дел. Тщеславный *М. Головкин* временами пытался корректировать проводимые Кабинетом мероприятия, но успех этих попыток зависел от отношения к делу генерал-адмирала.

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М.: Мол. гвардия, 2002. 362 с.
2. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. Т.3–12 / Под ред. А.Н.Филиппова // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1898–1902, 1904–1907, 1909, 1912, 1915.
3. Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. М.: Тип. Л.Ф.Снегирева, 1886. 432 с.
4. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волянский (Биографический очерк) // Древняя и Новая Россия. 1877. №7. С.214–234.
5. Курукин И.В. Артемий Волянский. М.: Мол. гвардия, 2011. 414 с.
6. Лыцова А.С. Внутриполитическая деятельность графа А.И.Остермана в 1730–1741 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 180 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / Под ред. М.М.Сперанского. Т.6, 7, 10. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830.
8. Русский биографический словарь. Т.22. / Под ред. А.А.Половцова. СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1905. 642 с.
9. Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 189 с.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. / Отв. ред. Л.В.Черепнин. Кн.Х. Т. 19–20. М.: Соцэкгиз, 1963. 781 с.
11. Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч.1. М.: Тип. Императорского московского ун-та, 1909. 206 с.; Ч.2. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1910. 77 с.
12. Филиппов А.Н. А.П.Волянский, как кабинет-министр // Исторический вестник. 1901. №5. С.552–568.

Варган Эйриян

**ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ
СТАЛИНСКОЙ
ПОЛИТИКИ В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47).084.8

В статье рассматривается эволюция церковной риторики в ранний послевоенный период на примере материалов Журнала Московской Патриархии. Анализируются основные направления пропаганды Русской Православной Церкви. Уточняется роль Русской Православной Церкви в послевоенном прославлении И. Сталина в рамках культа личности. Автор делает вывод, что церковь в целом следовала сталинскому курсу, однако иначе подходила к освещению ряда вопросов.

The article reviews the evolution of the Russian Orthodox Church's rhetoric in the early postwar Soviet Union on the basis of papers of the Journal of the Moscow Patriarchate. The main directions of the Russian Orthodox Church's indoctrination are being analyzed. The article specifies the role of the church in the postwar glorification of J. Stalin in the framework of the cult of his personality. The author concludes that the Russian Orthodox Church generally followed J. Stalin's line but shifted emphasis while dealing with some particular issues.

Ключевые слова: Журнал Московской Патриархии; Русская Православная Церковь; религиозная политика; послевоенный сталинизм; политика памяти; культ личности.

Key words: the Journal of the Moscow Patriarchate; the Russian Orthodox Church; religious politics; postwar Stalinism; politics of memory; cult of personality.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне привела к существенным изменениям как во внутренней, так и во внешней политике государства. Выстраивая политический курс в послевоенные годы, И. Сталин, остававшийся у власти вплоть до 1953 г., был заинтересован в использовании институтов и механизмов, ранее в полной мере не привлекавшихся большевиками. Одним из подобных институтов становится Русская Православная Церковь (РПЦ), зеленый свет действиям которой был дан еще в сентябре 1943 г. в связи с необходимостью провести консолидацию общества перед лицом гитлеризма и переосмыслить ряд идеологических моментов, связанных в массовом сознании с царским режимом. По мнению отечественных исследователей, изменение парадигмы поведения в отношении РПЦ стало «самым удивительным зигзагом сталинской политики в послевоенный период» [25, с. 193].

Уже в сентябре 1943 г. церковью было получено разрешение на публикацию собственного издания, на страницах которого в дальнейшем будут размещаться как церковная хроника и проповеди, так и рассуждения на исторические темы. Проведение контент-анализа материалов Журнала Московской Патриархии (ЖМП) позволяет исследователю дать более точный ответ на вопросы, следовала ли политика РПЦ в фарватере сталинского курса и каким образом расставлялись акценты при освещении ключевых внутри- и внешнеполитических событий.

Публикуемая статья представляет собой анализ материалов ЖМП за август 1945 – декабрь 1946 гг. Подобные хронологические рамки способствуют, с одной стороны, прослеживанию эволюции церковной линии, не концентрируясь лишь на отдельных публикациях священнослужителей, и, с другой стороны, позволяют не упустить из виду концептуальные характеристики риторики РПЦ. Для ответа на поставленные ранее вопросы автор акцентирует внимание на таких аспектах, как изменение отношения церкви к союзникам по антигитлеровской коалиции, восстановление страны в ранний послевоенный период, сопряженное с эволюцией концепта патриотизма, и политика памяти. Также немаловажной задачей представляется уточнение образа главы СССР на страницах ЖМП.

Закадычные враги: эволюция образа союзников на страницах ЖМП

После окончания войны Соединенные Штаты, Великобритания и Франция, оказывавшие поддержку СССР в борьбе против общей угрозы, постепенно оказываются по другую сторону баррикад. В этом плане

интерес представляет то, как быстро менялось восприятие союзников и концепта союзничества в принципе на протяжении второй половины 1945–1946 гг.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Патриарх РПЦ в 1945–1970 гг. Участник сентябрьской встречи с И.Сталиным в сентябре 1943 г.

Август 1945 г., отмеченный проведением военной кампании против Японии, а также окончанием Потсдамской конференции, еще не является точкой невозврата, начиная с которой отношение к союзникам по антигитлеровской коалиции претерпевает существенный крен в сторону критики. На страницах ЖМП на тот момент еще можно встретить хвалебные комментарии патриарха Алексия, прямо указывающие на отсутствие у церкви прямых установок по дискредитации союзников в глазах общественности: «Промышлением Божиим Отечеству нашему суждено исполнить новое великое дело: в единении с нашими верными союзниками сокрушить агрессивную мощь Японии...» [22, с. 3]. Как несложно заметить, особое внимание уделяется общности интересов Москвы и западных столиц, а также характеру взаимоотношений между акторами.

Несмотря на определенную долю самостоятельности РПЦ, полагаем, сложно было бы спорить с серьезным давлением, оказываемым на издателей ЖМП в сталинский период. Соответственно, воспринимая риторику церкви как отзвук государственной политики Союза, мы вправе указать, безусловно, не на отсутствие разногласий между сторонами, но на показательное единство, которое пока еще сохранялось по инерции. Более того, тезис о необходимости сообща преследовать поставленные перед прогрессивным мировым сообществом цели подтверждается и словами иерарха о конечном замысле данных военных акций: патриарх Алексий подчеркивает, что участие Москвы в кампании против японских агрессоров обусловлено всеобщим желанием достичь «наступления всеобщего мира» [22, с. 4].

Хорошие отношения поддерживались на тот момент и на церковном уровне. В статье, посвященной июньской поездке представите-

лей РПЦ в Европу, были отмечены «дружественные и братские свои чувства в отношении Англиканской Церкви» [18, с.27]. Если верить митрополиту Николаю, население Великобритании тоже не скрывало своих чувств к советским деятелям: восторженные отзывы касались отнюдь не только деятелей РПЦ, но и всех граждан СССР. «Восхищение перед подвигами Красной Армии и героизмом всего русского народа» являлось лейтмотивом большей части речей, произнесенных в честь приезда советских священнослужителей [18, с.29]. Парадоксально, но на тот момент союзники с удовлетворением отмечали продолжение исторической дружбы, которая на протяжении веков являлась важной скрепой советского и английского народов. В обращении патриарха Алексия к архиепископу Кентерберрийскому прослеживается и намек на цивилизационный характер существовавшего альянса: противостояние нацизму, сплотившее антигитлеровскую коалицию, «приобретает священное значение как защита христианских начал от варваров – врагов христианской цивилизации» [18, с.32]. Сама попытка облачить выстроенный союз в христианские одежды, придать ей ценностный оттенок будет прослеживаться еще не раз, однако прямое заявление о сосуществовании СССР и Запада в рамках единой христианской цивилизации уникально. Доходило и до откровенных признаний, посыл которых в дальнейшем будет пересмотрен. На страницах ЖМП появлялись указания на вступление русского народа в «семью европейских народов, уже долгое время живших христианской культурой, христианским просвещением», ставшее возможным вследствие религиозной политики Владимира Святого [3, с.54]. Тем самым отчасти признавалась некоторая отсталость Руси до 988 г., подчеркивалось принципиальное значение шага, сделанного древнерусским князем.

Однако уже осенью 1945 г. поток хвалебных отзывов в отношении союзников начинает иссякать. Одним из немногих примеров признания роли союзников в разгроме нацистской Германии являются слова архиепископа Нестора, еще в августе 1945 г. указавшего на то, что союзники помогли И.Сталину «умиротворить Европу» [2, с.27]. Заслуживает уточнения тот факт, что с этой речью церковный деятель выступил еще в августе 1945 г., когда международная обстановка позволяла высказываться в подобном ключе, однако опубликован молебен был лишь в ноябре. Можно предположить, что прямого запрета на апеллирование к помощи союзникам еще не существовало, однако восприятие концепта союзничества постепенно трансформировалось.

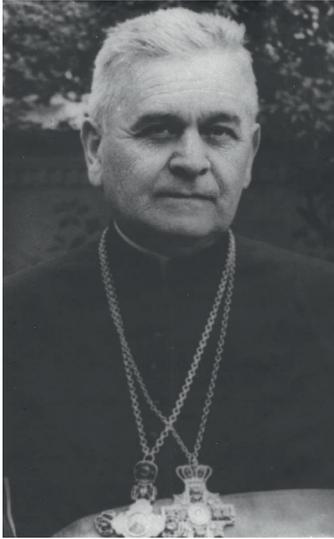
Адаптировавшись к новой международной обстановке в конце 1945 г., духовенство уже в самом начале 1946 г. выступило с обличительной критикой Ватикана, ставшего символом подлости коллективного Запада. «Промыслу Божию угодно было, чтобы в Великой Отечественной войне победа осталась не за фашизмом, который "мил" Ватикану», – с таким заявлением выступил митрополит Иоанн уже в январе 1946 г., заложив первый камень в основу нового подхода церкви к диалогу с Европой [15, с. 11]. Интересно, что критика Ватикана последовала еще до знаменитой Фултонской речи У. Черчилля, иногда воспринимающейся в качестве точки отсчета нового противостояния между социалистическим и капиталистическим блоками. Нападки на Святой Престол приняли также форму обвинений в адрес Папы Римского, якобы защищавшего немецких преступников. Отечественные священнослужители даже ссылаются на то, что «к стыду католической Церкви, во главе некоторых террористических фашистских банд стояли священники» [1, с. 29]. Эти материалы красноречиво свидетельствуют о том, что претензии в адрес католического духовенства, будучи направленными против Запада в принципе, напрямую не указывают бывших союзников. В свое время А. В. Пыжиков и А. А. Данилов справедливо отметили использование Ватикана в качестве своеобразного «антипода» РПЦ, служащего магнитом для всей антизападной пропаганды церкви [25, с. 201]. Стремление избежать прямого указания на крупнейшие западные державы как на бенефициаров и покровителей папской политики можно интерпретировать по-разному. Предположим, что разгадка может крыться в противопоставлении церковному институту структуры исключительно того же уровня и порядка. Так или иначе, несмотря на общность государственной и церковной политических линий, разница подходов проявляется достаточно ярко, что, по нашему мнению, подчеркивает определенную самостоятельность РПЦ.

В дальнейшем РПЦ продолжит указывать на двуличность Святого Престола, варьируя при этом формулировки от радикально жестких до достаточно цивилизованных. Параллельно с эскалацией напряженности в отношениях между Союзом и Западом будет акцентировано и то, что Ватикан – «центр притяжения антидемократических сил» [7, с. 29]. В этом обвинении слышен отзвук официальной советской политики. Пока в странах соцблока идет построение т. н. «народной демократии», Запад изображается в качестве антагониста, чей политический режим служит прямой противоположностью формам устройства тех государств, что ступили на путь установления социалистической государственно-

сти. Едва ли не в последний раз упоминание союзников по антигитлеровской коалиции в нейтральном ключе встретится читателям ЖМП в марте 1946 г., когда М. Колоколов укажет на вероломное нападение гитлеровцев на Союз, Великобританию и Штаты в 1941 г., не удостоив при этом ни Лондон, ни Вашингтон дополнительной положительной характеристики [13, с. 32].

По мере усложнения международной обстановки церковь, как ни странно, будет все меньше педалировать тематику Запада. Более того, на фоне иранского и греческого кризисов, выступления У. Черчилля в Фултоне и других драматических событий раннего послевоенного периода РПЦ фактически самоустранится от комментирования политических перипетий и сделает куда больший акцент на политике памяти. На основе материалов ЖМП дать ответ на то, по какой причине духовенство отказалось от открытой наступательной риторики, не получится: дело может заключаться как в спущенных властями или редакцией ЖМП установках, так и в нежелании священнослужителей обращаться к «мирским» тематикам, менее приближенным к их непосредственной сфере ведения. Так или иначе, феномен подтверждает тезис о том, что церковная линия, следуя в общем русле сталинской политики, все же ее не дублировала.

Вместе с тем некоторые события явно требовали комментариев иерархов. Прошедший в марте 1946 г. Львовский собор, на котором Брестская уния 1596 г. была ликвидирована, а местное население возвращено в лоно церкви-матери, вызвал целый шквал заявлений и замечаний. Апрельский номер ЖМП содержит как радостные сообщения о прекращении «окатоличения православных» и «поражении Ватикана» [26, с. 6], так и выступление одного из идеологов возвращения униатов в состав РПЦ Г. Костельника, заклеймившего римско-католическую церковь как «локальное понятие, а не вселенское, как желают изобразить это папы!» [26, с. 6]. Главный вывод, следующий из большинства речей, заслушанных по случаю Львовского собора, заключался в бесчестности методов Святого Престола. «Есть возможность быть свободными от разных фальшивых папских учений», – заявляют ораторы [26, с. 7], которым вторят и авторы поздравительной телеграммы патриарху Алексию: «И вот, наступает конец многовековым тяжелым переживаниям Восточной Церкви под римским ярмом, кончается борьба, кончается церковный раздор в нашем народе, искусственно вызванный и поддерживаемый Римом» [24, с. 24]. Неоднократно прослеживается в различных статьях и выступлениях дихотомия Запад–Восток, теперь принявшая рели-

Гавриил Костельник. Один из организаторов Львовского собора 1946 г. Идеолог ликвидации Брестской унии 1596 г.

гиозные формы. Следует понимать, что подобная риторика порождена не только желанием уязвить папство и восславить очередную акцию советского руководства, но и осознанием необходимости консолидировать общество. Общность судеб всех православных СССР обыграна и в майском приветствии патриарха Алексия: «Попущением Божиим корабль наш церковный на протяжении многих лет подвергался многим опасностям в виде смут и разделений церковных» [21, с.4]. Образ «церковного корабля» был использован предстоятелем РПЦ для указания на сплоченность и определенный коллективизм всех верующих, составляющих де-факто единый организм.

Можно резюмировать, что, уклоняясь от публикации материалов непосредственно по международной тематике, тем не менее редакция ЖМП освещала ключевые события церковной жизни,

интересные и с точки зрения политики. Будучи важным инструментом проведения сталинского курса, журнал все же не являлся площадкой для перманентной демонизации союзников по антигитлеровской коалиции.

«Иосиф Виссарионович своим гениальным умом понял Россию»

Советском Союзе достигает невиданных ранее масштабов. Приоритеты были ясны: необходимо было подчеркнуть главенствующую роль И. Сталина в достижении победы в Великой Отечественной войне, продемонстрировать его значимость в деле консолидации страны и указать на истинный патриотизм советского лидера.

Гиперболизация заслуг И. Сталина на страницах ЖМП также отличается своеобразным церковным колоритом: помимо использования классических клише о всемогущем вожде, авторы статей и проповедей прибегали и к сравнениям с библейскими персонажами, не забывая от-

Героизация личности И. Сталина, которую следует рассматривать в контексте культа личности вождя в принципе, в послевоенном

мечать, как многим обязаны советские люди главе страны. Уже в августе 1945 г. священнослужители начинают петь дифирамбы И. Сталину, называя его «великим вождем и мудрым главой нашего государства» [3, с. 53]. В том же августовском номере появляется одна из наиболее сильных характеристик советского лидера: Ф. Тютчев был уверен, умом Россию не понять, но великий поэт, вероятно, отказался бы от своих слов, если бы встретил большевистского деятеля. «Иосиф Виссарионович своим гениальным умом понял Россию», – заявляет В. Янов в статье «Великий русский народ», описывая, как под руководством отца народов граждане Союза проделали колоссальный труд, позволивший одержать победу над нацизмом [29, с. 56]. Под пером автора история Великой Отечественной превращается в борьбу гитлеризма с могучим тандемом, состоящим из И. Сталина и русского народа. Советским людям были чужды идеологические зверства приспешников А. Гитлера, не могло быть и речи о возможности отступить или сдаться – и все из-за бесконечной веры в генералиссимуса, который, соответственно, «ни на минуту не допускал мысли о возможности победы Германии, потому что он верил в русский народ как руководящую силу Советского Союза» [29, с. 60]. Надо заметить, что в рассматриваемый нами период на страницах ЖМП не появлялось подобных хвалебных комментариев в отношении других представителей высшего генералитета: можно искать в этом намеки на назревающие репрессивные меры против отдельных членов высшего командного состава и Г. Жукова в частности, однако мы бы также допустили мысль о недопустимости сравнения И. Сталина с любым советским военным деятелем в связи с настроенным отношением главы государства к любой похвале в чужой адрес.

В связи с победой над Японией многими священнослужителями были отправлены поздравительные телеграммы патриарху Алексию. Помимо искренней радости, связанной с окончанием военных действий, все эти источники роднит максимально лестная характеристика И. Сталина. Не останавливаясь на клишированных формулировках, выделим при этом особую триаду, предложенную таганрогским протоиереем А. Перчуковым: служитель указывает на существенный вклад «полководца, генералиссимуса и мирового стратега И. В. Сталина» [23, с. 7]. Если первые два элемента формулы являются традиционными и в контексте послевоенного культа личности удивления не вызывают, то финальная часть претендует на оригинальность. Данная идеологема не была принята на постоянное вооружение, однако ее отзвуки можно было найти и в других статьях 1945–1946 гг. В более традиционном ключе выска-

зался экзарх Украины митрополит Иоанн, представивший И. Сталина в роли «Великого Творца победы – гениального вождя нашей страны» [16, с. 4]. Интересной особенностью телеграммы, содержащей такое описание советского лидера, является то, что в ней есть и похвала в адрес Н. Хрущева: давать лестную характеристику военным было не принято, но государственные деятели такой чести изредка удостоивались. Помимо «любимого главы Советской Украины», будущий первый секретарь также назван «ближайшим сподвижником» И. Сталина, что является проявлением большого уважения [16, с. 4].

Осенью 1945 г. в ЖМП появляются наиболее яркие характеристики И. Сталина, автором которых стал архиепископ Нестор. Одно из его выступлений содержит оригинальные комбинации апеллирования к политике памяти и славословия в адрес главы государства: «...Иосиф Виссарионович Сталин покорил под ноги России сильнейшего и злейшего извечного врага – тевтона, совершенно уничтожил его и тем спас всю Русь от вечного порабощения, смерти и гибели» [2, с. 27]. Ставший уже традиционным к концу 1945 г. прием указания на исторический характер противостояния русского и немецкого народов перемежается с гиперболизацией роли И. Сталина, который якобы в одиночку спасает весь Советский Союз. Однако архиепископ не останавливается на этом: «Мы все обязаны спасением авторитетному голосу и стальной воле Сталина...» [2, с. 28]. Если логика автора относительно воли И. Сталина относительно понятна, то подобное акцентирование внимания на «авторитетном голосе» обусловлено, согласно статье, тем, что лишь одного слова мудрого вождя хватило для прекращения военных действий на Дальнем Востоке.

Очевидно, что подобные выступления продиктованы необходимостью укрепить авторитет руководителя страны и сплотить народ вокруг его фигуры, однако часть обращений к И. Сталину современному читателю может показаться откровенно гротескной. Наиболее показательным примером подобного образа нам видится сравнение И. Сталина с библейским персонажем Иисусом Навином: «...Иисус Навин остановил силой веры и воли течение небесного светила – солнца и победил все царства Ханаанской земли ... той же силой веры и силой воли вождь и предводитель русского народа затмил и угасил грозно пламеневшее в государствах Восточной Азии Восходящее Солнце» [2, с. 28]. Проводя, как и многие другие актеры, продиктованный политическими соображениями курс, церковь все же не превращалась в один из многих институтов, поющих однотипные дифирамбы советскому лидеру. Личность И. Ста-

лина зачастую рассматривается сквозь религиозную призму, что должно было как подчеркнуть величие, а отчасти и сакральность главы государства, так и найти отклик у глубоко верующих людей.

Героизация подвигов И. Сталина не прекращается и после того, как церковь частично отходит от постоянного апеллирования к ужасам Великой Отечественной войны. В январе 1946 г., ожидая выборов в Верховный Совет СССР, авторы ЖМП не забыли упомянуть о том, какой кандидат действительно заслуживает победы. Описывая идеал гражданина-патриота, священник М. Зернов взывает к необходимости полностью отдаться общегосударственным делам и вспомнить о любви к Родине как о фундаменте, без которого ни один вопрос решен быть не может. Очевидно, священнослужитель уточняет, что воплощение подобного идеала существует – И. Сталин [9, с. 30]. Из чего делается вывод, что все верующие люди будут готовы поддержать нужных кандидатов на выборах, тем самым отблагодарив И. Сталина и его сподвижников за предоставление церкви всех условий для осуществления деятельности в СССР [9, с. 30–31]. В том же январском номере появляется и заметка, посвященная открытию богословско-пастырских курсов в Ленинграде, открывающая читателям новые грани личности вождя. А. Шишкин напоминает всем о вкладе И. Сталина в достижение и установление законности и порядка в Советском Союзе, заканчивая статью пассажем, произнесенным от имени всей церкви: «...будем постоянно благодарными Совету по делам Церкви, как верному стражу свободы нашей совести, дарованной нам Сталинской Конституцией». [28, с. 43]. Конституция 1936 г., получившая свое неофициальное название по имени большевистского руководителя, изображается не только в качестве важнейшего свода законов, но и в виде предтечи Морального кодекса строителя коммунизма. В упоминавшейся нами ранее статье М. Колоколова можно встретить отсылку к Конституции 1936 г. еще раз: в марте 1946 г. протоиерей будет апеллировать к гендерному равенству, установившемуся благодаря И. Сталину [13, с. 33].

Пожалуй, последний яркий всплеск народной любви к И. Сталину на страницах ЖМП можно было бы датировать весной 1946 г. Поводом для выражения чувств священнослужителями стал Львовский собор. Кроме привычных слов о мудрости великого вождя, звучит и радость, связанная с объединением страны, ключевую роль в котором сыграл лично И. Сталин: «Под Вашим гениальным руководством осуществилось то, за что боролись лучшие поколения украинского народа и что до настоящего времени казалось неосуществимой мечтой» [20, с. 27].

Церковное воссоединение паствы, которым так восторгаются авторы весенних материалов, обусловлено территориально-политическим объединением, реализованным советским руководством в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. При этом обстоятельства данного процесса в статьях по понятным причинам не упоминаются.

Как можно заметить, воспевание И. Сталина достигало своего апогея в материалах ЖМП, когда церкви было за что благодарить советского лидера. Несмотря на очевидное влияние культа личности вождя, тем не менее апеллирование к достижениям политического деятеля хронологически совпадает с событиями, принципиальными для церкви, – с окончанием Великой Отечественной войны и проведением Львовского собора. На протяжении большей части 1946 г. риторика была куда более скромной, что объясняется, во-первых, отсутствием ярких политических событий, по которым авторы религиозных статей хотели бы высказаться, и, во-вторых, характером публикуемых материалов. Кроме того, как видно из представленных нами примеров, церковь, придерживаясь требований времени, все же облачала свою похвалу отцу народов в особые религиозные одежды, за счет чего далеко не всегда дублировала стандартные для культа личности И. Сталина клише.

**Церковь и патриотизм:
вопросы мирного
строительства**

По завершении Великой Отечественной войны одними из наиболее актуальных вопросов внутриполитической повестки становятся

перевод экономики с военных рельс на гражданские и восстановление страны, западные территории которой лежали в руинах. Очевидно, для всех советских граждан возвращение к мирной повседневной жизни являлось явным приоритетом, однако, если подходить к вопросу с позиций экономики, стоит упомянуть отсутствие экономических методов стимулирования труда в СССР в сталинский период. Обращения к тематике патриотизма и гражданского долга являлись одним из инструментов неэкономического стимулирования, в реализации которого были задействованы самые различные институты. Безусловно, церковь также должна была выступить с соответствующими заявлениями, призвав верующих бросить все силы на послевоенное восстановление государства.

Постулаты о необходимости обратить внимание на гражданский труд нечасто появлялись на страницах ЖМП, однако те, что были опубликованы, являются показательным примером апеллирования к концепту патриотизма для достижения всесоюзных целей. Впервые подобный клич

был брошен в октябре 1945 г., когда митрополит Фотий обратил внимание на взаимосвязь победы в Великой Отечественной войне и стремления восстановить страну. По словам иерарха, долг каждого священнослужителя заключается в том, чтобы «окружить заботой, любовью и вниманием дорогих воинов наших» [19, с. 34]. Однако на этом митрополит не останавливается, он также указывает на необходимость церковно-разъяснительной работы, одним из результатов которой должен стать «призыв к самоотверженному труду на пользу Родины и на благо всего ее населения» [19, с. 34]. В понимании духовенства советский воин защитил Родину, теперь же пришел черед паствы приложить все усилия для консолидации страны и ее восстановления. В этом контексте особенно интересна отсылка к христианским догмам, прямо указывающим на то, что человек трудящийся угоден Богу. Соответственно, трудящийся коммунист угоден и Богу, и, что важнее, партии, так как он вносит свой вклад в достижение общей цели и приносит своим трудом «радость ближнему» [19, с. 34].

В декабре 1945 г. эта линия получает свое развитие. В статье с говорящим названием «Будничный подвиг» автор напоминает всем о вновь полученной советскими людьми возможности жить в мире и спокойствии, достигать желаемых высот за счет честного труда. Благодарностью за это должно стать общее единение ради ликвидации последствий гитлеровского нашествия на Союз. Немаловажным является то, что автором прослеживается прямая корреляция между христианским вероисповеданием и необходимостью «как можно больше принести пользы, как можно больше внести труда для общего блага» [4, с. 29]. На протяжении 1945–1946 гг. церковь, указывая на стоящие перед обществом задачи, никогда не будет дифференцировать религиозные и государственные структуры: представляя советскую власть и РПЦ в качестве органично взаимосвязанных институтов, духовенство будет доказывать, что долг христианина – следовать за партией, помогать тем, кто даровал советским людям право свободно исповедовать свою религию.

Следующий призыв уделить особое внимание восстановлению страны появится на страницах ЖМП уже в мае 1946 г. Протоиерей И. Ивлев будет писать о том, что советский народ еще в 1930-е гг. занимался обустройством собственной страны, однако вероломное нападение Германии едва не поставило крест на мирных замыслах граждан. Теперь же настало время вновь обратиться к «великим стройкам коммунизма», что, впрочем, не представляется протоиерею абсолютно новой для государства задачей. Автор создает образ Родины, неоднократно

подвергавшейся подобным варварским нашествиям и каждый раз вновь совершающей «новый великий подвиг» [11, с.46]. Гражданин страны Советов, являющийся истинным патриотом, должен осознавать, что труд пойдет на пользу каждому, а потому поступать следует исключительно «по доброй христианской совести» [11, с.46]. Стремление оперировать моральными категориями, упираться на коллективность принятия решения и добровольность его исполнения – отличительные черты церковных обращений к советским людям. Помимо гражданских установок, звучат также и христианские послы, которые в майской статье укладываются в формулу «отдать Кесарю кесарево» [11, с.46]: задача военных выполнена, пришло время гражданскому населению внести свою лепту в достижение общей цели.

Финальным напоминанием о важности данного аспекта служит речь патриарха Алексия по случаю его награждения орденом Трудового Красного Знамени. Иерарх вновь подчеркивает, как много государство сделало для религиозных структур, переходя к понятию «патриотический долг», который на момент 1946 г. заключается в участии в мирном строительстве. Дополнительное педалирование этой тематики ясно дает понять, что работа по восстановлению страны еще не закончена и требует нового обращения к пастве, которая должна приложить все усилия для скорейшей нормализации общественной жизни [12, с.4].

Косвенное участие церкви в организации восстановительных работ и использование религиозных структур как инструмента неэкономического стимулирования символизируют ту роль, которую И.Сталин был готов придать одному из традиционных институтов. Столкнувшись с новым вызовом, Советский Союз задействовал абсолютно все идеологические резервы, которые могли бы ускорить проведение необходимых экономических процессов. При этом показательным является и тот факт, что, выстраивая свой пропагандистский курс на основе концепта патриотизма, церковь чутко уловила те трансформации, которые претерпела эта категория в послевоенный период. Исследователь не найдет на страницах ЖМП прямых указаний на интернационализм советского человека, столь привычный для 1920-х и, в меньшей мере, 1930-х гг. Советский патриотизм замкнулся в границах собственной страны, изредка отсылая к реалиям стран соцблока. Концепт патриотизма принимает при позднем И.Сталине вид формулы «патриотизм – это коммунизм и любовь к своей стране». Причем, как нам кажется, церковь, осознавая свою значимость, предпринимает попытку добавить в это уравнение и категорию «веры», которая отныне должна не вступать в противоречия с коммунизмом,

а поддерживать и продолжать его, указывая на самобытность советского народа и его особые ценностные установки.

**«Не позволим и нас
деславянизировать»**

Политика памяти РПЦ в ранний послевоенный период отличалась крайней вариативностью, преследующей тем не менее одну конкретную цель – выстраивание исторического образа единой богоугодной страны. Реализации этого плана способствовали обращения церковных авторов как к концептуальным сентенциям, так и к традиционным историческим нарративам, героями которых становились важнейшие персоналии всех эпох.

Уже в августовском выпуске 1945 г. на страницах ЖМП появится образ, который красной линией пройдет сквозь всю религиозную пропаганду РПЦ в рассматриваемый нами период. Цивилизационная особенность Руси заключается в статусе «богоносца», в результате чего, по мнению архиепископа Филиппа, складывается представление о «Руси Святой» [3, с. 54]. Подобное восприятие своего исторического прошлого может говорить о многом. Прежде всего, очевидны бинарность Русь–Запад, которая следует в фарватере курса на демонизацию Ватикана и противопоставление коллективному Западу с его *modus vivendi* российского образца. Из этого можно вывести также и самодостаточность Руси, а постфактум и СССР: «народ-богоносец» не нуждается в дополнительном одобрении его действий, а проводимая им политика по умолчанию соответствует всем мыслимым моральным нормам.

Продолжением этих размышлений становится мысль о святости не только Руси, но и всех славянских народов, подкрепляющая постулат о славянском единстве. Сам по себе концепт святости, наложенный на реалии середины XX в., позволял лишь обосновать вредность следования западным лекалам. Славянское же единство, не перерастающее при этом в панславизм, уже давало возможность объяснить консолидацию позиций СССР и отдельных восточноевропейских государств соцблока. В 1946 г. священнослужители будут в красках описывать варварские попытки захватчиков «раздробить славянское племя», следствием чего якобы являлась фрагментация общего языкового и религиозного пространства [27, с. 17]. Конечно, подобный политически обоснованный нарратив не мог обойтись без характерных лишь для религиозных структур формулировок: «Рыцари-псы, старые и новые слуги хаоса, исчадия темного ада пытались погасить солнце Правды славянской земли»

Митрополит Николай (Борис Ярушевич). Председатель Отдела внешних церковных сношений МП РПЦ в 1946–1960 гг. Участник сентябрьской встречи с И.Сталиным в 1943 г. Один из идеологов церкви в 1940–1950-е гг.

[27, с. 17]. Читатели, знакомясь с вехами российской истории, заранее подготавливались к столкновению с суровой реальностью 1940-х гг., в которой славянской общности вновь угрожали всем известные враги.

Безусловно, образ «осажденной крепости» поддерживался также и за счет указания на ключевые события в истории двусторонних отношений с дружественными народами. Особо показателен в этом контексте пример Болгарии: если судить по количеству отсылок, самой памятной вехой была русско-турецкая война 1877–1878 гг., а Шипка и Плевна стали во всех смыслах именами нарицательными. Любопытно, что последствия войны и Берлинского конгресса не педалировались: напоминать о кризисе двусторонних отношений не стоило, чтобы не омрачать сложившийся образ. Вместе с тем в отношении того же болгарского народа примечательны и отсылки на средневековую историю. Так, уже тогда болгары, как

пишет митрополит Григорий, «устремили свои взоры на Русь Святую, которая ... представлялась им неким небесноземным градом ... где Церковь служит столпом и утверждением истины для всего православного мира» [14, с. 6]. Конечно, в условиях подобной исторической близости не могло быть и речи о каком-либо отторжении братского болгарского народа, что и привело к его тесной близости с народом советским.

Концепт единого славянского пространства, довольно близкий русско-му православию по духу, будет появляться на страницах ЖМП в самых разных вариациях. Особым уважением идеологов славянского единства пользовались просветители Кирилл и Мефодий, которым в идеологическом плане была уготована роль первых объединителей разрозненных народов [6]. Если освещение деятельности солунских братьев можно отнести к мягкой пропаганде, то гораздо жестче выглядит подобная тирада: «Мы никого не "ославяниваем", но ... мы никому не позволяем и не позволим и нас "деславянизировать"» [6, с. 35]. Угроза, облачен-

ная в оригинальные формы, ясна: отказа от собственной идентичности и особой позиции не произойдет ни при каких условиях.

Несложно заметить, что в череде подобных заявлений проглядывается акцент на значимость Руси для всего ортодоксального мира, что является своеобразной «подводкой» к той идеологеме, которая долгое время витала в воздухе и вновь стала актуальна в сталинские времена. Возрождение концепта «Москва – третий Рим» хорошо известно исследователям в связи с замыслами И. Сталина провести в СССР Вселенский Собор, однако интересно то, что уже в 1946 г. на страницах ЖМП появляются намеки на релевантность данной формулы. Августовская статья 1946 г., посвященная деятельности митрополита Ионы, раскрывает сущность идеологической концепции, заключая, что замысел был знаком не только книжникам и священникам, но и народу в принципе [10, с. 32]. Помимо, возможно, не самого обычного указания на митрополита Зосиму, а не псковского старца Филофея как на автора доктрины, статья включает в себя и церковное обоснование, почему Москва готова была принять статус «третьего Рима». Вероятно, таким образом автор пытается намекнуть на то, что ничего принципиальным образом не изменилось и Советский Союз готов выступить концептуальным «правопреемником». Идея консолидации православного мира вокруг Москвы соответствовала геополитической линии И. Сталина, в связи с чем считалась особо актуальной. В этом случае прослеживается достаточно гибкий подход, сочетающий в себе элементы национализации православия как конфессии и его интернационализации в разумных пределах: лишь Союз претендует на верховенство среди ортодоксов; идеологически православие «закреплено» за Москвой, а те государства и народы, что исповедуют православие, автоматически попадают в орбиту влияния СССР. Искреннее желание церкви добиться единения всех православных удачно наложило на стремление советского руководства найти дополнительный идеологический фундамент, необходимый для сохранения зон влияния СССР.

Если обратиться ко второму аспекту в рамках политики памяти и посмотреть на то, какие персоналии являлись наиболее востребованными с церковно-политической точки зрения, мы можем заметить, что список отечественных деятелей, именами которых оперировали авторы ЖМП, внушительен. Нет смысла останавливаться на каждом из них по отдельности, однако некоторые примеры заслуживают упоминания.

Как известно, личность императора Петра Алексеевича пользовалась особой популярностью в сталинские времена: реформатор, который

не страшился идти на непопулярные или неочевидные шаги, был нужен И. Сталину для создания образа настоящего «преобразователя». Церковь также не смогла пройти мимо персоны Петра Великого, однако отношение религиозных структур к императору весьма спорное: достаточно лишь вспомнить фактическое упразднение патриаршества и переход к синодальному управлению. Вместе с тем полностью отказаться от прославления Петра церковь, судя по всему, не имела права, а потому была выработана правильная, как нам кажется, стратегия. Как писал в марте 1946 г. Н. Волнянский, Петр был глубоко религиозным человеком, однако институт церкви, в отличие от института веры, погряз в бюрократии, следствием чего и стали петровские реформы в сфере церковного управления. «Он не мог в интересах прогресса страны допустить, чтобы руководство Церкви сделалось знаменем реакции», – подытоживает автор, как бы указывая, что действия Петра пошли на пользу как стране, так и самой церкви [5, с. 42]. Такая интерпретация не входила в противоречие с церковной пропагандой: Петр был русским человеком, значит, был религиозным по своей природе; при этом институт веры всегда в понимании церкви неприкосновенен, поэтому любая критика может быть обращена лишь к самой форме церковной организации. Интересно, что авторы не обходят стороной и ближайших соратников Петра. К примеру, обратившись к личности Стефана Яворского, архиепископ Д. Градусов не стал отрицать наличия отдельных перегибов со стороны императора, руководствовавшегося при этом исключительно интересами страны, однако заметил, что Стефан Яворский пытался сгладить все противоречия, стремился к балансу государственного и церковного [8, с. 50].

Одним из наиболее упоминаемых исторических деятелей являлся Сергей Радонежский, интерес к деятельности которого не ограничивался знаменитым благословением перед Куликовской битвой. Авторы воспевают роль старца в защите национальных интересов, отмечают его таланты в примирении князей, на примере Троице-Сергиева монастыря указывали на возрождение церковных традиций и на глубинную связь обители и народа. Однако главным дифирамбом в адрес Сергея Радонежского, сообразующимся с рассмотренной нами ранее риторикой, можно назвать то, что Сергей – святой вселенского масштаба, но должен прославляться именно как русский человек [17, с. 12]. Мы вновь видим частичную национализацию православия, которая здесь смотрится более чем уместно, однако тот дуализм, который намеренно допускается автором при рассмотрении личности преподобного Сергея, как нам видится, соответствует общей церковной линии в ранний послевоенный период.

Государство и церковь – новая симфония?

Подводя итоги, мы хотели бы заметить, что линия церкви во многом следовала сталинскому курсу, однако не была его бездумной копией.

Церковь можно считать инструментом сталинской политики, но называть его инструментом слепым, не имеющим собственной повестки и особенностей, было бы неправильно.

В случае концепта союзничества можно наблюдать постепенную эволюцию отношения к Западу, которая хронологически практически совпадает с резкими поворотами во внешней политике СССР, хотя и не всегда акцентирует внимание на ключевых событиях международной жизни. Используя Ватикан в качестве «громоотвода» для всей критики, церковь выстраивала образ морально падшей цивилизации, что удачно пересеклось с церковной политикой памяти.

Поддерживая общий курс в рамках культа личности И. Сталина, авторы ЖМП периодически предлагали собственное видение образа вождя. Сакрализация личности главы государства происходила за счет апеллирования к библейским мотивам и необычных сравнений с характерным религиозным колоритом. При этом полностью отказаться от прославления И. Сталина по понятным причинам было невозможно. Помимо требований времени, накладывался еще и такой значительный фактор, что именно И. Сталин вновь даровал церкви возможность функционировать, тем самым сохранив едва не прерванную православную традицию.

В условиях послевоенного восстановления страны идеологическая поддержка церкви была необходима и в качестве неэкономического метода стимулирования, который использовался наравне с проведением социалистических соревнований. В понимании церкви долгом каждого правоверного гражданина являлась необходимость внести вклад в ликвидацию последствий гитлеровского нашествия на СССР. Параллельно с этим выстраивалась и новая структура патриотизма: продиктованный «холодной войной» и эволюцией видения вопроса самим И. Сталиным отказ от интернационального характера концепта привел к национализации патриотизма как такового. В церковной же риторике к этому также добавился христианский компонент.

Наконец, политика памяти представляется одним из важнейших направлений церковной пропаганды в целом. Все вышеупомянутые проблематики, с которыми работала церковь, всегда подкреплялись историческими примерами, позволявшими представить тот или иной вопрос в нужном государству ракурсе. Помимо пересмотра роли отдельных

исторических деятелей, проведенного на страницах ЖМП, авторы религиозных материалов также вернули в оборот славянскую идеологию, удачно коррелирующую с политикой И. Сталина в отношении стран соцблока.

Резюмируя все эти выводы, мы можем с уверенностью заметить, что церковная политика следовала в фарватере государственной, не забывая при этом расставлять акценты в соответствии с собственными убеждениями. Безусловно, в послевоенный период не складывается новой «симфонии властей» по аналогу Византии: церковь попросту не могла претендовать на сопоставимую с ВКП(б) роль. Однако вклад церковных структур, частично прослеженный нами на примере материалов ЖМП, бесспорен, как неоспорима и гибкость церковной риторики, не позволяющая считать ее лишь инструментом в руках советского руководства.

Библиографический список

1. Архиепископ Лука. Возмездие свершилось // Журнал Московской Патриархии. Январь 1946. №1. С.28–29.
2. Архиепископ Нестор. Слово преосвященного Нестора, архиепископа Камчатского и Петропавловского на молебне в г. Харбине 19 августа по случаю победы над Японией и установления мира во всем мире // Журнал Московской Патриархии. Ноябрь 1945. №11. С.27–28.
3. Архиепископ Филипп. Русь Святая // Журнал Московской Патриархии. Август 1945. №8. С.53–55.
4. Васильева Н. Будничный подвиг // Журнал Московской Патриархии. Декабрь 1945. №12. С.27–30.
5. Волнянский Н. Архиепископ Феофан Прокопович и его время. Опыт церковно-исторического эскиза // Журнал Московской Патриархии. Март 1946. №3. С.38–43.
6. Волнянский Н. Великие просветители славянства свв. Кирилл и Мефодий // Журнал Московской Патриархии. Июль 1946. №7. С.35–47.
7. Волнянский Н. Незабвенный источник православия в Белоруссии // Журнал Московской Патриархии. Февраль 1946. №2. С.20–29.
8. Градусов Д. Гордость Рязани – Митрополит Стефан Яворский // Журнал Московской Патриархии. Июнь 1946. №6. С.45–53.
9. Зернов М. 10 февраля // Журнал Московской Патриархии. Январь 1946. №1. С.30–31.
10. И.С. Св. Иона, Митрополит Московский // Журнал Московской Патриархии. Август 1946. №8. С.32–37.
11. Ивлев И. Внимая ужасам войны // Журнал Московской Патриархии. Май 1946. №5. С.45–47.

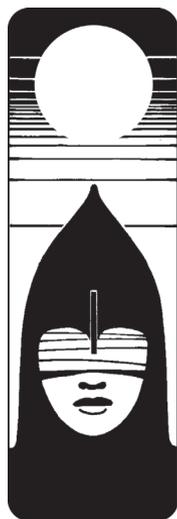
12. К награждению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия орденом Трудового Красного Знамени // Журнал Московской Патриархии. Сентябрь 1946. №9. С.3–6.
13. Колоколов М. О русской женщине // Журнал Московской Патриархии. Март 1946. №3. С.32–34.
14. Митрополит Григорий. О поездке Святейшего Патриарха Алексия в Болгарию // Журнал Московской Патриархии. Июнь 1946. №6. С.3–19.
15. Митрополит Иоанн. Послание Экзарха всея Украины Митрополита Иоанна к пастырям и верующим в западных областях Украинской ССР // Журнал Московской Патриархии. Январь 1946. №1. С.9–11.
16. Митрополит Иоанн. Телеграмма Экзарха Украины Митрополита Иоанна председателю СНК УССР тов. Н.С.Хрущеву // Журнал Московской Патриархии. Ноябрь 1945. №11. С.4.
17. Митрополит Николай. Наша слава // Журнал Московской Патриархии. Июль 1946. №7. С.11–13.
18. Митрополит Николай. Поездка в Англию // Журнал Московской Патриархии. Август 1945. №8. С.27–52.
19. Митрополит Фотий. О церковной патриотической работе духовенства и верующих в послевоенное время // Журнал Московской Патриархии. Октябрь 1945. №10. С.33–55.
20. От Собора униатской церкви Генералиссимусу И.В.Сталину // Журнал Московской Патриархии. Апрель 1946. №4. С.27.
21. Патриарх Алексий. Пасхальное приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия архипастырям, пастырям, клиру и пастве Церкви Российской за границей // Журнал Московской Патриархии. Май 1946. №5. С.3–4.
22. Патриарх Алексий. Послание Святейшего Патриарха Алексия Архипастырям, Пастырям и Пасомым Православной Русской Церкви // Журнал Московской Патриархии. Август 1945. №8. С.3–4.
23. Поздравительные телеграммы, полученные Святейшим Патриархом Алексием в день праздника победы над Японией // Журнал Московской Патриархии. Сентябрь 1945. №9. С.4–8.
24. Приветственная телеграмма от имени Собора униатской церкви Святейшему Патриарху Алексию // Журнал Московской Патриархии. Апрель 1946. №4. С.24–25.
25. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 319 с.: ил. (Досье).
26. Ружицкий К. Киево-Львовские торжества православия // Журнал Московской Патриархии. Апрель 1946. №4. С.5–12.
27. Светозаров Д. Народы-братья // Журнал Московской Патриархии. Февраль 1946. №2. С.17–19.
28. Шишкин А. Открытие Богословско-пастырских курсов в Ленинграде // Журнал Московской Патриархии. Январь 1946. №1. С.41–44.
29. Янов В. Великий русский народ // Журнал Московской Патриархии. Август 1945. №8. С.56–61.

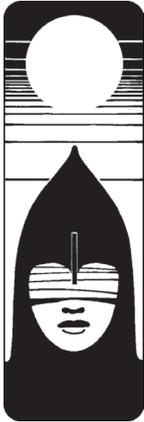
Наводить порядок надо тогда,
когда еще нет смуты.

Лао-цзы

Когда страна отступит от
закона, тогда много в ней
начальников.

Притчи 28:2

Игорь Татаринов

ОТ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ К СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСА
И АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
РУБЕЖЕЙ ТАВРИДЫ
В 1917–1921 гг.*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

94(470)+94(477)«1917/1921»

В настоящей статье получило продолжение освещение вопросов статуса и формирования границ Тавриды. Автор считает необходимым проследить предпосылки, динамику и принципы трансформаций статуса и границ Тавриды в 1917–1921 гг. Подчеркивается, что процесс изменений политического статуса и административно-территориальных преобразований происходил на фоне изменявшейся международной обстановки, повлиявшей на его ход, и постановки руководством государства различных задач в сфере управления. В результате длительного процесса форматирования, Таврида оказалась разделенной между двумя советскими государствами – УССР и РСФСР. В этом виде ее границы пребывают и в XXI веке.

In this article the coverage of the status and formatting of the borders of Taurida was continued. The author sees it necessary to trace the prerequisites, causes, dynamics and principles of transformations of the status and boundaries of Taurida in the 1917–1921. It is emphasized that the process of changes in the political status and administrative-territorial transformations took place against the background of the changing international situation that influenced its course, and the setting by the state leadership of various internal political tasks. As a result of a long process of formatting, Taurida was divided between two Soviet states – the Ukrainian SSR and the RSFSR. Its borders are in this form in the 21st century.

Ключевые слова: Крым; Российская империя; Таврида; Украинская Центральная Рада; Гетманат; Украинская ССР; РСФСР; украинно-российская граница.

Key words: Crimea; Russian Empire; Taurida; Ukrainian Central Council; Hetmanate; Ukrainian SSR; RSFSR; Ukrainian-Russian border.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

*Окончание. Начало см.: Россия XXI, 2021, №3.

«Объявить в Крыму автономную республику...»

Отречение Романовых от престола, преобразование монархии в Российскую республику и появление национальных правительств в ряде

регионов, были встречены в Тавриде подъемом национального и политического движения. В борьбе за власть сошлись различные национальные силы и Советы. Уже 25 марта 1917 г. крымско-татарские силы провозгласили создание Временного Крымско-мусульманского исполнительного комитета (Мусисполкома) во главе с Н.Челебиджиханом (Челеби), который стал еще и первым демократически избранным муфтием. Мусисполком выразил поддержку Временному правительству и выступил за строительство культурной национальной автономии в составе России. Однако в июле, как отмечает Т.Быкова, татары направили в Киев делегацию, которая подала в Украинскую Центральную Раду (УЦР), объявившую себя высшим законодательным органом на Украине, докладную записку. Среди прочего, там содержалась просьба к украинцам поддержать стремление татар установить на полуострове автономию и выражалось желание подчинить Крым украинской юрисдикции. Генеральный секретариат УЦР признал нежелательным поднимать эти вопросы в Петрограде, поскольку сами украинцы в тот период вели диалог с Временным Правительством, ожидая решения судьбы украинской территориальной автономии [16, с. 53]. Киев временно отложил решение этого вопроса, считая, что право решения дальнейшей судьбы Крыма должно принадлежать исключительно жителям полуострова.

В это время на Украине УЦР приняла 7 ноября 1917 г. III-й универсал, где провозглашалось создание Украинской Народной Республики (УНР) и отмечалось, что к территории УНР «принадлежат земли, заселенные в большинстве своем украинцами: Киевщина, Подолье, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсон, Таврия (без Крыма)» [28, с. 67]. Как видим, УЦР решила распространить свою власть на территории трех материковых уездов Тавриды, к тому же разделив некогда единую Тавриду на Крым и собственно Таврию. Однако в реальности эти уезды продолжали ориентироваться на распоряжения и указания, поступающие из Симферополя.

На состоявшихся 12–14 ноября 1917 г. выборах в Учредительное собрание, в которых приняли участие все политические партии и национальные и религиозные организации Тавриды, проголосовало 574 тыс. жителей, что составило лишь 54% избирателей губернии. Большинство мест получили эсеры, за которых проголосовало 52,2% избирателей, кадеты,

ТРЕТІЙ УНІВЕРСАЛ

Української Центральної Ради.

Народе Українській і всі народи України!

Тяжка і трудна година впала на землю республіки Російської. На війниці в столиці й в кожній стороні і врізана боротьба. Центрального Правительства нема, і по державі шириться беззаконство, безлад і руїна.

Наш край так само в небезпеці. Без влади, душі, єдиної народної України теж може впасти в безодню усобиць, рієн, занепаду.

Народе Українській! Ти, разом з братими народами України, постави нас, берегти права, здобуті боротьбою, творити над і будувати все життя на нашій землі і ви, Українська Центральна Рада, тисно возємо во ім'я творення ладу в нашій країні, во ім'я рятівання всієї Росії, оповідаємо:

Однієї України стає Українською Народною Республікою.

Не озидуючись від республіки Російської зберегаючи єдиність її, ми твораємо стаміно на нашій землі, щоб славні нашими помочі всієї Росії, щоб усеє Республіка Російська стала федеративною рієнних і вілних народів.

До Установчих Зборів України, вся власть, творити над на землях наших, давати закони і правити належить нам, Українській Центральній Раді, і нашому правительству—Генеральному Секретаріатові України.

Маючи силу і владу на одній землі, ми току славимо єдинство стаміно на сторою прав і незалежності всієї Росії, щоб не була розірвана.

До території Народною Українською Республікою належить земля, заселена у більшості Українцями: Київщина, Поділля, Волинь, Чернігівщина, Полтавщина, Харківщина, Катеринославщина, Херсонщина, Таврія, (без Криму). Остаточне визначення границь Української Народної Республіки, ми що до призначення частин Курщини, Холмщини, Вороніжчини, так і суміжних губернь і областей, де більшість населення українська, має бути встановлено по згоді організованої воли народів.

Так само будемо абати, щоб на ворожому кордесі права народу українського в Росії і по за Росією не було в заміренні порушено. Але до миру нових громадянних Республік України, разом з громадянами усіх народів Російської Республіки повинні стояти твердо на своїх місцях, як на фронті, так і в тилу.

Остаточні часами всі здобуті револьюції будо загальною відповідальною каркою на смерть. Опонішасмо:

Однієї на землі Республіки Української смертна кара кається.

Всі українцями і затримками за політичні виступи, зроблені до цього дня, як уже засуджені, так і незаасуджені а також і ти, хто ще до відповідальності не потягнений заєсь повна адміністр. Про се негідно буде виданий закон.

Суд на Україні повинен бути справедливий, відповідний духам народу.

З току метою призначено Генеральному Секретаріатові Судових Справ зробити всі лади і творити судовицтво і принести його до згоди а правими поняттями народу.

Генеральному Секретаріатові внутрішніх Справ призначаємо:

Вжити всі заходи до закріплення і поширення прав місцевого самоуправління, що виходяться організаціями адміністративної влади на місцях, і до становлення наційової демократії і співробітництва його з органами револьюційної демократії що має бути національною основою вілного державного ладу.

Так само в Україні Народній Республіці має бути забезпечено всі свободи, здобуті всеросійською револьюцією: свободу слова, друку, віри, совісті, совісти, страждан, недоторчанності особи і шлюби, ціано і можливість уживання місцевих законів в згодних з усіма установами.

Українській народ, що сам довгі ати борюва за свою національну волю і нині її здобувши, будо твердо охороняти волю національного розвитку всієї народності, на Україні судити, току відповідальною на національному ладу.

Третий Универсал УЦР с отметкой в тексте украинских границ

получившие голоса 6,8%, большевики, набравшие 5,5%, меньшевики – 3,3%, и народные социалисты, набравшие всего 0,8% голосов избирателей. Примечательно, что большевики получили поддержку, прежде всего, среди пролетариата таких крупных городов Таврической губернии, как Севастополь, Симферополь, Феодосия, Керчь, Бердянск [16, с.57].

Важное событие в истории Тавриды произошло 20 ноября, когда открылось Чрезвычайное совещание, созданное при содействии губернского земского собрания Таврической губернии из делегатов от советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, органов земского и городского самоуправления. На этом довольно представительном совеща-

нии было принято решение о создании из числа представителей городских дум, земств, общественных и других политических организаций высшего органа управления губернией – Совета народных представителей (СНП). Этот Совет возглавил меньшевик П. Новицкий. Практически с самого начала деятельности СНП обозначилась конфронтация с УЦР, которая претендовала на часть территории Тавриды. Однако в принятой резолюции совещания вопрос о северных границах был четко оговорен: «до выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием, которое должно было быть создано в ближайшем будущем, и воли населения трех северных уездов – путем ли опроса или путем особого учредительного собрания, в Таврической губернии учреждается орган управления губернией – Таврический губернский совет народных представителей как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью» [26, с.219].

Набравшее силу крымско-татарское национальное движение оформилось 26 ноября в виде созыва Учредительного собрания крымско-татарского народа – Курултая. Этот орган 12 декабря объявил о создании Крымской Демократической Республики, приняв ее конституцию. Более того, до времени созыва Всекрымского Учредительного собрания Курултай провозгласил себя Крымским национальным парламентом, сформировав тогда же национальное правительство – Директорию [16, с.59]. Заметим, что вопрос о статусе Крыма в упомянутой выше крымско-татарской конституции составители документа обошли стороной. Как отмечают А.Г. и В.Г.Зарубины, «с одной стороны, конституция декретировала создание нового государства. С другой, статья 12 заявляла, что форма правления Крымом будет определена Крымским учредительным собранием... Об автономии в составе Российской федерации конституция не упоминала» [26, с.232]. Эта республика не получила внешней поддержки и признания, за исключением Украины. Однако это был скорее символический шаг, чем акт, подкрепленный конкретными действиями.

Победившие в Петрограде большевики повели решительное наступление на все «небольшевистские» республики. Уже в декабре 1917 г. начались первые вооруженные столкновения сил большевиков с крымско-татарскими отрядами. В январе 1918 г. большевики выбили УЦР из Киева. Большевицкий Таврический губернский комитет РСДРП (б) потребовал от татар:

«1) Признание единственным источником власти в Российской республике Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

2) признание высшей исполнительной властью в государстве Совета народных комиссаров;

3) признание всех выданных большевиками декретов;

4) признание источником краевой власти губернского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с участием пропорционального представительства от татар;

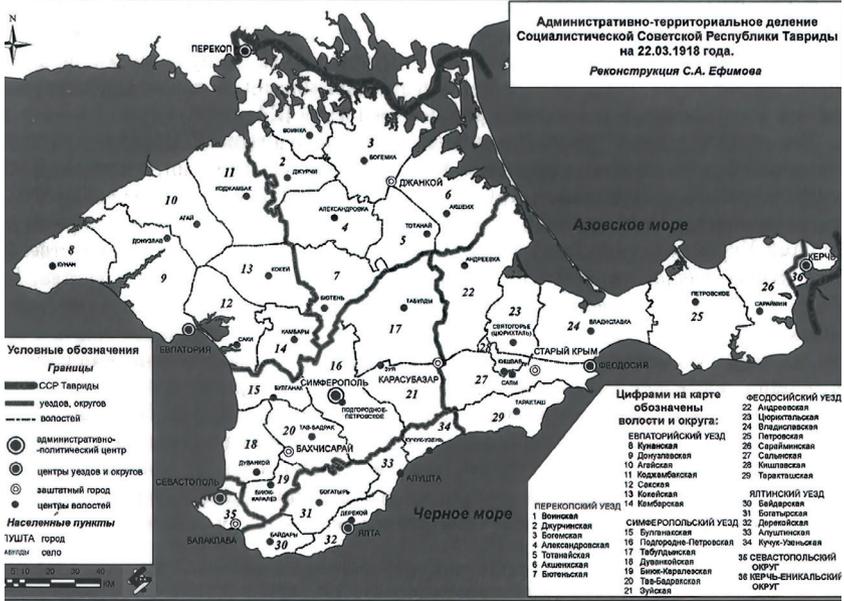
5) выборность командного состава во всех воинских частях;

6) беспощадная борьба с контрреволюцией;

7) борьба с саботажем и анархией» [14, л.21–22].

Не дождавшись от татар выполнения этих требований, 4–10 января 1918 г. большевики выбили силы Курултая из Феодосии, Керчи и Ялты, 13 января был взят Бахчисарай, а 13–14 января – Симферополь. Курултай и Директория были ликвидированы, а большинство членов крымско-татарского правительства арестованы. По всей территории Таврической губернии была установлена Советская власть.

В Крыму 19 марта 1918 г. на заседании ЦИК советов Таврической губернии была провозглашена Таврическая республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «в составе Ялтинского, Симферопольского, Феодосийского, Евпаторийского, Мелитопольского, Бердянского, Перекопского и Днепровского уездов» [16, с.68]. Включение северных уездов Таврической губернии в Республику Таврида вызвало протест со стороны УССР, которая считала эти уезды своими [16, с.68]. Москва посчитала недопустимым конфликты между братскими республиками. 21 марта на заседании Таврического губернского ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов нарком внутренних дел Тавриды С.Новосельский отметил, что «Совнарком РСФСР предложил для сохранения Крымского и Черноморского флотов объявить в Крыму автономную республику, которая будет входить в состав РСФСР» [1, л.29–30]. Там же С.Новосельский озвучил настоятельную просьбу Москвы ограничить территориальные рамки Республики Таврида границами Крымского полуострова [14, л.189], с чем участники совещания после довольно длительного обсуждения, согласились. На следующий день предложение Москвы было оформлено декретом ЦИК советов Таврической губернии. Документ очертил границы Республики Таврида в пределах Крымского полуострова, на этот раз уже в составе Симферо-

Территориальные рамки Республики Таврида

польского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Перекопского уездов [1, л.29–30].

Однако решение о передаче УССР трех северных уездов по факту не выполнялось. 28 марта глава Совнаркома Республики Таврида А.Слущкий направил всем местным ревкомам телеграмму, в которой отмечалось: «Декрет о границах ... считать отмененным» [16, с.71]. 6 апреля местные органы власти получили директиву, где отмечалось: «Хотя в соответствии с декретом Мелитопольский, Днепровский и Бердянский уезды не вошли в состав Республики Таврида, учитывая их желание и естественные связи с Крымом, они фактически входят в состав Социалистической Республики Таврида» [20, с.45], распространив на все восемь уездов бывшей Таврической губернии постановления республики. Незадолго до вторжения австро-немецких войск, 11 апреля 1918 г. СНК Республики Таврида специально рассмотрел вопрос о границах и принял решение:

«1) Никакого обособления этих уездов не признавать и считать, что они представляют единое целое Республики Таврида;

2) мобилизовать свободные агитационные силы и направить их для разъяснения политического положения и необходимости эвакуации хлебных продуктов;

3) помогать всеми средствами по мере возможности этим уездам» [20, с. 46].

Таврида в период немецкой оккупации

Потеряв в январе 1918 года власть в Киеве, УЦР обратилась к Центральным державам с призывом о помощи. Уже 9 февраля 1918 г.

УНР с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция, – с другой, заключили в Брест-Литовске соглашение о взаимопомощи. Центральные державы признавали суверенитет УНР и направляли 450-тыс. военный контингент на Украину. Через месяц, 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске заключили мир большевики, обещаясь освободить территорию УНР, куда вошли три северных уезда Таврической губернии. 30 марта телеграммой Совнаркому Киев предложил «прекратить состояние войны между двумя державами и определить отдельным соглашением наши границы и наши правовые отношения» [12, л. 16–17].

Продвижение немецких оккупационных войск не ограничилось Украиной, и 18 апреля немцы вступили в Крым. 19 апреля они овладели Джанкоем, 22 апреля были заняты Евпатория и Симферополь, а к концу апреля они полностью овладели всем полуостровом. Понимая по чьей «просьбе» вторглись немцы, встревоженное возможным присоединением к Украине руководство Республики Таврида отправило в Москву телеграмму с просьбой подтвердить, что «Крым к Украине не отходит» [4, л. 27]. В ответ за подписью И. Сталина пришла телеграмма: «По имеющемуся у нас документу германского правительства ни немцы, ни Киев на Крым не претендуют, берут только материковую часть Таврической губернии» [3, л. 95]. Однако немцы имели свои планы на Крым и обманули Москву, которая оказалась не готовой к немецкой аннексии полуострова, как и была не способна оказать сопротивление Республика Таврида, которую оккупанты немедленно ликвидировали.

В отношении Тавриды Украинская Народная Республика также занимала экспансионистскую позицию, решив не только подчинить своей юрисдикции три северных уезда бывшей Таврической губернии, но и весь Крымский полуостров с Черноморским флотом. Вместе с немецкими воинскими контингентами на полуостров вторглись украинские войска под командованием генерала А. Натиева и полковника

П. Болбочана. 15 апреля чиновник МВД УНР Я. Христич прибыл в Симферополь с целью создания там филиала Информационного бюро, которое, как предполагалось, будет распространять среди крымчан новости о политике украинского правительства, его законах и «вообще вести там работу по приближению Крыма к Украине» [31, с. 83]. Кроме этого, правительство УНР просило немецкие власти «помочь ему освободить корабли от тех преступных большевистских элементов, которые захватили их, и привести флот к послушанию Украинскому правительству» [31, с. 83–84]. Однако немецкие власти не поддержали Киев в его притязаниях, одобрив вхождение только северных уездов, вошедших в Таврический округ Украины [17, с. 232].

Северные уезды Тавриды, отошедшие к Украине

Реализуя свои планы на Черноморский флот и полуостров, немцы решили выдворить немногочисленные украинские отряды за пределы Крыма. По приказу генерала Р. фон Коша 15-я немецкая дивизия окружила места дислокации украинских войск, поставив ультиматум: «Немедленно сложить оружие, оставить все военное имущество и уехать из города и территории Крыма под охраной немецкого конвоя на правах интернированных, распустив при этом добровольческие отряды» [30, с. 150]. 27 апреля 1918 г. командование украинского корпуса в Крыму получило по телефону из Киева от военного министра УНР А. Жукковского приказ о немедленном уходе из Крыма. Приказ был объявлен в присутствии командующего немецкой группировкой в Крыму генерала

Р. фон Коша. Украинские войска были отведены в Северную Таврию в р-н Мелитополя.

Возникшая в апреле 1918 г. вместо УНР Украинская Держава, возглавляемая пронемецки настроенным генералом П. Скоропадским, принявшим титул гетмана, практически сразу заявила свои претензии на значительные территории Центрального Черноземья, Кубань, Донские земли и Крым. Даже после выдворения немцами украинских отрядов из Крыма правительство П. Скоропадского продолжало поднимать вопрос о принадлежности Крыма. Уже 10 мая германский посол в Киеве А. фон Мумм получил от гетмана ноту, в которой украинцы апеллировали к важности нахождения полуострова под властью Украины: «...Украина без Крыма стать сильным государством не могла бы и, особенно с экономической стороны, было бы не сильным. В частности, неестественно отрезанная от моря, Украина должна была бы обязательно увеличивать попытки к захвату этого морского побережья, а вместе с тем возникли бы обостренные отношения с тем государством, которому было бы передано занятие Крыма» [15, с.33].

Следует отметить немецкую педантичность в вопросе необходимости придерживаться Украиной условий своих же нормативно-правовых актов. Гетманцам было указано на положения III Универсала, принятого еще 7 ноября 1917 г., где помимо провозглашения создания УНР, украинцы обозначили границы своей территории, куда Крымский полуостров не был включен, в отличие от трех северных уездов бывшей Таврической губернии (Днепровского, Бердянского и Мелитопольского). Некоторая туманность планов немецкого командования в отношении полуострова объяснялась поиском прогерманских политических сил, которые бы устроили оккупантов и содействовали бы планам по разграблению Крыма. Еще при занятии Симферополя 22 апреля 1918 г. немецкий комендант распространил специальное обращение к населению Крыма, где объяснял цели вторжения: «Под защитой нашего ружья должна восстановиться фабричная и торгово-промышленная жизнь края, политическая свобода разрешается». При этом о будущем статусе Крыма и о контурах власти было заявлено, что немцев устраивает любая конструкция, лишь бы она исходила от ответственных организаций [11, л.17].

Подобная неопределенность давала основания Украинской Державе вновь взывать к немецким властям передать Киеву полуостров. 30 мая германский посол А. фон Мумм получил новую ноту, где пояснялось: «...Крым тесно связан экономически, политически и этнографически с жизнью и населением Украины. Украинское Государство, со своей

стороны, никогда не сможет нормально развиваться без соединения с Крымом. Правда, когда провозглашен был III Универсал Украинской Национальной Республики, там было указано, что к украинскому государству принадлежит только северная Таврия без Крыма. Но, прежде всего, Универсал отметил только главные части Украинской территории, имея в виду, что ее земли, в которых украинское население не имеет абсолютного большинства, присоединятся позже...» [13, л. 30].

Там же содержались объяснения причин невключения полуострова в границы УНР и обоснования его дальнейшей интеграции: «Такой способ установления границ сначала только в общих чертах, объясняется также и тем, что тогда Украинская Республика рассматривалась только как федеративная часть России. Также и Крым, если бы он присоединился добровольно к Украине, должен был быть также федеративной единицей России, и таким образом авторы III Универсала понимали, что связи с Крымом, этим стратегическим и экономическим форпостом Украины, Украинское государство не теряет. Сейчас же, когда окончательно стала Украина на путь полной политической независимости, связь с Крымом как федеративной единицей несостоявшейся Всероссийской Федерации может оборваться целиком, и поэтому теперь, когда украинские войска, с помощью дружественного нам немецкого войска, захватили Крым в свои руки, встал вопрос о присоединении Крыма к Украинской Державе. Притом ... понимая разные отличия в жизни Крыма ... правительство считает, что присоединение Крыма может произойти на автономных основаниях» [13, л. 30].

Российские власти (Совнарком РСФСР) решительно отвергал притязания украинцев на Крым, как и применение этнографического критерия при разграничении, придерживаясь озвученной еще 17 апреля 1918 года позиции. В постановлении российского СНК отмечалось: «Губернии: Курская, Орловская, Тульская, Воронежская, Область войска Донского и Крым даже по одностороннему заявлению Киевской рады, воспроизведенном и заверенном в радио германского правительства от 29 марта 1918 года, входят в состав Российской Федеративной Советской Республики» [22, с. 123]. Российская сторона настаивала на оставлении не только спорных территорий, но и сама рассчитывала присоединить отдельные районы Харьковщины, Черниговщины и Екатеринославщины.

Под давлением немецкой стороны, лишь 22 июня 1918 г. российская и украинская делегации пришли к соглашению о принципах формирования государственных границ. В итоге при определении российско-украинской границы стороны будут в равной степени учитывать поли-

тические, экономические и другие интересы народов, опираясь при этом на этнографические критерии. Однако было оговорено, что в ряде случаев в спорных местностях следует «проводить свободный опрос населения под надзором совместных комиссий при условии освобождения этих территорий от воинских сил как одной, так и другой стороны. При этом вопросы, которые не будут решены путем переговоров, предполагалось рассмотреть в международном суде» [24, с.304–305].

В июне 1918 г. немецкие оккупанты сформировали на полуострове марионеточное правительство во главе с бывшим царским генералом М. Сулькевичем. В административно-территориальном плане это квазигосударство, пребывавшее до конца ноября 1918 года под полным контролем оккупационных войск под командованием генерала Р. фон Коша, опиралось на старое уездное деление. Правительство Сулькевича отменило все советские декреты и распоряжения и возобновило действие законов бывшей Российской империи. Административно-территориальные контуры были зафиксированы правительственным «Положением об учреждении управления Крымской Краевой Внутренней Стражи,

Глава Крымского Краевого правительства М. Сулькевич

окружных, уездных, городских и судебно-уголовных отделов и отделений названной Стражи» [24, с.207]. Заметим, что немцы не собирались признавать статус Крыма в качестве самостоятельного актора международных отношений, тогда как Украина, чьи органы власти также находились под их полным контролем, получила с их стороны признание независимости, как еще и от 30 других государств. Рассматривая Крым в качестве своей колонии, за период оккупации немцы вывезли из военного порта Севастополя различных запасов на сумму 2,55 млрд рублей [27, с.295]. Имеются сведения, что еще в мае полуостров посетил имперский министр колоний [31, с.95], очевидно рассчитывая наладить си-

стему централизованного грабежа Крыма и вывоз награбленного в Германию.

Слабую дееспособность крымского правительства и экономическую уязвимость полуострова понимали не только в Берлине. В начале июля 1918 г. Украинская Держава предприняла таможенную блокаду полуострова, надеясь склонить в конечном итоге правительство М. Сулькевича к принятию Крымом украинского суверенитета. Правительство Скоропадского полностью перекрыло все поставки на полуостров по железной дороге и морю, за исключением тех, которые шли на нужды немецких гарнизонов в Крыму, свернуло все торговые операции и почтовую связь [11, л. 8]. Параллельно, украинцы активно апеллировали к немецким властям, указывая на необходимость передачи Крыма под власть Киева.

Важно отметить, что на ухудшение крымско-украинских отношений во многом повлияла антиукраинская позиция крымского правительства М. Сулькевича. Еще в начале июня он выдал местным властям распоряжение, где требовал: «Ни в какие отношения с правительством Украины не вступать, а в случае получения требований от правительства Украины, такие не выполнять» [11, л. 27об]. Более того, крымские власти стали «бороться с украинской пропагандой» [31, с. 96], начав преследование украинской прессы. Правительство Сулькевича отказывалось принимать адресованные крымским властям официальные бумаги и телеграммы, напечатанные на украинском языке. С территории полуострова были выдворены украинские уездные старосты. Кроме того, неурегулированность пограничного вопроса приводила к стычкам между пограничниками. В инструкции об обустройстве границы с Украиной Крымское Краевое правительство пыталось оставить за Крымом стратегический Чонгар с соляными промыслами и Арабатскую стрелку, на которые претендовали украинцы, предлагавшие провести границу южнее Перекопа.

Гетман Украинской Державы П. Скоропадский

В итоге в г. Перекоп обе стороны сформировали свои городские думы и комендатуры, что еще больше накалило ситуацию [19, с.34–35]. По словам министра иностранных дел Украинской Державы Д.Дорошенко, «...тогда пришлось принять репрессии с нашей стороны. Достаточно было объявить экономическую блокаду полуострова. Я настоял в Совете Министров на объявлении "таможенной войны" с Крымом» [31, с.96].

Экономическая блокада полуострова привела к ухудшению продовольственного положения в Крыму. На фоне собранного достаточно высокого урожая овощей и фруктов, оказавшихся под угрозой гибели, отмечался большой недобор в части зерновых культур, основные посевные площади которых приходились на три северных уезда Тавриды, отошедших к Украине. В итоге, потребительские цены в Крыму резко подскочили, отмечался острый дефицит зерна, сахара, продукции животноводства, а в Симферополе и Севастополе ввели продуктовые карточки.

Зерновой дефицит на полуострове отмечался и в относительно урожайном 1917 году, когда для нужд крымчан власти вынуждены были ввезти 553341 пудов хлеба. В 1918 году урожай зерновых на полуострове оказался еще более низким. Отмечается, что «в Перекопском уезде хлеб выкосили на корм скоту, а весь относительно удовлетворительный урожай Евпаторийского уезда забрали немцы. Можно было рассчитывать на какую-то часть зерна с полей Феодосийского и Симферопольского уездов» [31, с.101]. В этой ситуации на правительство М.Сулькевича оказывалось давление со стороны предпринимателей, требовавших возобновления приостановленных связей с Украиной. 5 сентября 1918 года в Симферополе на съезде садоводов приняли обращение к украинскому и крымскому правительствам, в котором содержалась просьба прекратить таможенную войну, которая «тяжело отражается на экономическом благосостоянии полуострова» [31, с.102–103].

Под давлением экономической блокады и немцев, прямо указавших в телеграмме имперского правительства от 10 сентября 1918 г. начать с Украинской Державой переговоры о слиянии, М.Сулькевич вынужден был согласиться приступить к переговорам при посредничестве немецких властей. 16 сентября командующий немецкими войсками в Крыму генерал Р. фон Кош сообщил Симферополю, что в Берлине решили «согласится на политическое соединение Крыма с Украиной на основах автономного внутреннего управления. Норма соединения должна быть выработана совместно с представителями Украинского Правительства» [31, с.105]. После чего Крымское Краевое правительство приступи-

ло к формированию делегации на переговоры о вхождении полуострова в состав Украинской Державы.

В свою очередь правительство П. Скоропадского, получив информацию о намерении крымских властей вступить в переговоры об условиях объединения, 18 сентября 1918 г. постановило: «временно прекратить таможенную войну при условии немедленной присылки представителями Крыма в Киев уполномоченных ими лиц для открытия вышеупомянутых переговоров...» [9, л. 62]. Узнав о подготовке крымской делегации к отъезду в Киев, украинское правительство решило отправить М. Сулькевичу «телеграмму с указанием того, что делегация должна иметь полномочия для обсуждения не только экономических, но и политических вопросов» [9, л. 5 об]. В начале октября 1918 г. в Киев была направлена правительственная делегация во главе с министром юстиции А. Ахматовичем, получившим «право совместно с членами делегации подписывать от имени Крымского Краевого Правительства все соглашения, договоры и другие акты, которые будут выработаны Крымским и Украинским Уполномоченными» [10, л. 1].

Во время переговоров было рассмотрено несколько вариантов воссоединения. Украинцы разработали вариант с 19 пунктами условий, предлагая соединить Крым «с Украиной на правах автономного края под единой Верховной властью Его светлости господина Гетмана. ...Крымский край имеет Краевое Правительство и Краевые народные Собрание, а также право местного законодательства в пределах компетенции Краевого Правительства» [31, с. 113]. Крымская делегация, в свою очередь, предъявила свои контрпредложения, состоявшие из 6 пунктов. Крымчане предлагали, чтобы «Крым, опираясь на декларацию своего Краевого Правительства от 12/25 июня 1918 г. ... установил с Украинской Державой федеративный союз. Взаимоотношения участников этого союза в сферах политической, экономической, финансовой, судебной и административной определяются соответствующими соглашениями, основой которых должна служить братская согласованность внешней политики членов союза, причем члены союза, обладая каждый своей собственной верховной властью, пользуются в другом полной, в пределах упомянутых соглашений, самостоятельностью» [29, с. 11].

Кроме того, на заседании подкомиссий следовало выяснить ряд актуальных вопросов, «скорое решение которых вызывается потребностями и интересами широких слоев населения Крыма и Украины». Среди них было уточнение «сухопутных границ Крыма и Украины. В связи с этим вопросом находится и другой – об отношении Таврического губернского

земства к трем украинским уездам: Мелитопольскому, Днепропетровскому и Бердянскому» [29, с. 12]. При обсуждении принципов Краевой Конституции, крымская делегация не приняла украинский вариант, а глава делегации А. Ахматович заявил главе украинской делегации Ф. Лизогубу: «Проект соединения, представленный вами, – есть проект порабощения» [11, л. 50об]. Не желая покидать переговорный процесс, крымская делегация попросила время на обдумывание украинских предложений.

30 октября 1918 г. в Киев прибыли новые члены крымской делегации – генерал Извеков и сенатор Никифоров, которые продолжили переговоры. Стороны достигли предварительного соглашения о вхождении Крыма в состав Украины на правах автономии [11, л. 50об]. Однако завершение Первой мировой войны (11 ноября) и революционные события в Германии повлияли на остановку переговорного процесса, а немецкие воинские части были отозваны на Родину. В это время на Украине началось антигетманское восстание во главе с Симоном Петлюрой, вызванное, среди прочего, стремлениями гетмана сохранить власть и заигрываниями с идеей строительства Всероссийской Федерации. В это же время в Крыму 14 ноября правительство М. Сулькевича ушло в отставку, а 15 ноября на съезде представителей городов, уездов и волостных земств был сформирован второй состав Крымского Краевого правительства во главе с Соломоном Крымом, отстаивавшим позиции единой и неделимой России. 17 ноября 1918 г. в Киев пришла телеграмма из Симферополя, в которой сообщалась: «Сегодня вступило управление Крымом новое правительство запятая которое задачей выше всех стоящей считает возрождение единой великой России» [11, л. 52]. Таким образом, планы гетмана П. Скоропадского о вхождении Крымского полуострова в состав Украины не были реализованы, а сама идея пребывала после этого в забвении 36 лет.

Таврида в хаосе Гражданской войны: особенности образования советской республики в Крыму

В годы Гражданской войны военно-политические события менялись с калейдоскопической быстротой. К власти на Украине и в Крыму приходили различные силы, порой с диаметрально противоположными программами развития. Пришедшие к власти большевики, вынашивавшие планы строительства федерации братских советских социалистических республик, намеревались оптимально разрешить административно-территориальный вопрос. 25 февраля 1919 г. в Москве на специальном Межведомственном совещании по вопросу установления границ с Украиной

решили вернуться к дореволюционным губернским границам. В частности, на юге российско-украинская межреспубликанская граница проходила по Перекопу [25, с. 152]. 10 марта Украинская ССР заключила «Договор о границах с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой». Согласно ему, административные границы УССР ограничивались 9 губерниями: Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской, Херсонской, Харьковской, Екатеринославской, Черниговской, и Таврической [8, л. 70].

Весной 1919 г. на всей территории Таврической губернии была восстановлена советская власть. Важно заметить, что большевики оставили северные уезды (Мелитопольский, Днепровский и Бердянский) в составе УССР, посчитав их украинскими. Политбюро ЦК РКП(б) в принятом постановлении от 23 апреля 1919 г. решило: «Признать желательным создание Крымской советской республики» [21, с. 24]. Ее создание было официально провозглашено 28 апреля на VI Крымской партийной конференции, одобдившей решение ЦК РКП(б) о создании в Крыму советской республики. Прибывший в Крым член Политбюро ЦК РКП(б) Л. Каменев получил 1 мая телеграмму от главы СНК УССР Х. Раковского. В ней говорилось, что «политические границы Крыма соответствуют его географическим границам, то есть до перешейка» [21, с. 27].

Интересные сведения о характере взаимоотношений Крымской республики с Москвой приводят П. Гарчев и В. Овод. Они выяснили, что «в официальных документах и декретах Крымская республика (как и республика Таврида в 1918 г.) не называлась автономной. Поскольку смысл заключался в том, чтобы военные действия с антантовскими интервентами вела независимая от РСФСР республика» [21, с. 30]. Однако в принятом Политбюро ЦК РКП(б) 28 мая специальным секретном решении по статусу Крымского правительства и Крымского обкома партии речь идет о прямом подчинении крымских органов власти ВЦИКу и всероссийским наркоматам, «распоряжения которых обязательны для наркомов Крыма» [5, л. 3]. Другие авторы отмечают дуализм положения Крымской республики, воспринимая ее как территориальную автономию в составе РСФСР, так и в качестве федеративной республики. В связи с этим часто приводят приказ наркома здравоохранения КрССР Д. Ульянова от 9 мая, где он сообщает: «Сего числа я вступил в исполнение обязанностей народного комиссара здравоохранения и социального обеспечения Крымской советской федеративной республики» [16, с. 98]. Очевидно, на местах считали статус крымских органов власти в качестве независимого и равноправного по отношению к другим совет-

Секретный Архив Ц. К. В. Р. П. (6)

Кив. № 49

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЮРО ОТ 23 АПРЕЛЯ 1919 ГОДА.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т. т. Ленин, Сталин, Крестинский, Калинин, Смирляг и Сиклянский.

1. Меры, связанные с военным положением.
- II. Украина.
- III. Крым.

1. -1) Запросить от Реввоенсовета к заседанию совета обороны в понедельник представление точных сведений о том, сколько живой силы может впитать наша армия в течение 2-х месяцев, а также: а) что представляют на себя кадры всеобща, кроме посланных уже на фронт; б) какова обстановка численности кадров всех запасных батальонов; в) сколько запасных батальонов можно без ущерба для дальнейших формирований вернуть в новые боевые единицы; г) как предполагает Реввоенсовет распределить ближайшие новые 100.000 призывных.

2) Предложить Реввоенсовету разработать план распределения запасных батальонов между армией и дивизиями и усилению контроля фронта над формированием частей, а также план перенесения запасных батальонов в более хлебные, ближе к фронту места.

3) Подтвердить Наркомам, что ни один бывший офицер коммунист не может быть оставлен ни в одном комиссариате, а все должны идти в армию.

4) Предложить Организационному Бюро в течение 2 месяцев устраивать агитационные поездки по району мобилизации и формирования крупных работников агитаторов. На Петроградских рабочих выбрать 50 человек лучших людей и, по прохождении ими краткого курса у Смирляг, присоединять по несколько человек к каждому из развозящих крупных агитаторов.

5) Поручить Всер. Центр. Совету Проф. Союзам поддержать инициативу петроградских профессионалистов, мобилизовавших 10% профессионально-организованных рабочих и предложить им провести те же меры во всех провинциальных фабрично-заводских центрах. Порядок направления мобилизованных рабочих в части установить по предварительному соглашению со Смирляг.

6) Поручить Реввоенсовету Республики в двухдневный срок внести проект декрета об обязательном привлечении каждой волости от 10 до 20 человек красноармейцев из наиболее надежных людей, за политическое настроение и боееспособность которых ручается волость. Предложить Организационному Бюро циркулярно признать деревенские партийные ячейки приложить все старания к тому, чтобы этот декрет срочно был проведен в жизнь.

7) Повторить распоряжение ЦК местным организациям об обязательном командировании партийных работников для сопровождения едущих на фронт эшелонов. Предложить военному ведомству издать приказ Губвоенкома, чтобы они при отправке эшелонов требовали от местного исполкома или его агитационного отдела работников с соответствующими рекомендациями для следования с эшелоном.

8) Поручить Реввоенсовету Республики принять самые срочные меры к уничтожению территориальных формирований.

9) Поручить Смирляге познакомиться во Всеросглавштабе со всем планом мобилизации.

10) Поручить Совету обороны пригласить Смирлягу с советательным голосом в понедельник 26 апреля.

11) Ввести в отдел военных заготовок Выссовнархоза (ЦОВ-ЗАК) представителя от военного ведомства на правах члена код-

2.

легии отдела. Вести таких же представителей в Губернский и Уездные отделы военных заготовок (Крестинскому поговорить с Рыковым).

12) Т. Эйсмонта из Петрограда и приехавших с ним сотрудников вести в ЦУС (исполнение Склянского по соглашению с Калининским).

13) Сообщать всем редакторам центральных органов ЦК и ЦИК также и центрпечати и Кинокомитету о необходимости развить самую широкую агитацию против дезертирства. Назначить на понедельник в Совете обороны доклады всех редакторов, Малкина о предпринятых уже шагах и планы дальнейшей агитации.

14) Поручить Каменеву взять на себя руководство наладочными в Украине военного имущества по указанию Цуса. Сообщить это Раковскому, как директиву ЦККПУ.

15) Потребовать от Украинского командования присылки сюда из Украины всех сданных офицеров, для использования их на других фронтах с тем, что нужное количество для украинской армии командного состава будет послано Наркомвоен из России.

16) Всех мобилизованных петроградцев разбить на 3 группы: а) 100 более ответственных работников отдать Смилге; б) около 3 тысяч направить в бригаду всеобщего формирования около Смерени; в) остальных в бригаду всеобщего формирования на Дону с тем, чтобы назначение этой бригады по окончании на тот или иной фронт было решено не южным фронтом, а Реввоенсоветом.

17) Заседание Политического Бюро, посвященное специально военным вопросам в частности отчет о выполнении сегодняшних постановлений назначить на среду 30-го апреля.

П. -1) Дать Украинскому ЦК и Украинскому военному командованию два задания: а) занять Донецкий бассейн и б) установить непрерывную связь с Венгрией.

2) Предложить ЦККПУ побавить на свое обсуждение вопрос о том, при каких условиях, когда и в какой форме может быть проведено сдвигание Украины с Советской Россией.

3) Тов. Моффе, в соответствии с постановлением пленума направить в состав Украинского правительства для усиления там централистских элементов.

И. -1) Признать желательным создание Крымской Советской Республики.

2) Запросить тов. Раковского нет ли у ЦККПУ подходящих кандидатов для занятия поста председателя Крымского Совнаркома, в частности, каково мнение ЦККПУ относительно кандидатуры тов. Артема.

Генерал А.И.Деникин

Генерал барон П.Н.Врангель

ским республикам. Тем не менее вопрос реального статуса и места Крымской советской республики в существовавшей в тот период советской системе органов власти и управления по-прежнему далек от оптимального разрешения и остается предметом научных дискуссий.

Июньское наступление Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) застигло врасплох руководство КрССР, оказавшееся неготовым к отражению наступления противника. 24 июня 1919 г. советские структуры покинули Симферополь, эвакуировавшись на материк, а 26 июня Крымская Советская Социалистическая Республика прекратила свое существование. С июня 1919 по март 1920 г. Правительство Юга России, стоявшее на позициях «единой и неделимой России», восстановило границы Таврической губернии, вернув 25 сентября в ее состав ранее отторгнутые Украиной три северных уезда [2, л. 1]. 19 сентября 1919 г. решением А. Деникина была образована Новороссийская область, куда вошли территории Таврической и Херсонской губерний, а Бердянский уезд был передан в состав Екатеринославской губернии [23, с. 303]. 25 июня 1920 года, с изменением военно-политической обстановки, решением нового лидера Белого движения – барона

П. Врангеля – Таврическая губерния вновь была восстановлена в дореволюционном составе [26, с. 544] и просуществовала в таком виде до конца октября 1920 года. Правительства Юга России довольно активно меняли административно-территориальную конфигурацию Тавриды в 1919–1920 гг. Новые власти отошли от старого губернского деления, ввиду надвигавшегося краха идеи восстановления «единой и неделимой России» и очевидной катастрофы для всех оппозиционных большевикам сил, а также невозможности сохранять границы в прежнем виде.

Успешное осеннее наступление войск Красной армии привело к тому, что к концу осени 1920 года на всей территории Тавриды была восстановлена советская власть. Сначала всю полноту власти сосредоточили в своих руках чрезвычайные органы: военно-революционный комитет (Крымревком), а на местах активно создававшиеся местные ревкомы. Большевики вновь возвратили Бердянский, Днепровский и Мелитопольский уезды в состав Украинской ССР. Этим решением, по сути, признавался украинский суверенитет над спорными уездами Северной Таврии и раздел Таврической губернии между двумя советскими республиками. В декабре 1920 г. были созданы Керченский и Севастопольский уезды, а приказом Крымского ревкома от 8 января 1921 г. №206 «Об изменении административных границ» Перекопский уезд был переименован в Джанкойский [18, с. 655]. Тогда же волостное деление в уездах заменили на районное. Важно отметить, что в тот период советское руководство при административно-территориальном форматировании региона исходило в первую очередь из возможного решения данным субъектом народно-хозяйственных задач. Этим в первую очередь объясняется соответствующая конфигурация Тавриды в начале 1920-х гг.

Восстановление республиканской формы в многонациональном Крыму затянулось практически на год, до осени 1921 года. Этот процесс достаточно подробно разобрал известный исследователь В. Солдатенко. По его мнению, обсуждение шло вокруг четырех проектов – территориальной Советской республики, национальной Советской республики, автономной Советской республики и автономной области. На принятие проекта создания автономной Советской республики повлияла позиция уже довольно опытного к тому времени главы Народного комиссариата по делам национальностей – И. В. Сталина [71, с. 21]. Эту точку зрения поддержали Крымский ревком и обком РКП(б), посчитав: «Признать наиболее желательным подчинить Крым непосредственно Москве на положении автономной единицы, присвоить ей название "Крымская автономная область"» [34, с. 22]. Именно И. Сталину Политбюро ЦК РКП(б)

поручило 30 апреля 1921 г. внести проект создания автономии в Крыму в Совнарком и ВЦИК, «создав для детального изучения вопроса полномочную комиссию...» [6, л. 1]. 16 мая 1921 г. на Пленуме ЦК РКП(б) приняли решение о создании Крымской Автономной Социалистической Советской Республики по территориальному принципу, о чем было сообщено крымским товарищам [34, с.23]. 24 мая 1921 г. протокольным постановлением Политбюро ЦК РКП(б) было подтверждено «постановление об образовании Крымской Республики» [7, л.2].

После всех необходимых согласований, постановлением ВЦИК и СНК от 18 октября 1921 г., крымские уезды, преобразованные в округа, вошли в состав созданной Крымской АССР в составе РСФСР. В п. 1 отмечалось, что республика образовывается «в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченско-го, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинско-го» [33, с.1]. 1-й Всекрымский учредительный съезд Советов 7 ноября провозгласил образование Крымской АССР, приняв там же Конституцию Крымской ССР. В статье 3 констатировалось: «КрымССР заявляет

Границы Крымской АССР

о своей твердой решимости остаться одной из составных частей общей федерации великой Российской республики на началах тесного и полного политического и экономического объединения для совместной борьбы за торжество коммунистической революции. Исходя из этого КрССР принимает и вводит в действие на всей территории Крыма все законодательные акты, которые действуют в РСФСР, как те, которые уже действуют, так и те которые будут издаваться позже» [27, с.465].

Следует согласиться с мнением В.Солдатенко, считающего ответственными и надуманными более поздние дискуссии о том, была ли Крымская республика 1921 г. национальной или же территориальной автономией. Как и неприемлемы рассуждения о якобы заигрывании Москвы с кемалистской Турцией и выдвижении на руководящие должности людей преимущественно крымско-татарского происхождения. Как и некорректны утверждения об идеальности крымского опыта при строительстве многонациональных советских автономий. Ученый убедительно доказал, что имеются все основания считать процесс становления КрАССР в качестве «воплощения в жизнь территориального принципа» [34, с.26]. Более того, «создание Крымской АССР шло в русле реализации стратегической цели: федеративного объединения государств, организованных по советскому типу» [34, с.29]. Достаточно спокойно установленные межреспубликанские границы, разделившие Тавриду между УССР и РСФСР, поставили точку в пограничном вопросе. Как и обретенный Крымом в аналогичном ключе статус на долгие годы определил исключительно ровный характер крымско-украинских отношений.

Заключение

Как видим, административно-территориальные трансформации в Тавриде протекали весьма бурно и динамично. Крушение Российской империи, падение династии Романовых и последовавшая за этим длительная Гражданская война отразились на Таврической губернии самым непосредственным образом. Таврида стала ареной противостояния различных внутри- и внешнеполитических акторов, претендовавших на ее территории. Возникшее на обломках Российской империи молодое украинское государство активно проецировало территориальные претензии на всю Таврическую губернию. Опираясь на немецкие войска, оккупировавшие в 1918 году всю губернию, Украина намеревалась добиться от немецкого руководства согласия на передачу Крыма под свою юрисдикцию. Однако геополитические события, связанные с поражени-

ем Германии в Первой Мировой войне, обусловили изменения в балансе сил, и в итоге вопрос крымско-украинской интеграции потерял актуальность. Постепенно, с обретением большевиками военно-политической субъектности, государственный статус Крыма оформился в виде республиканской автономной территориальной единицы в составе РСФСР.

Важно отметить, сам процесс определения статуса и административно-территориального форматирования Тавриды завершился ее разделом между УССР и РСФСР. Российско-украинский раздел Тавриды оказался не самым удачным. И сегодня на разных уровнях звучат территориальные претензии и публикуются псевдонаучные спекуляции. Вне всякого сомнения, этот вопрос еще долгое время будет привлекать внимание как профессионального научного сообщества, так и обычных граждан.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.П.-150. Оп.1. Д.118.
2. ГАРК. Ф.Р.-2235. Оп.1. Д.16.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.130. Оп.2. Д.581.
4. ГАРФ. Ф.Р.130. Оп.2. Д.669.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.9.
6. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.157.
7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.169.
8. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). Ф.2. Оп.1. Д.18. Ч.1.
9. ЦГАВОВУ. Ф.1064. Оп.1. Д.11.
10. ЦГАВОВУ. Ф.3696. Оп.2к. Д.6.
11. ЦГАВОВУ. Ф.3766. Оп.1. Д.132.
12. ЦГАВОВУ. Ф.3766. Оп.1. Д.133.
13. ЦГАВОВУ. Ф.3766. Оп.1. Д.186.
14. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО). Ф.57. Оп.2. Д.207.
15. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К., 1994. 168 с.
16. Бикова Т. Створення Кримської АСРР (1917–1921 гг.). К.: Інститут історії України НАН України, 2011. 247 с.
17. Бойко О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П.Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип.3. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. С.223–231.

18. Большая Российская энциклопедия: в 34 т. / научно-редакционный совет: председатель Ю.С.Осипов и др. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2016. Т.31. 766 с.
19. Бутовский А. К вопросу о крымско-украинской таможенной войне в 1918 году // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017, Том 9. №3/2. С.33–41.
20. Гарчев П.І., Кононенко Л.П., Максименко М.М. Республіка Тавріда. К.: Політвидав України, 1990. 125 с.
21. Гарчев П.І., Овод В.В. Про створення Кримської Радянської Республіки в 1919 р. // Український історичний журнал. Київ. 1992. Вип.4. С.22–31.
22. Декреты Советской власти (далее – ДСВ). Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. 624 с.
23. Ефимов С. А. Административно-территориальные преобразования и опыты крымской государственности в годы Первой Мировой войны // Первая Мировая война и Крым. Проблемы истории Крыма. Вып. 1. Сб.-к статей / под ред. А.В.Мальгина. Симферополь: Антиква, 2015. 240 с. С.198–210.
24. Єфіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.
25. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С. 135–176.
26. Зарубин, А.Г., Зарубин, В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е. изд. Симферополь: АнтикВА, 2008. 728 с.
27. История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В.Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т.2. 792 с.
28. Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. К.: «Філософська та соціологічна думка», 1992. 332 с.
29. Крымско-украинские переговоры. Сборник документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского правительства 26 сентября – 16 октября 1918 г. Симферополь, 1918. 18 с.
30. Монкевич Б.Г. Похід Болбочана на Крим: спогади сотника Армії УНР та його бойових побратимів: [мемуари]. Ред.-упоряд. Р.Коваль. – Київ: Іст. клуб «Холодний Яр»: Наш формат, 2014. 268 с.
31. Сергійчук В.І. Український Крим. К.: Українська Видавнича Спілка, 2001. 302 с.
32. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.
33. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Крымской социалистической советской республики: Нар. ком. юстиции КрССР. Симферополь, 1922, 1 февраля, №1.
34. Солдатенко В.Ф. «Образовать автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику как часть РСФСР»: И.В.Сталин и создание Крымской автономии (1921 год) // Россия XXI. 2018, №1. С.6–35.

Будь все тихо и чинно,
будь везде комплименты
и вежливости, тогда какой
простор для бессовестности,
шарлатанства, невежества:
некому обличить, некому
изречь грозное слово!

Виссарион Белинский

Самокритика безусловно
необходима для всякой
живой и жизненной
партии. Нет ничего пошлее
самодовольного оптимизма.

Владимир Ленин

Андрей Юрганов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

КАК СТАЛИНСКАЯ ШУТКА СТАЛА ЭПИЦЕНТРОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО (1928 ГОД)

УДК
930.02

В статье рассматривается ситуация, когда в эпицентре сталинской идеологической кампании оказалась шутка вождя о том, что среди коммунистов есть такие «лакированные», которые не хотят критиковать себя, хотя «самокритика» является требованием большевистской партии после разгрома объединенной оппозиции. Шутка о «лакированных» стала основанием для сатирических очерков журналиста Б. Самсонова, написанных для журнала «Крокодил». Самсонов придумал целую галерею тех, кого можно было бы назвать сталинским словом «лакированные». Однако шутка вождя партии подвигла Самсонова написать не в юмористической манере, а в сатирической. И вышло не то, что ожидалось. Образы «лакированных» людей оказались созвучны «духам русской революции», о которых писал русский философ Н. А. Бердяев.

The article examines the situation when the epicenter of Stalin's ideological campaign was the leader's joke that there were those "lacquered" among the Communists who did not want to criticize themselves, although "self-criticism" was a requirement of the Bolshevik Party after the defeat of the united opposition. The joke about the "lacquered" was the basis for satirical essays by journalist B. Samsonov, written for the magazine Crocodile. Samsonov came up with a whole gallery of those who could be called by Stalin's word "varnished". However, the joke of the leader of the party prompted Samsonov to write not in a humorous manner, but in a satirical manner. And it did not come out as expected. The images of "lacquered" people were consonant with the "spirits of the Russian revolution", about which the Russian philosopher N. A. Berdyaev wrote.

Ключевые слова: сталинизм; объединенная оппозиция; Сталин; Троцкий; журнал «Крокодил»; кампания «критики и самокритики».

Key words: Stalinism; United Opposition; Stalin; Trotsky; Crocodile magazine; campaign of "criticism and self-criticism".

E-mail: lurganov@yandex.ru

Сталинизм – явление многослойное. Одно из проявлений этого феномена – цитирование вождя партии и усвоение цитаты в масштабах развернутой политической кампании. Первой такой кампанией, означавшей, что началась идеологическая атака на советское общество, была кампания по критике и самокритике, развернувшаяся в 1928 г. как следствие победы Сталина над объединенной оппозицией на XV съезде партии и как стратегическая цель – подавление любых попыток сопротивления тоталитарной власти.

В докладе Сталина на собрании актива Московской партийной организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. было сказано, что закончивший свою работу апрельский Пленум ЦК и ЦКК впервые за два года прошел без «внутренней партийной драки». Сталин отметил, что «легкая победа» над оппозицией – это «плюс для партии», но возможен и «минус», если возникает опасность «почить на лаврах, предаться покою, заснуть маленечко и закрыть глаза на недостатки нашей работы» [11, с. 30]. Апрельский пленум ЦК и ЦКК прошел, как заявил генеральный секретарь партии, в обстановке «жесточайшей самокритики». За этим фасадом правильных слов и правильных жестов, логически безупречных, – в самом деле, а что делать, если нет оппозиции? – разворачивалась острейшая борьба с так называемым «правым уклоном», прежде всего, с теми «вождями партии», которые мешали Сталину обрести полновластие. Как и предсказывал Лев Троцкий, расправившись с «левыми», Сталин обязательно начнет кампанию против «правых» (Бухарина, Рыкова, Томского). Однако и этого Сталину показалось мало. Он захотел не только укоротить влияние упомянутых вождей, но и начать наступление по всему фронту, который отделял рвущуюся к полной власти бюрократическую группировку от еще нэповского общества, во многом не отформатированного под полное и беспрекословное послушание партии.

Кампания критики и самокритики – первая идеологическая кампания, ставившая перед собой цель – заставить каждого человека, не только высшего партийного чиновника, подумать о своих ошибках, заблуждениях, чтобы начать себя критиковать.

Тот, кто сопротивляется самокритике, сопротивляется партии большевиков.

В своем докладе Сталин подчеркивал, что лозунг самокритики «лежит в основе диктатуры пролетариата». «Если наша страна является страной диктатуры пролетариата, а диктатурой руководит

одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не может делить власти с другими партиями, – то разве не ясно, что мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед, разве не ясно, что их некому больше вскрывать и исправлять. Не ясно ли, товарищи, что самокритика должна быть одной из серьезнейших сил, двигающих вперед наше развитие?» – говорил Сталин [11, с. 29].

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не сделал следующий ход, превращающий кампанию рациональную с понятными задачами в кампанию, которая заставляла любого человека ощущать себя «всегда виноватым», ибо невозможно без санкции свыше определить, где критика недостатков партии переходит в злобную критику Советской власти и большевизма.

Сталин говорил: «...нам нужна самокритика – не та критика, злобная и, по сути дела, контрреволюционная, которую проводила оппозиция, а критика честная, открытая, большевистская самокритика» [11, с. 30]. Генсек всегда стремился создать ситуацию, когда никто, кроме него, главы партии, не может претендовать на знание этого различия критики позитивной и критики антисоветской. Удар был нацелен на два объекта: первый – это «вожди» партии, второй объект – это «массы». Между ними образуется связь. Сталин так и сказал: «...исторически создалась группа руководителей, авторитет которых поднимается...» [11, с. 31].

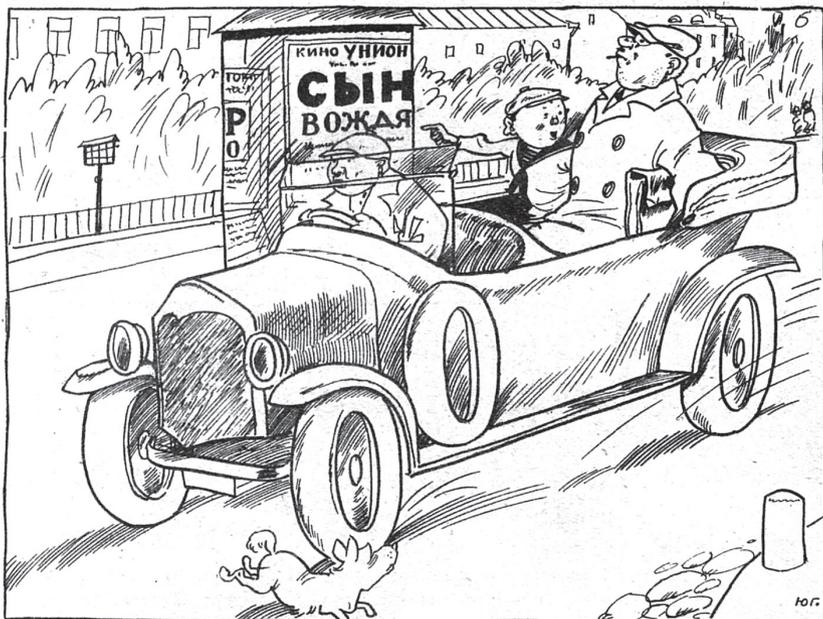
Проблема «масс» для Сталина – это проблема подчинения не всем или разным вождям партии, а единственному вождю...

В своем докладе он весьма странно пошутил. Смех в аудитории зафиксирован стенограммой, а что рассмешило – не вполне ясно. Сталин сказал: «Я знаю, что в рядах партии имеются люди, недолюбливающие критику вообще, самокритику в особенности. Эти люди, которых я мог бы назвать "лакированными" коммунистами (с м е х), то и дело ворчат, отмахиваясь от самокритики: дескать, опять эта проклятая самокритика, опять выворачивание наших недостатков, – нельзя ли дать нам пожить спокойно? Ясно, что эти "лакированные" коммунисты не имеют ничего общего с духом нашей партии, с духом большевизма» [11, с. 28].

Слова Сталина о «лакированных» коммунистах стали эпицентром идеологической кампании, в которой была использована не только общепартийная фраза, с которой соглашался Сталин, не только общепартийный тезис, проговоренный Сталиным, не только общепартийная

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЮНОША

Рис. Ю. Ганфа

Журнал «Крокодил», 1928, №23, с.6

установка, предложенная Сталиным, но и его шутка, которую он лично придумал.

Он не сказал больше, чем сказал: какие-то не вполне понятные «лакированные» коммунисты не хотят ни критики, ни самокритики. Возможно, он имел в виду даже высший слой партийных руководителей – самих «вождей», но это объяснение доказать трудно, поскольку Сталин не стал ничего уточнять. Очевидно лишь только то, что «лак» для коммунистов – это своеобразная «защита» от самокритики, это просто нежелание «самокритиковаться».

В этих условиях журналисту Б. Самсонову было дано задание – написать для «Крокодила» серию очерков о «лакированных» коммунистах. Не просто написать о людях, которые не хотят критики и самокритики, а создать галерею «портретов» (!) тех, кого Сталин назвал «лакированными». Вот эта несоразмерность сталинской шутки, из которой мало что следует, и портретной галереи, изображающей типично «лакированных» – представляет особый исследовательский

интерес. Чтобы создать галерею портретов, нужно обладать воображением и концепцией воображаемого. Имя Сталина в этой кампании не упоминалось. Но и упоминать в такой ситуации нет особой потребности: все и так знали, кого цитируют. Вольно или невольно, но Самсонову была дарована свобода писать о том, о чем никто не говорил! Журналист опубликовал серию из семи очерков, которая получила название «Коллекция лакированных». Очерки были опубликованы в журнале «Крокодил» с 22-го по 28 номер за 1928 г. (июнь–июль).

Самсонов придумал семь персонажей, резко отличающихся друг от друга.

Первый из них – товарищ Симаков, неукротимый «сверхорганизатор», прожектор, создатель акционерного общества по «перекраске лесов и роц в агитационные цвета». Он начал строительство самого высокого здания, «Вавилонской» башни, «чтобы разместить в ней учреждения, аудитории, театры, библиотеки и общественные уборные всего города». В конце очерка было сказано: «Таков блестящий сверхорганизатор тов. Симаков, представитель коллекции лакированных» [2, с. 3]. Блеск авантюризма и прожектерства становится опознавательным знаком воздействия «лака» на окружающих.

Второй персонаж – Борис Юрьевич Низовой: он «для лакировки пользовался исключительно демократией. Демократией он лакировался и в личной жизни, и в служебной» [3, с. 6]. Низовой ездил рядом с шофером, с дворником играл в городки, уезжал на добрую половину лета на юг, стесняясь жить на отведенной ему большой даче, закрытой от глаз окружающих высоченным забором. На службе старался, чтобы сотрудники не переутомлялись от постоянных заседаний. Низовой направлял прения таким образом, чтобы обсуждение и принимаемое решение были заранее спланированы: «Пленумы, секции, комиссии и подкомиссии принимали безошибочно именно то, что нужно было принять, и отвергали только то, что подлежало отвержению» [3, с. 6]. На все заседания Низовой приходил со своей свитой, состоящей из столяра Панфилова и шофера Семячкина. Низовой блистал, «как хорошо отполированное красное дерево».

Третий персонаж – товарищ Чикулович. Он «талантливо» мелькал! «Чикулович проникал во всякие ред- и оргкомиссии, мелькал за столом президиума, в зале, раздавал литературу, объявлял со-

общения, мелькал даже во время докладов и речей» [4, с. 7]. Так он попадал на газетные страницы, где публиковались фотографии вождей партии.

Четвертый персонаж – товарищ Палиссандров, обладатель внушительного тела: «Он отпустил умеренное брюшко, на толстый, сочный нос водрузил круглые очки, и, в виде главного козыря, отрастил полупрофессорскую бородку. В результате получилось сооружение, производящее впечатление солидности и добротности» [5, с. 7]. Он тоже – «блестящий»: «...лакировка солидностью позволила тов. Палиссандрову благополучно блистать и дальше в ореоле государственной мудрости и делового спокойного величия» [5, с. 7].

Пятый персонаж – товарищ Сапогов: он «лакировался всегда только с одной стороны, а именно с той, которая обращена к руководителям и наставникам. Этой стороной он издавал блеск энергичного работяги и напористого администратора» [6, с. 5]. Другая сторона, нелакированная, «зияла головоотяпством и самой махровой дурью» [6, с. 5].

Шестой персонаж – женщина, товарищ Штольцева. Она лакировалась под «правоверную охранительницу революционных устоев». Сына назвала Серпом Молотовичем, а старшую дочь – Наковальной Молотовной. Убрала из квартиры малейшие признаки комфорта, облачилась «в потертую кожу и серенькую панамку, выдавшие виды, вооружилась рваным портфелем и начала удручать (курсив мой. – А.Ю.) человечество контрреволюцией» [7, с. 2].

Седьмой персонаж – товарищ Лапшин, игравший «в качестве спасительной лакировки, роль рубахи-парня, общего любимца и "души общества"». Его образ дан весьма красочно: «Несмотря на явно обременяющую полноту, Митя всегда сиял весельем и добродушием. Маленькие пупыристые глазки его задорно сверкали на рябом потном лице. Засаленный ворот русской рубашки всегда был отстегнут и свешивался клином в пухлую грудь. Тоненький ремешок с трудом поддерживал обширное, налитое пивом веселое чрево. С первого же взгляда легко можно было определить, что у Мити вся душа нараспашку. Митя, конечно, пил. Но пил он только в компании. Пил легко и весело. Умел вокруг выпивки объединить самые разнообразные пьющие единицы. А самое главное – умел устраивать пьянку на законном, так сказать, основании, вполне безопасно и даже идеологически обоснованно. Он был застрельщиком по устройству

всевозможных юбилеев, встреч, чествований и проводов. И всегда единогласно избирался в организаторы различных затей, неизменно кончавшихся возлиянием» [8, с. 7].

Типажи – разные. Никакого внешнего сходства: такова была одна из целей «коллекции лакированных». Чем шире и разнообразнее ряд – тем лучше.

Но если присмотреться к очеркам внимательно, то окажется, что, несмотря на принципиальные различия в описании лакированных личностей, все эти семь очерков объединяются одним общим мотивом, который с разной степенью яркости свидетельствует о психологическом состоянии общества, против которого направлена была сталинская кампания «критики и самокритики».

Этот общий мотив я бы определил метафорически: **успешное воздействиие ничтожного.**

Под «ничтожным» мною понимаются такие свойства человека, названные автором очерков, которые не дают никаких оснований для успешной деятельности, но тем не менее они не только не мешают продвижению по службе, но определяют ее успех и оказывают сильнейшее воздействие на общество, неспособное сопротивляться страху и насилию.

В ответ на строительство «централизованной башни», очевидной авантюры Симакова, люди пожимали плечами, обсуждали между собой безумный проект, демонстрируя бессилие и страх:

«Неужели выйдет что-нибудь? – интересовались одни.

Интересно, сколько украдут? – вычисляли другие.

Любопытно, сколько им припаяют – с изоляцией или с высшей мерой? – размышляли третьи.

Общественное мнение металось в трепете» [2, с.3].

«Трепет» в общественном мнении – то, что не надо придумывать: ведь чтобы сатирический образ был достоверным, требуется достоверность самой жизни, ибо высмеивается не фантастическое, а реальное. Ничтожный проходимец обладает огромной силой воздействия на общество. Агрессия его слов обезоруживает людей – они теряются, не могут ничего сказать.

«Заметив, что обыкновенные, нелакированные люди заняты упорной, кропотливой работой, он сейчас же поднимал крик:

"Кустарщина! Крохоборство! Мелкое делячество! Где революционный размах?! Где революционная ширь?! Где революционный темп?!"

Люди, даже *деловые*, от таких слов впадали в панику» [2, с.3].

Паника – типичная реакция, она повторяется. Становится узнаваемым общим местом.

«Чиновники! Бюрократы! У нас работы в разгаре! А вы хотите погубить революционные начинания! Правый уклон! Как только бывало крикнет тов. Симаков "правый уклон" – деньги сейчас же и давали. Потому правый уклон – обвинение очень тяжкое» [2, с.3].

Ключевые слова, вызывающие особый страх – «правый уклон». Автором подчеркнуто, каково это обвинение – «очень тяжкое».

Когда авантюры проваливались, Симаков уезжал лечиться за границу, потом возвращался как ни в чем не бывало и вновь поднимал знакомый крик:

«Кустарщина! Крохоборство! Делячество! Где революционная ширь? Где революционный размах?!» [2, с.3].

Если ничтожность деятельности Симакова раскрывается в безответном авантюризме, то товарищ Чикулович ничтожность своей деятельности даже не скрывает: «Шум – это я!». Но, будучи ничем и никем, мелькая среди вождей, он делает карьеру, – его награждают, продвигают вперед:

«А этот Чикулович, кажется, довольно расторопный и энергичный парень, – замечала какая-нибудь особа, ответственная во всех отношениях.

– Да, он постоянно на виду, – спешила согласиться другая, просто ответственная. И после этого Чикулович получал давно желанное новое назначение» [4, с.7].

«Демократ» Низовой ведет непрерывные заседания, пустые и бессодержательные. Люди подчиняются ему: «От заседавших требовалось сложнейшее искусство так называемой мимики. Лицо каждого заседателя должно было непрерывно изображать требуемое моментом

чувство. То нужно показать благодстную умиленность, то гражданскую скорбь или гнев, то беззаветную готовность, то беспредельный восторг. Одна и та же шутка председательствующего сегодня должна была вызывать ржанье, а завтра скромное подхихикивание» [3, с.6]. Приходя на ответственные заседания, Низовой брал с собой столяра и шофера. Они должны были «удручать заседавшую интеллигенцию», – и они удручали!

«Ну-ка, Панфилович, выскажи твою точку зрения, – распорядится, бывало, Борис Юрьевич, и Панфилов, откашлявшись в кулачище, начнет:

– Я, конечно, не оратор... Говорить, конечно, не могу... Но, промежу между прочим, ежели взять, к примеру, фрамугу, то фуганить тут нужно по масштабу ее широты...

Семячкин крыл по своей специальности:

– Что и говорить, это – действительно! Повело это у меня ось, разогрело подшипник, пришлось растачивать, подшипник наваривать, обошлось без притирики. Ну, а то раз конус выпал, скорость переменял, шестеренка в коробке и заела...

Интеллигенция делала вид, что понимает, а Борис Юрьевич глядел победоносно и торжествовал:

– "Эх, вы, аппаратчики!" – обзывал он мысленно угнетенных и неизменно выступал с речью о пользе демократии...» [3, с.6].

О Палисандрове сказано, что в нем не было «ни ума, ни таланта, ни квалификации»: ничтожный человек с внешним блеском. Своим внешним видом он не боялся вызвать негативной реакции: «В одежде он не допускал ни малейшего легкомыслия и подхалимства. Всегда носил чистое белье и в меру блестящие ботинки. Во время дождя брал зонтик, на что, как известно, не решался даже сам секретарь ячейки, боясь обвинения в *мещанстве и в правом уклоне* (курсив мой. – А.Ю.)» [5, с. 7]. Чем он компенсировал легкомыслие внешнего вида? Наружностью серьезного государственного мужа. Однако единственное, что ему было под силу, – это говорить: «передать в комиссию», чтобы скрыть свое полное ничтожество. Он соглашался на новые должности, в которых не надо было проявлять ум и деловые качества, чтобы вновь и вновь повторять: «передать в комиссию»...

Еще более тягостное впечатление производил товарищ Сапогов: он «был глуп от природы». «Ничего! Парень старательный... – говорили про Сапогова возглавляющие. – Правда, не очень умен, зато энергичен» [6, с. 5].

Он, как и Симаков, способен был подавлять своими словесными тирадами.

«Напором он блистал особенно в годы военного коммунизма. Он одним своим нахрапом мог доставать паровозы, биллионы миллиардов и даже иногда фунт коровьего масла.

Это Сапогов кричал тогда, напирая:

– Мерзавцы! Саботажники!! Расстрелять вас мало!

В последующие годы, после ряда одергиваний, он значительно смягчил свой головотяпский тон.

– Ерунда! Болтовня! Глупистика! – зыкал на заседаниях Сапогов по поводу каждого делового предложения и, обращая своей лакированной стороной к начальству, заявлял:

– Нужно дело делать, а они занимаются болтовней! Я берусь это сделать без всяких дурацких планов и разговорчиков» [6, с. 5].

Нижеследующий набор руководящих указаний, конечно, вызывает читательскую улыбку, – в такую фантазию поверить трудно, – а вот в безволие людей верится без труда!

«Желая прекратить хождения и отлучки сотрудников, он заказал особого рода стулья с прибором для глухого закрепления седалищной части. После протеста явно обидевшейся профорганизации Сапогов выдвинул другое требование. Он пожелал ввести для всей конторской братии, в виде прозодежды, водолазные костюмы, вполне гарантирующие на суше от излишних телодвижений. К счастью, запасы водолазных костюмов в это время были ошибочно засланы в какую-то безводную степь и достать их можно было только после многолетней ожесточенной переписки. А к этому времени и сама кампания по рационализации утихла. При командировках на места Сапогов напирал без особой натуги. Он просто потрясал мандатом и незаряженным наганом (заряженного сам боялся), а для вящего устрашения местной головки требовал переговоров по прямому поводу» [6, с. 5].

Сатирически высмеивается только то, что реально в своей основе – в данном случае этой основой является *общий мотив* рассказов, – успешное воздействие на людей ничтожного человека:

«Особенно многое прощалось Сапогову за его умение одолевать представителей других ведомств. Если это оказывались на свою беду люди умные, добросовестные и деликатные, то Сапогов расправлялся с ними, как волк с ягнятами.

– Да что вы мне басни рассказываете! Ближе к делу! Довольно чепухи! – обрушивался на них Сапогов глиняной глыбой. Умные люди, увидя, что напоролись на шумного, нахрапистого дурака, нередко сдавались. Они не без основания опасались за свою нервную систему, *которая и без того была расшатана* (курсив мой. – А.Ю.).

– С дураком лучше не связываться! – уступали они. –хлопот не оберешься!» [6, с.5].

«Дурак» успешен! Ему не просто везет, его ценят и продвигают. Это реальность не одного, а всех рассказов о «лакированных» людях. Дурак Сапогов, ко всему прочему, активно стремится к созданию культа своей собственной личности. И вновь мы видим, что нет никакого сопротивления, – открывается широчайший простор для возвышения дурака через «дурацкую» энергию.

«В конце концов, Сапогов уверовал сам в себя. Он стал считать, что если что и делается в этом мире, то только благодаря его, Сапогова, энергии. Немудрено, что любимым его словечком, которым он начинал почти каждую фразу, сделалось "я".

– Я предвидел! Я говорил! Я так и знал! Я это выдвинул!

Однажды какой-то шутник сказал Сапогову:

– Вы знаете, вчера в Москве метрополитэн вырыли...

– Конечно, знаю! – ответил, не задумываясь, Сапогов, – я им, дуракам, еще на прошлой неделе говорил, чтобы вырыли...» [6, с.5].

Энергия подавления характерна и для Штольцевой. Облик ее квартиры раскрывает умственный горизонт, производящий в волевом акте хозяйки этого пространства агрессию и насилие над людьми. Она

убрала ковер, выбросила на помойку Чехова и Тургенева, «недостаточно выдержанных», сняла со стены портрет Луначарского, «заподозренного ею в правом уклоне», и стала «удручать» человечество своим революционным бредом. Она завопила о контрреволюции, когда увидела в сатирическом журнале портрет Буденного. Ее спросили – почему это контрреволюция? «Как почему? Вы не видите? А лошадь-то? Желтого цвета! И такую контрреволюцию преподносят массам!» – говорила Штольцева [7, с. 2].

Казалось бы, это просто больной человек, диагноз поставить трудно: «Контрреволюцию Штольцева находила повсюду: в пьесах, на конфетных обертках, в рисунке ситца, в газетных объявлениях, в военной форме, в прическе, в французских каблуках – словом, всюду, кроме тех мест, где контрреволюция и в самом деле могла быть» [7, с. 2].

Она заказала себе очки с красными стеклами: «Но, к ее ужасу, сквозь эти очки красные флаги казались черными.

– Контрреволюция! Черные флаги!

– Это закон оптики! – ответили сведущие люди.

– Не втирайте мне очков! – взъярилась Штольцева. – Какой такой закон оптики? Законы могут быть только ВЦИКа. Опять контрреволюцию разводите!» [7, с. 2].

Неадекватная Штольцева тоже вполне успешна: «Баба, конечно, пересаливает, но человек преданный... Кой-кто из людей малодушных даже побаивался ее» [7, с. 2].

Никчемный рубаха-парень Митя Лапшин, пьяница, говорун, ничего не умеющий делать, тоже успешно ведет дела, подтверждая общий мотив всех рассказов о «лакированных» – они добиваются того, чего хотят, и прежде всего – власти над людьми! Во всех рассказах мы видим одну и ту же картину подавленности полусоветского, полуэнэповского общества, живущего в страхе перед дураком, параноиком, агрессивным болтуном, авантюристом, пустым местом, всяким ничтожеством, взявшим власть в свои руки. На это расслабленное, неспособное к сопротивлению общество, была направлена сильнейшая атака сталинской бюрократии, желавшей сформировать в обществе, теряющим энэповские привычки к относительной свободе, устойчивый мотив беспрекословного повиновения решениям партии.

В 1929 г. решили продолжить «коллекцию лакированных». Б. Самсонов даже опубликовал два очерка в пятом и шестом но-

мерах журнала «Крокодил». Но они, судя по всему, не произвели сильного впечатления, и серия заглохла. В этих двух очерках уже были некоторые повторы написанного. Кроме того, сама коллекция лакированных теперь была ориентирована также и на кампанию по «чистке».

Первым в дополнительном ряду был товарищ Гундобин. Он немного напоминал Низового: «Лакировка у тов. Гундобина была не из мудрящих, но вполне надежная. Он лакировался под прирожденно-го общественника». Еще один повтор – Гундобин любил, подобно Палисандрову, болтать о необходимости «создать комиссию» [9, с. 5]. Гундобин, как и все его предшественники, бесконечно заседал. У него тоже не было никаких талантов.

Повторился главный мотив прежних очерков – ничтожность природы властного человека и его общественное процветание.

«...без особых усилий, талантов и квалификации Гундобин зажил припеваючи. Там где-то, по углам, в тени, корпели усидчивые, скромные труженики, дающие осязаемую продукцию. А Гундобин, как орел, безмятежно парил в высоте, поблескивая на солнце своими лакированными крыльями» [9, с. 5].

Последний персонаж «лакированных» – товарищ Скварэ: он «блистал редким бескорытием и принципиальным нестяжательством» [10, с. 7]. На самом деле речь шла о человеке, который как раз любил получать дорогие подарки...

Очерки Б. Самсонова не дали и не могли дать развернутый комментарий к сталинской шутке. Шутка вождя – это не сатира, а скорее пожелание партийным товарищам поскорее избавиться от «лака» и приучить себя к мысли, что партия не шутит с «самокритикой». Б. Самсонов оказался созвучным не Сталину, а русскому философу Н. А. Бердяеву, написавшему в 1921 году известное сочинение «Духи русской революции». Хотел того или нет, но Самсонов как-то естественно перешел от указующей «шутки» вождя к реальной сатире на все советское общество, попавшее под власть «бесов» русской революции.

Бердяев писал о них:

«Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому пере-

ставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях. Революция всегда есть в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые, знакомые лица. Новые души рождаются позже, после глубокого перерождения и осмысливания опыта революции. На поверхности все кажется новым в русской революции – новые выражения лиц, новые жесты, новые костюмы, новые формулы господствуют над жизнью; те, которые были внизу, возносятся на самую вершину, а те, которые были на вершине, упали вниз; властвуют те, которые были гонимы, и гонимы те, которые властвовали; рабы стали безгранично свободными, а свободные духом подвергаются насилию. Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину. Там узнаете вы старую Россию, встретите старые, знакомые лица. Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль, они подобрались к самым вершинам власти. Метафизическая диалектика Достоевского и моральная рефлексия Толстого определяют внутренний ход революции. Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи. Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединялись бы столь разные возрасты, которые так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни. <...>

В революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд. <...> Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подыметесь во весь свой рост после того, как падет самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. <...>

Личина подменяет личность. Повсюду маски и двойники, гримасы и клочья человека. Изолгание бытия правит революцией. Все призрачно. Призрачны все партии, призрачны все власти, призрачны все герои революции. Нигде нельзя нащупать твердого бытия, нигде нельзя увидеть ясного человеческого лика. Эта призрачность, эта неонтологичность родилась от лживости. Гоголь раскрыл ее в русской стихии» [1, с. 8–9].

Непостижимым образом Самсонову удалась «самокритика», но не в партийно-политическом, а в культурно-историческом модуле, – мозаичная картина, им созданная, стала добротным репортажем, который, спустя семь–восемь лет после написания «Духов русской революции», подтвердил мрачные и тяжелые раздумья великого русского мыслителя о судьбе России. Бердяев оказался прав в своих прозрениях: гоголевские образы в личинах, харях и рожах будут повторяться до тех пор, пока внутренние перемены в людях не возобладают над внешними попытками радикально переделать людей и общество под революционные идеалы.

Очерки Б. Самсонова показали, насколько незащищенным оказалось советское общество конца 1920-х годов перед страшной тоталитарной силой подавления всякого непослушания.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Духи русской революции. М. Т8 RUGRAM, 2018. 114 с. (8–9).
2. Самсонов Б. Коллекция лакированных. 1. Товарищ Симаков // Крокодил. 1928. №22. С.3.
3. Самсонов Б. Коллекция лакированных. 2. Товарищ Низовой // Крокодил. 1928. №23. С.6.
4. Самсонов Б. Коллекция лакированных (Портреты). 3. Товарищ Чикулович // Крокодил. 1928. №24. С.7.
5. Самсонов Б. Коллекция лакированных. 4. Товарищ Палисандров (Портреты) // Крокодил. 1928. №25. С.7.
6. Самсонов Б. Коллекция лакированных (Портреты). 5. Тов. Сапогов // Крокодил. 1928. №26. С.5.
7. Самсонов Б. Коллекция лакированных. 6. Тов. Штольцева // Крокодил. 1928. №27. С.2.
8. Самсонов Б. Коллекция лакированных (Портреты). 7. Товарищ Лапшин // Крокодил. 1928. №28. С.7.
9. Самсонов Б. Коллекция лакированных. Тов. Гундобин // Крокодил. 1929. №5. С.5.
10. Самсонов Б. Коллекция лакированных. Тов. Скварэ // Крокодил. 1929. №6. С.7.
11. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С.27–64.

Наши авторы

Сафарян Левон Араикович

независимый исследователь, МГИМО (У) МИД России

Орешин Сергей Александрович

кандидат исторических наук, ведущий эксперт
Государственного бюджетного учреждения города Москвы
«Московский дом национальностей»

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра истории международных отношений
Института всеобщей истории РАН

Фаизов Артем Валерьевич

кандидат исторических наук, город Санкт-Петербург,
независимый исследователь

Эйриян Вартан Арсенович

Студент магистратуры 1 курса МГИМО,
факультет «Международные отношения»

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственной политики
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР/Украина

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор,
профессор, заведующий кафедрой истории России
Средневековья и Нового времени РГГУ

Our authors

Safarian Levon Araikovich

independent researcher, MGIMO University

Oreshin Sergei Aleksandrovich

Ph.D. in History, leading expert of a state budget institution
“The Moscow House of Nationalities”

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D., historian, Research Fellow at Center for the History
of international relations of the Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Faizov Artem Valer'evich

Ph.D., historian, Saint Petersburg,
independent researcher

Eiriyan Vartan Arsenovich

1-year master's student, Department of international relations,
Moscow State University of International Relations

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Associate Professor, Ph.D., historian,
Associate Professor of the Department of State Policy,
Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk,
Lugansk People's Republic / Ukraine

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early
and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел. 8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2021.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 06.08.2021. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

4.2021 july-august

Geopolitics and International Policy Issues

Levon Safarian

Iraqi Kurdistan in the New Realities of Iraq:
From Saddam Hussein's Fall to the Referendum
on Independence _____ 6

Theory and Practice of the Political Games

Sergei Oreshin

Relations between the Federal Center
and the Chechen Republic in 1992–1994 _____ 30

Russia in the World

Ol'ga Zaichenko

“We are considered huns...” The Growth
of Anti-Russian Sentiment in Germany in
the 30–40 Years of the XIX Century and
the Response of the Ruling Circles of Russia _____ 54

Pages of History

Artem Faizov

Composition of the Cabinet
of Ministers in 1734–1741: Activities
of the Main Personalities _____ 82

Vartan Eiriyani

The Journal of the Moscow Patriarchate
as a Reflection of Early
Postwar Stalinism _____ 108

National Doctrine

Igor' Tatarinov

From Taurida Province to the Soviet
Republic: Transformation of the Status
and Administrative-Territorial Boundaries
of Taurida in 1917–1921 (the end) _____ 130

Labels and Myths

Andrey Yurganov

How a Stalinist Joke Became the
Epicenter of an Ideological Campaign
and What Came of It (1928) _____ 156

РОССИЯ XXI